

*Моим дорогим родителям Таисии
Никифоровне и Георгию Ивановичу
посвящаю.*

К ЧИТАТЕЛЮ

Переселение греков из Крыма, состоявшего еще под владычеством татарских ханов, в земли, подвластные скипетру России, есть происшествие столь важное, что заслуживает быть сохраненным в летописях со всеми подробностями. Идею эту разделяют сегодня не только жители тех сел Донецкой области, в которых проживают потомки крымских греков, но и многие профессиональные историки.

Именно для того, чтобы подчеркнуть свежесть этой мысли, автор "раскавычил" не ему принадлежащую первую фразу. Стиль, впрочем, выдает, что сказано это не сегодня. Слова эти принадлежат архиепископу Херсонскому и Таврическому Гавриилу, почти сто пятьдесят лет тому назад написавшему их в одном из своих трудов.

"История заселения моей земли и вообще всех окрестностей любопытна. Мы читаем записки о колонизации Канады, Новой Зеландии, Перу и Колумбии, а допытывался ли кто-нибудь до недавних событий заселения наших бывлых запорожских земель, нашего азовского поморья, или хотя бы одного здешнего уезда? Это целая поэма во вкусе Купера и Вашингтона Ирвинга". Это уже Г.П. Данилевский ("Беглые в Новороссии"). Роман свой Г.П. Данилевский писал в 1860 году. Тем более трудно сегодня представить, что некогда этот край, именуемый ныне Приазовьем, перенасыщенный индустрией и густой сетью дорог, практически пустовал. Стремительное освоение Приазовья привело к тому, что сегодня на этой территории, пожалуй, не отыскать точки, с которой не были бы видны город или село, завод или ферма, линия электропередач или элеватор. А всего два столетия назад в устье Кальмиуса располагалась единственная приграничная паланка запорожцев, состоявшая из нескольких куреней. После уничтожения правительством свободного казачества по левобережью Днепра земли эти вновь оказались пустыми.

Одними из первых, кто пришел сюда, чтобы навсегда поселиться и обрести здесь новую родину, оказались греки. История их, вновь обретших после недавнего возвращения Мариуполю его "законного имени" исторического названия, на самом деле весьма интересна. Как и во всякой истории, в ней можно обнаружить и немало поучительного. Интерес к ней проявляли многие исследователи. Во всяком случае, картотека названий книг, статей, других материалов, посвященных переселению греков из Крыма в Россию, крымской и приазовской истории мариупольских греков, у автора насчитывает более двухсот названий. Исходя из этого огромного числа, можно было бы не браться еще за одну книгу, если бы не ряд весьма существенных обстоятельств. Дело в том, что подавляющая часть упомянутых книг и статей написана в XVIII, XIX или начале нынешнего века, и это делает их неизвестными и недоступными широкому читателю. Но даже если бы такая книга или статья и попала кому-то в руки, то и в этом случае читатель не смог бы получить полного представления об интересующих его событиях. Каждая из работ о греках освещает проблему лишь с одной какой-то стороны. Есть немало замечательных научных исследований и по быту греков в разные годы их жизни в Крыму и Приазовье, и по языку, и по культуре, и по истории переселения, принадлежащих известным историкам, этнографам, писателям, путешественникам и государственным деятелям. Однако нет такого труда, в котором можно было бы найти ответы на самые основные вопросы, как часто задаваемые мариупольскими греками. Вот некоторые из них. Когда и почему греки переселились из Крыма в Приазовье? Почему в разных селах сегодня говорят на разных диалектах и даже разных языках? Какова роль во всем этом А.В. Суворова? Наконец, как вообще греки оказались в Крыму?

Необходимость же такого исследования назрела давно. В беседах с жителями греческих сел Донецкой области автору нетрудно было заметить возросший интерес к своей истории. Вместе с тем, хотелось бы отметить крайне низкую, слабую осведомленность жителей греческих сел Приазовья о событиях не только двухвековой давности, но и сравнительно недавнего прошлого. Незнание это, прежде всего, проявляется в утрате истинно греческой национальной культуры, традиций и обычаев, а главное, - родного языка. Для многих мариупольских греков единственным источником информации по всей теме оставались до последнего времени лишь некоторые художественные произведения с весьма отрывочными и нередко неверно освещенными историческими фактами. Наметившийся в последнее время интерес к истории вообще, и к истории собственного народа в частности, не

обошел и греческие села Донецкой области. Именно это заставило меня приступить к разработке данной темы.

Хотя главная задача данного исследования виделась мне в установлении основных этапов заселения крымскими греками бывшего Мариупольского уезда (современные Старобешевский, Тельмановский, Волновахский, Володарский, Великоновоселковский и Першотравневый районы Донецкой области), невозможно было пройти мимо крымского периода жизни греков. Этот исторический экскурс вызван следующими соображениями. Во-первых, знакомство с жизнью греков в Крыму, с их сложной и любопытной историей позволит правильнее и полнее понять многие характерные особенности современного греческого населения Донбасса. Особенности эти, несмотря на более чем двухвековое пребывание в новом отечестве, все еще продолжают проявляться в традициях, обычаях, манере поведения, языке и пр. Во-вторых, оглядка в столь далекое прошлое необходима ввиду спорности самого вопроса о "степени родства" греков, переселившихся в Россию в 1778 году, с греками, которые свыше 2.5 тысяч лет назад впервые ступили на берег Крыма. Исследователь истории христианства в Крыму Ф. Харта-хай усматривает такую прямую связь. Однако Т.Н. Чернышева, проанализировав собранные ею материалы по истории мариупольских греков, а также Г.Л. Арш, полагают, что последние вряд ли являются прямыми потомками выходцев из Милета и Афин, т.к. греческое население Крыма постоянно пополнялось за счет новых переселенцев, прежде всего из Малой Азии. Такого же мнения придерживается и В. И. Наулко. Здесь трудно разделить чью-то точку зрения - для этого требуется анализ значительного исторического материала, большая часть которого, вероятно, безвозвратно утеряна.

Необходимо отметить, что греческая эмиграция в Россию, частью которой является переселение греков из Крыма, - процесс длительный, протекавший со значительной интенсивностью в разные времена. Сам факт многократных актов переселения греков в Россию из Греции, Турции, Крыма представляет большой интерес. Один из крупных специалистов по этому вопросу Г.Л. Арш в связи с этим указывает, что "общность религии и связанное с этим значительное греческое влияние ставили греков в Московском государстве в особое, по сравнению с другими иностранцами, положение".

Одна из самых значительных волн греческой эмиграции в Россию связана с русско-турецкой войной 1768-1774 гг. История этого переселения, а также события, предшествовавшие ему, и составляют предмет данного исследования.

Это событие представляет большой интерес еще и потому, что самыми активными его участниками были такие выдающиеся исторические личности России, как Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, П.А. Румянцев. За переселением внимательно следила императрица Екатерина Вторая.

Основными источниками для написания книги послужили материалы, хранящиеся в библиотеках Москвы, Одессы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Днепропетровска, Симферополя и других городов, а также труды современных ученых нашей страны и Греции.

Часть материала собрана автором непосредственно на месте - в Крыму, в греческих селах Донецкой области, Турции и Греции.

Работая над книгой, автор постоянно ощущал поддержку и получал практическую помощь члена-корреспондента Академии Наук Е.И. Дружининой, многих краеведов Донбасса. Особенно хотелось бы отметить многолетнее плодотворное сотрудничество с С.Т. Темиром, Н.Г. Заходенко, Р.С. Харабадот, В.В. Харабетом. Всем им, а также многим жителям греческих сел Приазовья, помогавшим мне собирать ценные сведения по истории греков, поделившимся семейными воспоминаниями и преданиями, выражаю самую искреннюю благодарность и признательность.

Эта книга не увидела бы свет, если бы не финансовая помощь Союза греческих журналистов, газеты "Эгштрофи" ("Возвращение"), профессора Аристотелевского университета г. Салоники Костаса Фотиадиса и моего друга Христофора Макарова, проживающего в Греции.

Я глубоко благодарен следующим хозяйствам Донецкой области, оказавшим существенную спонсорскую помощь при издании книги:

- колхозу им. Дзержинского (с. Стыла, Старобешевского района),
- совхозу "Каракубский" (с. Раздольное, Старобешевского района).

Призываю всех читателей обратить на это особое внимание и по достоинству оценить истинно патриотические деяния названных лиц и коллективов.

ГРЕКИ В ТАВРИДЕ

Первые поселения

Греческая колонизация черноморского берега Крыма началась еще в античные времена и связана с бурным ростом греческих полисов. В поисках лучшей жизни и плодородных незанятых земель ионийские греки (Иония - прибрежная область Малой Азии) - в основном это были выходцы из крупнейшего города Малой Азии Милета - устремлялись к берегам Эвксинского Понта. Так греки именовали Черное море (в переводе - "гостеприимное море"). Важную роль в колонизации Черноморского побережья сыграли жители и других мест Греции и Малой Азии. Большую помощь в выборе мест для будущих колоний, которые выбирались заранее и очень тщательно, оказывал Дельфийский оракул. Жрецы его хорошо были осведомлены о наличии таких районов. Побережье Черного моря в полной мере отвечало требованиям, которые греки предъявляли к местам будущих поселений. Земли здесь были плодородными, удобными для жизни, с надежными источниками питьевой воды и удобными гаванями.

В колонии уходили в основном малоземельные и безземельные жители греческих полисов. Последние при этом освобождались от избыточного населения, прокормить которое становилось все труднее; Отток населения из Греции К. Маркс оценивал как "вынужденную эмиграцию, принимавшую форму периодического основания колоний".

В конце VI в. до н. э. выходцы из Малой Азии основали в Крыму свои первые колонии - Феодосию, Мирмекий, Керкинитиду (Евпаторию), Пантикапей (Керчь), в V в. до н. э. - Херсонес (в районе современного Севастополя). В это же время выходцами с о. Лесбос основаны на Таманском полуострове Фанагория, Кепы, Гермонасса. В некоторых случаях там, где возникали города, еще раньше появлялись небольшие поселения - эмпории (торговые поселения), служившие грекам для торговых операций с местными племенами. Именно на месте одной из ионийских эмпории выходцами из Гераклеи Понтийской и был основан Херсонес.

Это было время величайшего расцвета эллинской науки и культуры. Трагики Софокл и Эврипид, комедиограф Аристофан, историки Геродот и Фукидид, скульпторы Поликлет и Фидий, философы Демокрит, Анаксагор, Левкипп, врач Гиппократ - вот какие имена возвеличивали эту эпоху! Был среди известных философов и современник Геродота, Архелай. Спустя 2,5 тысячи лет такую фамилию можно встретить у мариупольских греков, например, в с. Большая Каракуба (ныне с. Раздольное).

В Приазовье, в устье Дона, в начале III в. до н. э. возник город Танаис, ставший самым северо-восточным пунктом античной колонизации. Севернее, кажется, проникал лишь Геракл, в погоне за керинейской ланью (см. четвертый подвиг Геракла).

Основывались колонии, как частными лицами, так и властями метрополий. В последнем случае назначался ответственный за основание колонии - ойкист. Иногда в честь него давали названия возникавшим колониям. Например, Фанагория названа по имени ее основателя, ойкиста Фанагора.

Города, возникавшие в Крыму, так же как и в Греции, были городами - полисами, т.е. небольшими городами - республиками с рабовладельческим строем. Одновременно с городами, вокруг них, возникали и мелкие поселения сельского типа. Со временем греческие поселения разрастаются за счет новых переселенцев и притока в них местного населения, проживавшего в скифских, меотских поселениях.

Как отмечает крупный специалист по античному искусству М. М. Кобылина, основывая новые города, греки переносили в них и социально-политическую структуру метрополий, свою высокую культуру и искусство, свое миропонимание. В первое время новые колонии в основном представляли аграрно-торговые поселения. Одна из основных их функций состояла в регулярном снабжении Афин, Милета и других городов, государств хлебом, рыбой, рабами и др. Интересно отметить, что хлеб производили не только в поселениях деревенского типа. Сельским хозяйством занимались и жители городов. Многие города имели свою сельскохозяйственную территорию - хору, на которой выращивали хлеб (преимущественно пшеницу и ячмень). Древнегреческий географ Страбон писал, что Херсонес был особенно богат хлебом. Поле, "вспаханное первым попавшим лемехом, давало большой урожай". Жители Херсонеса именовались "георгами" в буквальном смысле этого слова, т.е.

земледельцами. Так же, как и в городах самой Греции, в городах Северного Причерноморья укоренился культ Деметры - богини земледелия.

Из метрополий ввозились ткани, оружие, предметы роскоши. Важнейшими статьями импорта являлись вино и оливковое масло. Вино для греков было основным питьем и, разбавленное водой, всегда употреблялось во время еды. Оливковое масло также использовалось в пищу, для освещения (в глиняных светильниках) и для изготовления различных парфюмерных изделий.

Чрезвычайно сильным на Северное Причерноморье было влияние Афин. В Крым приезжали греческие мастера, скульпторы, ввозились готовые произведения искусства. И все же, по сравнению с Грецией, крымские колонии не отличались высоким уровнем, например, культово-общественного зодчества. Многие исследователи отмечают скудость архитектурных памятников в крымских колониях. Наиболее наглядно проявлялось это в отсутствии театров, столь характерных даже для глухой провинции в Греции. В Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга собраны многочисленные находки украшений и посуды из Крыма, завезенные туда из Греции. Их высокие достоинства, безусловно, свидетельствуют о богатстве греческого населения, состоявшего преимущественно из купцов, которых манил туда хлеб.

Искусство и культура Древней Греции оказывали немалое влияние и на многие местные племена. Возникшее в III в. до н. э.* в Крыму Скифское царство со столицей Неаполь (близ современного Симферополя) имело много общего с греческими городами. В Неаполе, помимо скифов и тавров, проживали и греки. В своей "Истории" Геродот рассказывает, что скифский царь Скил предпочитал греческий образ жизни. Он надолго покидал место своего жительства и поселялся в Ольвии - городе на берегу Днепровско-Бугского лимана в роскошном мраморном дворце, соблюдая при этом все эллинские обычаи и совершая жертвоприношения богам. За приверженность греческому образу жизни Скил был убит восставшими против него скифами. Культура и быт местных племен (греки называли их варварами), в свою очередь, оказывали большое влияние на северо-причерноморских греков. Это привело к возникновению здесь своеобразной греко - варварской культуры, оставившей много замечательных памятников искусства и художественных изделий. При раскопках скифских курганов обнаружено множество выдающихся находок, что свидетельствует о высоком уровне скифской культуры, о знакомстве скифов с греческой мифологией. А один из семи самых известных мудрецов древнего мира - скиф Анахарсис путешествовал по Греции, знакомясь с достижениями ее культуры. Как и царь Скил, Анахарсис был убит своими соплеменниками. Вообще греко - скифские отношения были различными и, как пишет М.В. Агбунов, они "знали и времена мирного добрососедства, и периоды ожесточенной вражды с кровопролитными сражениями".

Несмотря на большой вклад Афин, в колонизации Черноморского побережья все же главную роль сыграл Милет. Этот город, благодаря своему географическому положению, стал центром, связавшим Причерноморье и северную часть Эгейского моря с Восточным Причерноморьем. В Милете процветали ремесло, производство керамики и тканей. Торговые интересы этого города побуждали его жителей искать новые рынки сбыта, что они и делали, плавая по Черному морю. Страбон, подчеркивая важное, значение Милета в колонизации Северного Причерноморья, писал: "Много славных деяний совершил этот город, но величайшее из них - это множество основанных им колоний, потому что весь Эвксинский Понт... был колонизирован милетцами".

В III-II в. до н. э. греческие колонии в Крыму еще более расширяют свои внешние связи и устанавливают оживленные отношения с Египтом, островами Эгейского моря.

Херсонес и Боспор

Все греческие колонии в Крыму административно делились на две части: одни входили в состав Херсонесской республики, другие - в Боспорское царство.

Херсонес (по-гречески - полуостров) располагался в очень удобном месте, будучи с трех сторон ограничен морем. От остальной части Крыма он отделялся глубокими балками, также служившими естественными границами. Если к этому добавить, что город расположился на

* Существуют и другие версии относительно времени образования скифского государства. Например, IV в. до н. э. Иван Джуха. «Одиссея мариупольских греков: очерки истории». Вологда 1993.

возвышенности, то можно представить, сколь выгодным было местоположение Херсонеса. Роль его в истории Крыма столь велика, что есть смысл познакомиться с ним поближе.

Город имел правильную планировку: улицы в нем пересекались под прямым углом, образуя кварталы. Улицы были вымощены камнем, имели водостоки, отводившие в море дождевую воду.

В состав Херсонесской республики входили населенные пункты, расположенные на западном и севере - западном побережье Крыма. Весь этот район херсонесцы называли равниной. Он-то и был основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. Кроме зерна (пшеницы, ячменя, проса), здесь производили фрукты, виноград. Видное место занимали рыболовство и строительное дело. Повсеместно широко использовался труд рабов, которые вместе с тем составляли одну из статей экспорта Херсонесской республики. В рабство обращались в основном жители местных племен - скифы и тавры. Господствующим классом в республике были греки - рабовладельцы, владельцы земли, ремесленных мастерских и кораблей. Второстепенную роль в жизни Херсонесской республики играли свободные крестьяне.

Удобное положение Херсонеса делало его трудно уязвимым со стороны зачастую обретавших враждебность племен. Однако после образования Скифского государства Херсонесу было все труднее отстаивать свою независимость. В конце II в. до н. э., когда походы скифов против Херсонеса стали особенно опасными, херсонесцы обратились за помощью к понтийскому царю Митридату IV (Евпатору). Он помог Херсонесу, но его помощь дорого обошлась республике: она потеряла независимость и вошла в Состав Понтийского царства. С этого времени Херсонес постепенно приходит в упадок. В IV в. из житницы, вывозившей хлеб в Грецию, Херсонес превращается в город, сам покупающий хлеб из-за границы в обмен на соль. Возможное объяснение этого видится в том, что с открытием такого нового источника хлебного производства, как Египет, Херсонес и все черноморские колонии потеряли в хозяйстве древнего мира то значение, ради которого они создавались греками.

Но еще задолго до этого в жизни Херсонеса произошло одно очень важное событие, имевшее последствия, выходящие далеко за его пределы. В I в. здесь было принято христианство, и появился первый оплот новой религии - Георгиевский монастырь.

С установлением христианства на Херсонес, как и на другие-колонии, все большее влияние начинает оказывать Константинополь, столица Византии. Вообще, начиная с 60-х годов I в. до н. э., судьбы всех греческих колоний связываются с Римом, установившим свою власть над Средиземноморьем. С этого времени византийцы именуют себя ромеями, т.е. римлянами. Причем, как считает Г.Г. Литаврин, это были не только греки, но и "прочие христианские подданные императора: и славяне, и армяне, и грузины". Но из них ромеями до сих пор именуют себя только греки.

С принятием христианства в труднодоступных горных районах Крыма появляется множество церквей. Остатки таких церквей сохранились в пещерных городах Крыма (Тепе-Кермен, Качи-Кальен, Мангуп-Кале, Черкес-Кермен). Появление большей части их совпало с иконоборческим движением в Византии (VIII-IX в.). Борьба с ним в самой империи привела к тому, что многие почитатели икон бежали в Крым. Согласно легенде, в Инкермане жил папа Климент I, сосланный на работу в каменоломни за распространение христианства на родине. Первые церкви, как правило, строились вблизи источников воды или даже непосредственно над источником таким образом, чтобы он оказался под алтарем церкви. В таких случаях вода, вытекавшая из источника, считалась целебной, и к источникам, а стало быть, и к церквям, стекалось много народа. Такие источники имелись в Массандре (Аи-Ян -- святой Иоанн), в селении Буюк-Ломбат (церковь Св. Федора и монастырь Св. Ильи), в деревне Лимена и других местах. Но особой известностью пользовался источник Савлух-Су («живая вода» по-татарски). Сюда из самых разных мест Крыма приходили не только христиане, но и мусульмане. Греки называли Савлух-Су источником Козьмы и Демьяна. (Вообще-то, это были два источника, сливавшиеся вместе чуть ниже того места, откуда они вытекали). Вот что рассказывает легенда о чудодейственных свойствах этого родника.

Два искусных врача, Козьма и Демьян, принявшие христианство, при римском императоре Диоклетиане сосланы были за свою веру в Крым. В горах их убил один из врагов, который завидовал их искусству исцелять больных. Убийца похоронил тела убитых вблизи источника, вытекавшего из горы. Прошло много времени после смерти Козьмы и Демьяна, когда некий житель близлежащего села, возненавидев свою жену, увел ее в горы, выколол ей глаза и отпустил бродить среди неизвестных ей мест. Несчастная женщина умирала от боли и голода, когда неожиданно встретила двух незнакомцев. Те сказали, что являются братьями-врачами. После этих слов они подвели женщину к источнику и велели умыться из него. Как только женщина умылась, к ней вновь вернулось зрение.

Возвратившись в свое село, она рассказала о встрече и своем исцелении. Тогда один из жителей этого села, не поверивший в целебные свойства воды, добрался до источника и бросил в него мертвого барана. Тот сразу ожил. С тех пор все поверили в чудодейственную силу источника и назвали его источником Козьмы и Демьяна. Именно ими оказались незнакомцы, вылечившие женщину. Сюда приходили больные в надежде получить исцеление. В течение нескольких веков ежегодно, 1 июля, отмечалась в Крыму память Козьмы и Демьяна. В этот день к источнику приходили священники и происходило служение.

Но вернемся к Херсонесу. В X в. на Херсонес совершил набег киевский князь Владимир. Взять город ему помог житель Херсонеса Анастасий, который посоветовал Владимиру отвести воду, поступавшую через водопровод в город.

В Херсонесе в 983 году Владимир крестился. Крещение происходило в церкви Святой Богородицы, стоявшей в центре города на рыночной площади. В Херсонесе Владимир женился на византийской принцессе Анне, сестре императоров Василия и Константина. Возвращаясь в Киев, он взял с собою многих греческих священников и с их помощью приступил к обращению в христианство Руси.

Окончательно свое могущество Херсонес потерял с приходом в Крым в XIII в. генуэзцев.

С XIII в. Херсонес находился в зависимости от трапезундских императоров, уплачивая им дань. Окончательно опустел Херсонес в конце XIII - начале XIV в. Во всяком случае, турки, овладевшие Крымом в 1475 году, обнаружили уже пустые дома и оставленные церкви. (На месте церкви, в которой крестился Владимир, император Александр I хотел заложить большой храм в стиле XII в., но идея так и не осуществилась).

Несмотря на потерю Херсонесом своего могущества, в течение еще многих столетий память о нем, как источнике христианской веры в Крыму, сохранялась среди греков. В своем "Описании Крыма" М. Броневский сообщает, что ежегодно на месте разрушенного монастыря Святого Георгия еще в XVIII в. "собираются все греки Крыма и торжествуют свой годовой праздник".

Боспорское царство возникло в V в. до н. э. Объединение колоний в царство, как считает С.А. Жебелев, было обусловлено необходимостью противостоять нападению туземных народов, численно во много раз превосходивших греческое население.

Центром Боспорского царства стал город Пантикапей. Располагался он в удобной бухте на берегу Боспора Киммерийского (Керченского пролива) и вскоре после основания стал центром транзитной торговли. Боспор Киммерийский был важным районом миграции рыбы, и в Пантикапее и соседних с ним колониях очень рано возникло промысловое рыболовство. Возможно, что и само название города, полагает Д.Б. Шелов, переводится с персидского, как "путь рыбы".

Правитель Пантикапея носил титул архонта * и принадлежал к милетской фамилии Археанактидов, ведших свое происхождение с Археанакта, ойкиста Пантикапея.

В состав образовавшегося Боспорского царства вошло множество мелких земледельческих поселений, а также Нимфей, Феодосия, Фанагория. Боспор давал половину всего хлеба, необходимого Афинам. Интересы Боспора в его торговле с Афинами отстаивал Демосфен, ратовавший за беспошлинный вывоз хлеба из Боспора в Афины. На таких условиях, указывает С.А. Жебелев, осуществлялся ввоз товаров из Афин в Боспор. Специальным распоряжением Боспорского правителя суда, вывозившие хлеб в Афины, грузились первыми.

К концу V века до н. э. Пантикапей превратился в крупнейший экономический центр эллинского мира в Причерноморье. Так же, как и Херсонес, Боспорское царство экспортировало огромное количество рабов в Грецию. Особенно много рабов требовалось в Греции после разорительных греко-персидских войн. Некоторые историки полагают, что, в Аттике количество рабов значительно превышало количество свободных граждан. Любопытный факт: часть рабов-скифов из Крыма использовалась в Афинах рабами-полицейскими. Афиняне, по свидетельству современников, были довольны тем, как они выполняют свои обязанности. Полицейских греки именовали "скифами".

Начиная с III в. до н. э., ввиду участвовавших набегов скифов, земледелие приходит в упадок, уступая ведущее место рыболовству. Пантикапею присвоили даже шутовское название "полный солониной город," пишет А. Сибирский. Кроме этого, в Пантикапее, как и во всем Боспоре, было развито керамическое производство. Здесь, например, изготавливали амфоры, в которых хранили зерно, другие сыпучие продукты, вино.

В Пантикапее развито было даже металлургическое производство. Металл использовался для изготовления орудий труда и оружия. В ремесленных мастерских (эргастариях) работали преимущественно рабы. Торговля с Афинами не ограничивалась лишь хлебом и рыбой. Для Афин

* Архонт - высший чиновник городской общины.

Иван Джуха. «Одиссея мариупольских греков: очерки истории». Вологда 1993.

Пантикапей стал рынком золота, в котором Афины очень нуждались. Здесь же оно, поступавшее с Урала и Алтая, было относительно дешевым.

Прочное экономическое сотрудничество Боспорского царства с Афинами переросло в политический союз. Так, в V в. до н. э. Нимфей и некоторые другие города Боспорского царства вошли в состав Афинского Архэ - военно-политического союза греческих городов под гегемонией Афин.

В конце II в. до н. э. Боспорское царство потеряло свою политическую независимость, а в 81 г. до н. э. покорилось, как и Херсонес, Митридату.

Крымское ханство

В начале новой эры в Крым устремляются различные племена. Тут побывали гунны, болгары, угры, хазары, но ни одно из этих племен в Крыму не осело. Приблизительно с VIII в. вновь проявляют интерес к Крыму славяне. В это время уже шла оживленная торговля по Днепру между Киевом и городами на побережье Черного моря. Есть сведения, что с IX по XI вв. на месте Пантикапея располагался древнерусский город Корчев. В 941 г. свой первый поход в Крым совершил князь Игорь. Через три года он вновь, направляясь в Византию, побывал в Крыму.

Византия, установив свою власть над Крымом, была заинтересована в греческом элементе в Крыму. При императоре Юстиниане основываются еще два греческих города - Алушта и Гурзуф. Еще более значительный приток греческого населения отмечен в VIII в. в эпоху иконоборческого движения. Выше говорилось, что Крым явился одним из мест, где искали убежище почитатели икон. Но наиболее мощным был приток греков в XIII в. из Малой Азии, в которой многие исследователи видят источник этнического своеобразия греческих поселений в Крыму.

В XI в. на Крымский полуостров вторглись половцы, но их пребывание было недолгим. В XII в., сразу после основания Золотой Орды, в Крыму появились татары. Они расселились по степной и юго-восточной части полуострова. Столицей их стал Эски-Крым. В Крыму татары приняли магометанство (до этого они были огнепоклонниками).

В том же столетии произошло еще одно важное событие в истории Крыма - прибытие сюда венецианцев и генуэзцев. Заключив выгодные соглашения с татарами, итальянцы, известные в крымской истории, больше как генуэзцы, заняли удобное для торговли южное побережье. Здесь они создали ряд факторий. Одной из крупнейших факторий стала Кафа (так, генуэзцы называли Феодосию), а затем и Соддайя (Судак). Генуэзские купцы покупали у татар продукты, продавая им некоторые орудия труда. Они же научили татар ухаживать за виноградом. Очевидным было влияние генуэзцев и на местных христиан - греков и армян. (Последние прибыли в Крым в 1262 г. из Армении. В 1292 году армяне объединились в армяно-кафскую епархию).

До прихода татар христианство в Крыму распространялось спокойно, существованию греческой и армянской епархии не мешали языческие племена хазаров, печенегов, половцев. Распространение магометанства вначале также происходило спокойно. Борьба двух религий в Крыму началась значительно позже, а вначале посредником между ними выступали генуэзцы. Вообще, история взаимоотношений двух народов - греческого и крымско-татарского - это история распространения и сосуществования двух религий. Как увидим дальше, религиозные расхождения стали в дальнейшем причиной многих событий в жизни двух этих народов.

Между тем, в 1380 году генуэзцы полностью овладевают южным берегом Крыма, окончательно покорив проживавших там христиан. Генуэзцы организовали миссию для распространения христианства, создали библиотеку. С их поселением в Ялте, Кафе и других местах многие населенные пункты побережья становятся важнейшими портами на южном берегу Крыма. Греки, недавние хозяева этих мест, как писал польский путешественник Хотецкий, сильно завидовали богатству генуэзцев и постоянно помышляли об изгнании незначительного числа своих порабощенных.

Слишком неожиданными гостями оказались генуэзцы для греков. В глазах последних они выглядели захватчиками и порабощателями. Донецкий краевед Ф.И. Оглук рассказывает, что генуэзцами пугали детей. (Устрашающий образ этот оказался настолько "удачным", что и через семь столетий среди греков можно услышать "пожелание": "Чтобы тебя схватил генуэзец!").

Середина XV в. ознаменовалась новыми важными изменениями во внутренней жизни Крыма и населяющих его народов. Толчком к ним послужило падение Константинополя и всей

Византийской империи в 1453 году под ударами турок-османов. Спустя четыре года татары, представлявшие до этого орду без какой-либо политической организации, при содействии Турции объединяются в Крымское ханство.

Первым крымским ханом стал Хаджи Девлет-Гирей. (М. Броневский пишет, что первым крымским ханом был Лохтон из рода Чингисов). Хаджи Девлет-Гирей много сделал для распространения магометанства в Крыму. Он совершил путешествие к гробу Магомета, за что был удостоен звания "хаджи", т.е. паломника. И до вхождения на престол Девлет-Гирея в Крыму были ханы, но до XV века они непрерывно сменяли друг друга, практически ничего не успевая сделать для ханства. Предание говорит, что татарское население Крыма высказывало недовольство по этому поводу. Избрание Девлет-Гирея Положило конец частым сменам одного хана другим. Решено было избрать ханом того, кто непременно происходил по прямой линии от Чшг-гис-хана. Узнав об этом, некто Гирей (литовец по Происхождению), спасший Девлета от смерти во время междоусобиц в Крыму и воспитавший его как сына, представил его татарам. Уже будучи ханом, Девлет спросил Гирея, какую тот хочет получить награду. Гирей ответил, что ему ничего не нужно, но желал бы, чтобы спасенный им Девлет добавил к своему имени и его имя - Гирей - и завещал делать то же самое своим потомкам. Вот почему все крымские ханы после Девлета именовались Гиреями.

Хаджи Девлет-Гирей правил 39 лет. В 1467 году он "оставил тесный дом временной жизни и перешел в широкий луг вечности", как написано на ханском кладбище в Бахчисарае. Вскоре после вступления на престол Девлет-Гирея столица Крымского ханства из Эски-Крыма (Эски-Кермена) была перенесена в Карасубазар ("город на черной реке" по-татарски, ныне - город Белогорск), а затем в Бахчисарай.

Постепенно Крымское ханство становится заметной силой в регионе. С ним приходилось считаться даже таким могущественным государствам, как Русь, Польша, Литва. Русь, в частности, стремилась к установлению нормальных отношений с ханством. В 1474 году хан Менгли-Гирей (сын Девлет-Гирея) дал князю Ивану Васильевичу (Ивану III) шертную грамоту (от слова "шарт" - клятва, обещание) "жить в дружбе и любви", а в 1480 г. получил ответную. Хан послал еще одну грамоту, в которой предлагал "союз о взаимном вспоможении против общих неприятностей - польского короля Казимира и Ордынского царя Ахмета", пишет А.Е. Мачанов. В дальнейшем обе стороны продолжали обмениваться грамотами и послами, тем не менее договоры нередко нарушались.

В Москву часто прибывали многолюдные посольские группы татар. Нередко они состояли из ста и более человек, которых русскому двору надо было кормить и одаривать. Ф. Хартахай не без юмора замечает, что такой дружеский визит, по сути, равнялся набегу. Что же касается "настоящих" набегов, то мало сказать, что татары совершали их часто. С.В. Бахрушин пишет, что война была постоянным занятием крымских татар". Едва ли будет парадоксом сказать, - писал он, - что это занятие было для них вполне закономерным средством для получения путем обмена на пленников необходимых им товаров и денег. Спрос, непрерывно предъявляемый средиземноморскими рынками на живой товар, способствовал усилению этого промысла". Известен, например, такой факт. Когда в 1497 году из Турции в Москву возвращался русский посол Михаил Плещеев, после Перекопа его сопровождали татары. Плещеев вез с собой Товары и, не желая платить пошлину, миновал Киев и Канев и направился прямо через поля к Путивлю. Воспользовавшись этим, сопровождавшие его татары грабили между делом незащищенные украинские села. Десятую часть пленных татары отдавали хану, остальных оставляли себе или из Кафы увозили на Константинопольский рынок, где продавали их как рабов.

В 1475 году на южный берег Крыма высадились турецкие войска. В результате войны с турками первыми прекратили свое существование колонии генуэзцев. Завладев южным берегом, Турция приступила к завоеванию всего Крыма. Золотая Орда, пришедшая к этому времени в упадок, не могла оказать сопротивления могущественной Порте. В 1478 году Крымское ханство потеряло свою независимость и стало вассалом Турции. С этого времени все земли в Крыму делятся между турецким султаном, крымским ханом и феодалами (мурзами и беями). Султану, например, принадлежал южный берег Крыма со 110 деревнями, Яйла (горные пастбища), Судакская долина, Керченский полуостров. Хан овладел соляными озерами, горами, а также землями, простиравшимися по долинам рек. Мурзы и беи владели землями, которые они получили в дар от хана и султана.

Сильная зависимость Крымского ханства от Турции проявлялась и в том, что хан назначался лично султаном, а церемония вступления на престол происходила в Стамбуле (Константинополе). Затем, как описывает Б. Вольфсон, на коне в сопровождении янычар он направлялся к берегу моря и на паруснике добирался до Евпатории (турки и татары называли ее Гезлев или Кезлов (Козлов - ИД.),

а оттуда - до Бахчисарая". Воевать и заключать мир хан должен был исходя из интересов Турции. Ежегодно в Крым приезжали эмиссары султана, которые отвозили Э Турцию рабов, хлеб, деньги, драгоценности.

Несмотря на все это, татары Крыма никогда не хотели примириться со слиянием своего государства с Османской империей.

"Турецкая цивилизация не убила самобытность национальной татарской культуры. Крым и под турецкой властью оставался Крымом со своими бытовыми культурными особенностями", указывает С.В. Бахрушин.

Греки и татары

Поражение генуэзцев резко ухудшило положение греков. Теперь они лишились своего единственного защитника. С уходом из Крыма генуэзцев и приходом на южный берег турок две религии неизбежно должны были столкнуться 'лицом к лицу'. В литературе можно найти описания страшных сцен вражды, возникавшей на религиозной почве в чередующихся мирных дней. Описывается, что татары жгли и разрушали христианские церкви и монастыри, истребляли греческие книги, запрещали грекам разговаривать на родном языке. Греки были лишены какого бы то ни было покровительства, поэтому и злодеяния мусульман оставались безнаказанными. Дело якобы доходило до того, что по праздникам татары, потешаясь, устраивали стрельбу на меткость, целясь при этом в больных и престарелых христиан. Обучая стрельбе своих детей, татары приучали их делать то же.

Греки оказались в условиях, когда отказ от веры был единственным путем к физическому спасению. Некоторые, понимая это, принимали мусульманство. Вместе с тем, известно немало случаев потрясающей стойкости греков - прежде всего из числа священников, которые даже перед лицом смерти не изменили христианству. В 1730 году в Кафе был повешен иеромонах Никифор, отказавшийся отречься от веры. Такая же участь грозила и митрополиту Гедону. Его вместе с другими христианами приговорили к повешению на дереве. Иеромонах Даниил принял на себя их обвинения и был повешен. Протоиерей С. Серафимов приводит рассказ одного из старожилов Мариуполя, имевшего возможность знать положение своих соотечественников в XVIII в. "Обложив отцов наших ужасными налогами, хан хотел заставить их отречься от веры и принять ислам, но видя непоколебимость их, издал повеление: иереям и учителям греческой религии в числе семидесяти душ отрезать живыми языки. Языки, снизанные на веревку, отосланы были турецкому султану".

Описывая взаимоотношения татар с христианами в Крыму, Ф. Хартахай писал: "Что могло выйти из столкновения этих народов? Достаточно было одного пустого случая, где татарин, как член господствующего общества, был оскорблен как магометанин, чтобы поднять гонение на целое село и истребить его христианское население". При этом он, однако, мудро добавляет, что если бы господствующей религией было христианство, то, скорее всего, греки и татары - угнетенные и угнетатели - поменялись бы ролями. Но вот что писал он же в другом своем капитальном труде "Историческая судьба крымских татар": "Рассказывали, что окаянные (татары - И.Д.) резали языки христианам, говорившим на своем наречии, жгли их храмы и книги церковные для того, чтобы уничтожить их религию. В действительности ничего подобного не было. Как митрополитам, так и священникам дозволялось отправлять службу торжественно. Без разрешения митрополита никому из мусульман не дозволялось присутствовать при * богослужении и запрещалось принуждать к принятию мусульманства".

Трудно сказать, почему мнение такого вдумчивого исследователя, каким являлся Ф. Хартахай, поменялось на прямо противоположное. Но есть основание полагать, что в первом случае он руководствовался рассказами самих греков о тяжелом существовании их предков, а во втором - историческими документами. Таким документом мог быть фирман султана Мустафы, в котором ряд параграфов декларировал те свободы, о которых и писал Ф. Хартахай. Но утверждать, что все так было и в реальной жизни, вряд ли можно хотя бы потому, что в жизни далеко не всегда бывает так, как это должно быть. Да и многочисленные другие авторы приводят немало примеров, свидетельствующих о непростых отношениях между представителями двух религий.

Имеются, однако, и факты противоположного свойства. Например, греки и татары часто жили совместно в одних селах. В литературе прошлого можно обнаружить немало свидетельств, когда татары похищали гречанок, обращая их в мусульманство. В.Х. Кондараки приводит пример, когда Никитский мулла Куртий-имам похитил гречанку и женился на ней. Этот же автор добавляет, что вплоть до 20-х годов XIX в. греки тоже похищали татарок, славившихся своей красотой.

Но такие случаи имели место уже в конце XVIII века. До этого закон не допускал подобных "вольностей". Согласно ему, грек имел право жениться на татарке лишь тогда, когда мог доказать, что предок его в седьмом колене был уже магометанином. Трудно представить себе, каким образом это можно было доказать. Известно, однако, что у самих татар в плане доказательств главными были предания, которые заменяли им любые исторические документы.

Есть немало свидетельств иностранных путешественников, посещавших Крым в XVII-XIX вв., что татары были людьми большой честности, учтивости, прямоты и доброжелательности. Так, немецкий купец Клееман, попавший в Крым Незадолго до его покорения, по словам С.В. Бахрушина, "не находит слов для выражения своего восторга татарами". М. Броневский подтверждает, что путешественников татары принимают с большим! человеколюбием и гостеприимством".

Путешественников не могли не поразить, к примеру, взаимоотношения между самими крымскими татарами. Еще в XVIII в. у них наблюдались пережитки родового владения имуществом. Это выражалось, в частности, в праве участия каждого из них в трапезе соседа. "Среди них нет бедняков, - писал монах Иоанн до Лука. Если у кого-нибудь из них нечего есть, он идет в дом, где обедают, ни слова, не говоря, свободно садится за стол, затем встает и удаляется без всяких церемоний".

Одно из самых ранних свидетельств о нравах татар принадлежит монгольскому летописцу Мен-Хуну. Он так охарактеризовал татар: "Татары презирают старость и уважают бодрость; у них не в обычае частые ссоры и драки". Добавим и из Ф. Хартаха: "Татары - народ свободный, и ни один татарин не был рабом в среде своего племени".

Сохранившиеся в литературе сведения о правосудии татар рисуют их с самой лучшей стороны. Французский путешественник XVIII века Пейсонелль, сравнивая суды крымских татар и турок, отдает предпочтение первым. А литовец Михалон, за век до Пейсонелля, изучавший обычаи и нравы татар, писал, что суды крымских татар были правосуднее, чем суды его соотечественников.

Можно сделать вывод, что хотя Крымское ханство чем-то и напоминало Османскую империю, но оно не было таким деспотичным. Это было государство с законами, сильно ограничивавшими восточный произвол.

Ухудшение положения греков Ф. Хартаха связывает прежде всего с завоеванием южного берега Турцией. До этого многие ханы отличались заметной веротерпимостью. Так, Девлет-Гирей не только не питал вражды к христианам, но напротив, искал их дружбы, ставил их в пример своим подданным. А по словам русского писателя XVII века Андрея Лызлова, Девлет-Гирей даже материально помогал христианским монастырям.

Греки населяли в основном горные и предгорные районы Крыма, а также его южный берег. В предгорном районе значительное число деревень было сосредоточено вокруг Бахчисарая (в долинах рек Черная, Бельбек, Кача, Альма и на их водоразделах). Это деревни Улаклы, Богатырь, Албат, Керменчик, Шурю, Бешевидр. В треугольнике между Карасубазаром, Судаком и Кафой размещалась другая большая группа греческих деревень: Большая Каракуба (или Каракуба-Аргин), Саргана, Джемрек, Малая Каракуба, Чармалык, Старый Крым.

Греческие села на южном берегу занимали побережье от Херсонеса до Кафы. Это деревни Карань, Форос, Ласпи, Мшатка, Мухалатка, Кикенеиз, Лимена, Симеиз, Алупка, Мисхор, Кореиз, Гаспра, Ялта, Алушта, Никита и др.

Крупнейшими горными деревнями были Стыла, Узенбаш (Озен-баш), Ай-Василь, Демерджи, Лаки, Корбеклы, Большая Енисале.

Первые поселения на южном берегу, как было сказано выше, появились еще в VI-IV вв. до н. э. С приходом татар многие поселения греков стали именоваться на татарский лад. Возможно, это сделали сами греки в тех деревнях, где, наряду с родным языком, они использовали и татарский. Можно предположить, что именно поэтому некоторые деревни имели двойные названия - греческое и татарское, причем оба обозначали одно и то же. Например, татарское название Кучук-Узень и греческое Микро-Потам переводятся одинаково и обозначают "малая река". Рядом располагались деревни Куру-Узень, или Ксе-ро-Потам (Сухая река), Улу-Узень, или Мега-Потам (Большая река). Были деревни и со смешанными названиями; когда часть названия имела татарское происхождение, а часть - греческое (Кучук-Ломбат, Биюк-Ломбат). Что касается деревень остальной части Крыма, в которой проживали греки, то к XVIII в. почти все они имели татарские названия. Это объясняется большим влиянием татар в этих местах по сравнению с южным берегом, где греческие поселения, отделенные от степной и предгорной частей Крыма горами, вели более обособленное существование.

Здесь, по данным А.Л. Бертъе-Делагарда, гораздо больше деревень сохранили свои греческие названия. А.Л. Бертъе-Де-лагард приводит следующий список деревень:

Мухалатка (Михайловка),
Кикенеиз (Курчавая),
Лимена (лиман, пристань),
Симеиз (знак),
Алупка (лисица),
Мисхор (средняя деревня),
Гаспра (белая),
Верхняя Аутка (верхняя эта),
Нижняя Аутка (нижняя эта),
Ялта (прибрежная),
Никита (победитель),
Алушта (неумытая),
Мускомия (душистый мед),
Магарач (пещера),
Партенит (девичья),
Ласпи (грязь),
Миляри (мельница).

Крупный знаток крымской истории П.И. Кеппен считал отатаренными все названия греческих деревень в горном Крыму. В качестве одного из доказательств древнего пребывания греков во многих деревнях с татарскими названиями он приводит наличие развалин греческих церквей, греческие кладбища. К таким деревням П.И. Кеппен относил деревни: Керменчик, Шурю, Узенбаш, Биесала, Улусала, Мангуш, Бешев, Енисала и др.

Все греческие деревни на южном берегу располагались в красивых местах, как правило, с удобными бухтами и землями для посевов, садов. Всюду рядом с деревнями располагались источники с пресной водой. Так, деревня Ласпи разместилась вблизи чрезвычайно удобной бухточки "с превосходными рыбными ловлями", писал А. Л. Бертъе-Делагард в 1914 г Из Ласпи дорога шла в не менее красивую Байдарскую долину. Недалеко же от деревни Мега-Потам имелась долина Ставлухор (т.е. конюшенная деревня), хорошо укрытая от любых ветров. Здесь произрастали одни из лучших садов на побережье.

Теплый климат южного побережья способствовал произрастанию здесь не только винограда, но и мушмулы, граната, хурмы, лавра, который, как известно, издревле почитался у греков. В прекрасных долинах располагались и деревни Аутка и Ялта. Аугкинская долина, с трех сторон защищенная горами, имела выход к морю- Через долину протекала очень живописная река Кремасто-Неро (т.е. висячая вода), которую татары называли Учан-Су. По берегам реки располагалась деревня Фарфара, жители которой вместе с жителями Аутки, как считает В.Х. Кондараки, к концу XVIII в. были единственными из прямых потомков поселившихся здесь древних греков. (Позднее на месте Фарфары греки основали новую деревню - Нижнюю Аутку, а сама Аутка стала Верхней Ауткой). Местные жители любили собираться у источника на окраине села. Вода, вытекавшая из него, была настолько вкусной и прохладной, что, как утверждали сами жители Фарфары, однажды утолив жажду, человек ни за какие блага не расставался с этой местностью. Греки поселились в этих местах очень давно. Еще задолго до основания Фарфары тут располагались селения Пола-Клесия (т.е. много церквей) и Караконджалу-Фулеис (гнездо ведьм).

Почти каждое село на южном берегу располагалось в местности с весьма характерными элементами ландшафта. Так, рядом с Гурзуфом в море вдавался огромный скалистый массив Аю-Дат (Медведь-Гора). Возможно, что и свое название Гурзуф получил от латинского слова урзус, т.е. медведь. Есть, впрочем, и другие объяснения. Согласно одному из них, село названо по имени своей основательницы Криса-фины. Местность вблизи Аю-Дата греки называли Кардиа-Трикон, т.е. "излечение" или "утешение сердца".

Симеиз ("знак" по-гречески) свое название получил благодаря огромной скале с остроконечной вершиной, видимой издали со стороны Ялты и с моря, и, с суши.

В названиях деревень отражались не только характер окружающей местности (Ксеро-Потам, Магарач), но и род деятельности жителей. Именно этим, вероятно, следует объяснить названия таких деревень, как Миляри (мельница), Мармара (мрамор).

В греческих деревнях нередко проживали и татары, но вообще представители двух народов жили раздельно. Татары селились в основном в степной части Крыма, но постепенно проникали и на южный берег. Так, если в XIV-XV вв. из 32 деревень здесь 20 были греческими и 12 татарскими, то уже к концу XVIII в. из 63 деревень лишь 23 были греческими.

Греки, жители южного берега, именовались "татами", т.е. ненастоящими татарами, поскольку, переняв многие татарские обычаи, они сохранили свой греческий диалект (алла). На татарском языке говорили в деревнях, расположенных рядом с крупными татарскими населенными пунктами (Бахчисараем, Карасубазаром). Такие деревни подвергались особенно сильному татарскому религиозно-административному влиянию и экономически тянулись всем своим укладом к этим татарско-турецким городам.

Все деревни с греческим языком находились не только гораздо дальше по расстоянию, но и располагались за естественными преградами: на южном берегу или в глухом узле гор (между Судаком и Карасубазаром).

Греческое население Крыма постоянно пополнялось за счет новых переселенцев из Турции, язык которых претерпел еще до переселения в Крым сильные изменения. П.И. Кеппен пишет, что греки Трапезундского царства, существовавшего на северо-востоке Малой Азии в XIV-XV вв., говорили на испорченном греческом языке.

Тяжелое существование христиан в Крыму усугублялось изнурительными работами, которые им приходилось выполнять. Мартин Броневикий, путешествовавший по Крыму в XVI в., писал, что "греки работают и возделывают поля, как невольники". Он же сообщает, что часто целые деревни в течение многих месяцев даром работали на хана и мурз, причем нередко работавших заставляли выполнять и обязанности рабочего скота.

С таким взглядом на положение греков категорически не согласен Ф. Хартахай. Он полагал, что плачевное состояние христиан в Крыму под гнетом татар сильно преувеличено. Все подобные рассуждения, по мнению Ф. Хартахая, исходили от греческого духовенства, которое пыталось возбудить у путешественников и "ревнителей христианства" сострадание к себе. Что же касается насилия над христианами, то М. Броневикий, похоже, спутал их с христианами-пленниками, которые действительно были рабами. Крымские греки не только не были рабами, но и, согласно закону, сами могли их иметь. При этом им только не разрешалось покупать рабов-мусульман. Налоги и подати, однако, которыми облагались христиане (греки и армяне) были значительно выше, чем налоги и подати с татар. Греки, например, бравшие у крымских мурз и беев землю в аренду, платили им налог натурой: 10 % от урожая хлеба, фруктов, сена, льна, от сбора меда и бахчевых культур, 5% '- от мелкого скота и птицы. По другим данным (например, опубликованным в сборнике "Мариуполь и его окрестности"), подати в пользу хана составляли 1/8 от урожая хлеба, фруктов, овощей, меда и сена, по две пары за каждую овцу и шесть пар за каждую голову рогатого скота. Тут есть от чего схватиться за голову: мыслимое ли дело отдавать двенадцать коров за одну?! А все из-за того, что в упомянутом сборнике то ли спутали, то ли забыли объяснить, что "пара" - это не "два", а название мелкой татарской монеты. Пара равнялась 1/2 русской копейки.

Греки обязаны были платить за каждое поле, которое можно было обработать за один день, по 680 пара. А за сад и виноградники, имевшие в длину и ширину 200 шагов, налог составлял 500 аспр. (аспр - еще одна мелкая монета. Ценность ее не удалось определить точно, но, по некоторым данным, четыре пара равнялись пяти аспрам. Интересно, что крымские христиане деньги так и называли - аспра. Некоторое время уже в Приазовье это их название сохранялось среди греков).

Существовали и "целевые" подати в пользу матери и жены хана. А во времена Батыр-Гирея (с 1637 года) христиане платили налог и с венчания браков. Так, армяне, за свадьбу посылали хану по батману меда (батман составлял примерно десять пудов).

Предание гласит, что сначала греки не признавали господства турок, но платили им дань. Султан, разгневанный упорством христиан, при требовании с них гарача (подати), прислал в Крым свои войска с фирманом (указом), призывающим собирать дань с каждой души по одной бакле (четверти) пшеницы. От этого налога освобождались лишь те христиане, которые соглашались принять ислам. Такие случаи имели место. В.И. Филоненко, говоря о южнобережных и горных татарах, пишет, что это омусульманившиеся греки. Он приводит татарское предание, согласно которому "палками всех загоняли в истинную веру". В доказательство этого В.И. Филоненко

продолжает:".,, до сих пор еще в некоторых селениях южного берега татары соблюдают не мусульманские обычаи и носят чисто греческие фамилии: Кафадар, Барба и др. с прибавкой характерного" оглу" - " сын". (Фамилия Барбо и сейчас довольно распространена в ряде греческих сел Донецкой области).

Особенно сильные лишения испытывали греки в периоды войн, когда они лишались практически всего своего имущества. Во время войн греков действительно заставляли работать, как невольников. Они копали Оборонительные рвы, дробили в каменоломнях камень и возили его для строительства оборонительных сооружений. Сами христиане, как правило, на военную службу не призывались. Однако ядро турецких войск - янычары - составляли греки. Е.И. Дружинина указывает, что

с греческого населения Крыма Турция взимала налог детьми - мальчиками, которых доставляли в Стамбул, насильственно обращали в магометанство и воспитывали в фанатической ненависти к своим вышедшим единоверцам. В середине XVIII в. число янычар доходило до 80000 человек. И.М. Муравьев-Апостол сообщает, что, когда в июне 1475 г. турки взяли Кафу, они захватили 1500 мальчиков, детей венуэзцев, и отправили их в Константинополь в янычары. После смерти Девлет-Гирея на ханский престол был посажен его сын Менгли-Гирей. Силой оружия он яростно добивался, чтобы Крым полностью стал татарским. Он вторгся на южное побережье, принадлежавшее после падения генуэзской республики туркам, и, как пишет Ф. Хартахай, "делает христианам различные притеснения и злодеяния". В одно из таких нашествий была убита часть жителей Кафы, остальная переселена в степной Крым. Именно в это время многие греческие поселения "разбавляются" татарами. Совместное проживание было сложным, поскольку каждый народ по-прежнему оставался непримиримым к религии другого. Естественно, что условия диктовали татары, как представители господствующей нации. Христиане были вынуждены искать уединенные места для отправления молитв и обрядов. Одним из таких мест вновь стал пещерный город Тепе-Кермен, недалеко" от Бахчисарая. Будучи выдолбленным в известняковой горе, он с одной стороны был неприступен, почти вертикально обрываясь к расположенной внизу долине. Несмотря на гонения, христиане вскоре организовали свой "легальный" религиозный центр, расположив его к тому же рядом с ханской столицей. В предместье Бахчисарая Мариамполе, Населенном греками, в конце XV в. возник Бахчисарайский (Успенский) скит.

Впрочем, А. Г. Герцен и О.А. Махнева, специалисты по пещерным городам Крыма, полагают, что Успенский скит возник одновременно с другими монастырями такого же типа, т.е. в VIII-IX вв. в, эпоху иконоборческого движения. В самом же Бахчисарае, по свидетельству священника Иакова, который в 1634-1635 гг. был в Крыму вместе с русским посланником Борисом Дворяниновым, христианская церковь Переделана под мечеть. В нее ходил молиться хан.

После утратившего к этому времени свое значение Георгиевского монастыря Успенский скит стал оплотом христианства на полуострове. Вот как легенда повествует о возникновении этого скита.

Некий чабан пас отару в овраге, когда неожиданно на скале он заметил образ Богородицы. Икону с трудом сняли со скалы и отнесли топарху Михаилу, чью отару пас чабан. Однако на следующий день икона исчезла. Через несколько дней ее обнаружили не той же самой скале, где она впервые появилась. Образ опять доставили топарху, но икона снова исчезла. И вновь спустя несколько дней она оказалась на скале, все в том же труднодоступном месте. Так повторилось несколько раз. Это навело на мысль, что образ Богородицы нигде, кроме этой скалы, то есть избранного ею места, находиться не желает. И тогда в этом месте греки устроили небольшой храм, выдолбив его в скале на довольно большой высоте. Для входа в него снаружи устроили лестницу. В этом храме греки и установили свою святыню. А поскольку явление образа Богородицы произошло 15 августа, в день Успения девы Марии, то и Скит называли Успенским, а возникшее позже вблизи него селение - Мариамполем (Мариам).

Другая легенда утверждает, что в этих местах как-то появился огромный змей, который убивал людей" и животных. Доведенные до отчаяния местные жители, обратились к Божьей Матери с молитвами о спасении. Вскоре они увидели на скале, где жил змей, горящую свечу. Греки вырубили в отвесной стене лестницу и, добравшись до свечи, увидели икону Божьей матери, а рядом - мертвого змея. Змея сожгли и на этом месте устроили монастырь.

Подчинялся Успенский скит Константинопольскому патриарху. С образованием скита все греческие епархии в Крыму объединились в одну - Готско-Кафскую.

Впоследствии Успенский скит поддерживал тесные отношения с русской православной церковью, а начиная с 15% года, получал даже материальную помощь от русского двора.

При царе Федоре Иоанновиче ежегодно монастырь получал по 15 рублей через своего монаха, грека Пасхалия. В это время скит известен еще под названием "монастырь Пречистой Богородицы на Салачике" (Салачик - овраг, в котором находился скит).

...После ухода греков из скита сюда прибыл из Турции греческий священник Константин Спиранди, который с разрешения хана продолжал богослужение, как утверждает Гермоген, для оставшихся в Крыму- греков. И.М. Муравьев-Апостол, посетивший Крым в 1820 году, писал, что уже после выхода греков из Крыма рядом с Успенским скитом продолжали жить престарелый грек, дьякон и его жена...

На самом деле христианские монастыри не были настолько бедны, что нуждались в подаениях. Известно, например, что в 1657 году, когда Маго-мет-Гирей ограбил один из монастырей, то одними деньгами он взял оттуда двести тысяч пиастров (для сравнения: лошадь стоила 30 пиастров).

Главой Готско-Кафской епархии был митрополит, в лице которого сосредоточилась вся гражданская и духовная власть. Назначался митрополит в Константинополе (Стамбуле). По ходатайству константинопольского патриарха султан давал митрополиту фирман (грамоту, указ), в котором закреплялись его права на Крымскую епархию. При назначении митрополит делал подарки султану (или же за него платил патриарх). Митрополит наделялся всей полнотой гражданской и церковной власти. Он мог наказать любого, и никто не имел права ему в этом воспрепятствовать. Наказанным мог оказаться даже священник, который обвинял кого-либо без ведома митрополита.

Таким образом, несмотря на всю сложность отношений между христианами и мусульманами, все же правители Турции и Крымского ханства были заинтересованы в соседстве и сотрудничестве с христианским населением Крыма. Греки и армяне (кроме них, христианами были еще несколько сот грузин и валахов) приносили значительный доход и ханской, и султанской казне. Многие промыслы, ремесла, вся торговля, садоводство, виноградарство, почти все земледелие были в руках греков и армян. Поэтому, как бы хан и султан ни относились в душе к митрополиту и к христианам вообще, они вынуждены были их терпеть, а формально даже поддерживать.

Быт и обычаи крымских греков

Татарское влияние на греков было настолько сильным, что, как пишет Ф. Хартахай, "близорукие исследователи происхождения жителей южного Крыма не могут узнать его (грека - И.Д.), одетого в татарский костюм". Действительно в XVIII в. образ жизни греков и татар уже почти ничем не отличался. Общественный и семейный быт греков в значительной мере утратил свою первоначальную форму. Татарскими были пища, хозяйственный уклад. Влияние татар на образ жизни греков хотя и было велико, но, конечно, не определяло все обычаи и нравы, хозяйственный уклад. Многие определялось природными условиями, традициями. Сохраняла оттенок самобытности одежда греков. Греки в отличие от татар носили не длинное платье, а короткое. Но следует отметить и греческое влияние на татарское население Крыма. Татары, переходившие от кочевого образа жизни к оседлому, перенимали у греков многие навыки, в частности, навыки земледельческого хозяйства.

Жилищное строительство в Крыму велось под сильным влиянием греков. Крупный специалист по этому вопросу Б. Куфтин писал, что по примеру греческих мастеров и с их помощью строило свои жилища и татарское население.

Встречающееся у некоторых исследователей мнение, что в жилищном строительстве сказывалось преимущественно татарское влияние, возникло, вероятно, оттого, что, татарское население по численности значительно превосходило греческое. Однако греки появились в Крыму (и начали строить себе дома) намного раньше татар. К тому же татары вели первоначально кочевой образ жизни. В связи с этим многие этнографы (Б.А. Куфтин, В.И. Наулко) уверены, что исходным было влияние не тюркской культуры на греческую, а наоборот.

Строительство домов в различных районах Крыма велось по-разному, что было связано с различиями в природной обстановке. Так, на южном берегу, где деревни часто располагались на склонах гор, строители искусно использовали рельеф и задней стеной дома часто служил вертикальный склон горы. Углублялись в гору иногда и боковые стены. Сверху все это перекрывала плоская крыша. Уже не раз упоминавшийся священник Иаков писал о греках:..."живут в горах подобно стридам, камора о камору".

Комнаты в домах греков образовывались плетневыми перегородками. В большой комнате (камэрэ) располагался очаг, а вдоль стен сооружалось возвышение (раф), служившее для сидения, а также для складывания постелей и кувшинов с водой. На стенах сооружались полочки в виде резных уточек, которые так и назывались - папи ("утка" по-гречески). Кроме того, в стенах устраивались ниши, служившие шкафчиками ("долаф", "долап" по-гречески). К окнам снаружи приделывали двустворчатые ставни.

Там же, где поблизости имелся хороший строительный материал, (лес, например), дома строили из массивных досок. Их получали путем раскладывания толстых дубовых стволов с помощью клиньев. Сруб ставили прямо на землю или на низкий фундамент. В богатых горных деревнях (Узенбаш, Стыла) строили и двухэтажные дома. При этом на верхний этаж вела наружная лестница. Верхние этажи греки использовали как склады под табак и хозяйственные припасы, но нередко они служили и дополнительными жилыми помещениями (спальнями).

В греческих деревнях вблизи Карасубазара строили низкие одноэтажные дома. Чаще всего материалом для строительства здесь служил плетень, обмазанный глиной, или самодельный воздушный кирпич.

Дома имели по две-три комнаты. В спальне у стены располагалась куполообразная печь для выпечки хлеба. Дома в районе Карасубазара (в деревнях Большая Каракуба, Саргана, Чермалык и др.) имели двускатную крышу, поддерживаемую стропилами ("махаса" по-гречески). Стропила опирались на поперечные брусья, державшиеся на стенах. Для покрытия домов использовалась изогнутая черепица, вошедшая в употребление еще в византийские времена ("татарка"). По сей день во многих греческих селах Приазовья, в самом Мариуполе, старые дома покрыты татаркой.

Во всех дворах греков располагались "магазины" - нежилые помещения, служившие складами, а также амбары - деревянные лари. В последних хранился хлеб. Имелся также хлев, открытый со стороны двора, "фурун" или "фурны" - куполообразная печь для выпечки хлеба.

Столь детальное описание внутреннего устройства греческих домов и характера хозяйственных построек, заимствованных, кстати, из работы Б. Куфтина "Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова", автор приводит вполне сознательно. Старожилы греческих сел Приазовья без труда узнают в этом описании усадьбы своих отцов и дедов, что свидетельствует о том, что характер жилищного строительства не менялся довольно долго и на новом месте жизни греков.

Лишь с 60-х годов нашего столетия он приобрел новые черты, впрочем, тоже с присущими лишь греческим селам особенностями. В хозяйстве греки держали волов, коров, лошадей, овец, кур. В долине р. Бельбек греки разводили особенно много коз. Вечнозеленые луга в этих местах давали огромное количество прекрасного сена. Жирное молоко коз шло на изготовление почитаемого греками козьего сыра. Особенно много скота имели жители тех горных деревень, вблизи которых находились богатые горные пастбища. К таким деревням относилась Стыла рядом располагалась Стыльская Яйла, куда сгоняли отары овец со многих других деревень. Греки называли Яйлу Калафита, т.е. "хорошие растения, пастбище" а также Аи-Василь, Демерджи. Интересно отметить, что скот (кроме овец и коз) имел значение прежде всего как тяговая сила. Это в первую очередь относилось к горным деревням Крыма, где не было проезжих дорог. Проехать можно было только на воловьих упряжках, на арбах. (Волов, использовавшихся в горах, подковывали). Были деревни, специализировавшиеся на разведении буйволов, например, деревня Бешуй (Бешев? - ИД.).

Наличие большого количества скота, прежде всего овец, определило и то, что самой распространенной профессией была чабанская. П. Сумароков, назначенный судьей в Крыму в самом начале XIX века, писал, что чабаны за свою работу получали баранами и таким образом богатели. Некоторые из них доводили свои отары до тысячи голов. Одним из самых богатых был грек Сахау, у которого овец насчитывалось десятки тысяч. На него работали сотни чабанов. (Не случайно именно чабан обнаружил икону Богородицы).

Среди чабанов встречались, похоже, мастера и другого дела. Так, Андреевский пишет, как в 1749 году бахчисарайские чабаны и "среди них грек Дмитрий напали на запорожцев и отбили у них 13 лошадей".

Селя, располагавшиеся рядом с пастбищами, были богатыми во всех отношениях. Богатейшими в Крыму считались села Стыла и Узенбаш. Стыла располагалась в очень удобном месте, окруженном со всех сторон высокими горами с прекрасными пастбищами. Но существенный доход жители села получали благодаря лесу, густо покрывавшему склоны гор, собирая в нем орехи, ягоды, охотясь на дичь. В сентябре начинался сбор кизила. Его сушили на солнце - для продажи и от

болезней. Кизил считался очень целебным. Среди греков в этих местах была популярна легенда о том, что здесь когда-то хотел поселиться один врач. Но когда он увидел, что жители собирают кизил, уехал, сказав, что пьющие отвар кизила в врачу не нужны. Древесина шла на изготовление колес (в Стыле жили знаменитые мастера по их изготовлению), бочек и других деревянных изделий. Предполагается, что свое название село Стыла, которое и сегодня можно обнаружить на карте Донецкой области, получило от храма во имя святого Стилиана, считавшегося покровителем детей. Вероятно, это было в древности, поскольку в XVIII в. церковь в Стыле была в честь святого Кирияка.

В восьми - десяти километрах от Стылы на широкой покатиистой равнине, у подножья Яйлы, лежало село Узенбаш. Жители его занимались теми же ремеслами, что и в Стыле, а также жжением древесного угля и продажей дров. Неподалеку от села в скале Каллу-хая была пещера. Автор "Универсального описания Крыма" В.Х. Кондараки, путешествуя по Крыму, встретил в Узенбаше человека, потерявшего рассудок от "бесплодных попыток проникнуть вглубь этой пещеры", где, как считали жители Узенбаша, был спрятан клад. Вот легенда, повествующая об этом.

Случилось это тогда, когда на южном берегу Крыма соседствовали два сильнейших и богатейших христианских княжества. Одно из них было

Френское и принадлежало генуэзцам, второе - Урумское, населенное греками. С самого начала своего существования княжества непрерывно воевали между собой, захватывая друг у друга стада, суда, пленников. Наконец, осознав всю бесплодность враждебного противостояния, один френский полководец обратился к полководцу-греку с предложением заключить мир. В качестве платы за это он потребовал от греческого князя священную эмблему Урумского княжества - золотую колыбель и наковальню. Вождь греков, которому донесли об этом дерзком предложении, гневно ответил:

- Все царствующие наши князья были вскормлены царицами в этой колыбели. Перед наковальней же клялись в верности князю все греки. Неужели они считают, что мы согласимся расстаться с нашими святынями!?

Генуэзцы ответили, что именно поэтому они и требуют эти вещи. Ибо если греки ради мира и дружбы с соседями жертвуют ими, то они покажут, что дружбу ценят превыше всего на свете. Греческий полководец сообщил обо всем этом князю. После долгих раздумий желавший мира греческий князь решил отдать колыбель и наковальню, но выставил при этом свое условие. Заключалось оно в следующем: взамен генуэзцы отдадут грекам грамоту, которая закрепляла их права на владение землею в Крыму.

Через несколько дней явился посланник френского князя. Он сказал:

- Мы хотим мира и дружбы. Возьмите у нас все, что пожелаете, кроме грамоты. Если же вы откажетесь, мы пойдем на вас войною и силой отберем ваши святыни.

Князь греков ответил на это:

- Ты угрожаешь нам?! Приводи угрозу в исполнение! Скорее мы все умрем, чем отдадим на поругание наши святыни!

...Генуэзцы и греки бились, как львы и тигры. Уже тьма погибших была с обеих сторон. Греки потеряли своих лучших воинов, княжеству грозила неминуемая гибель. Генуэзцы продолжали требовать, чтобы им отдали золотую колыбель и наковальню, обещая сразу прекратить войну. Тогда греческий князь выступил перед народом и спросил его, согласен ли тот уступить неприятелю. Все дружно ответили, что они готовы погибнуть, но отстоять свои святыни.

- Дети мои, - продолжал князь, - я и тогда не отдам колыбели, в которой были вскормлены я и мои праотцы. Еще выше я ценю наковальню, перед которой вы клялись мне в верности. Если вы умрете, я клянусь вам, заморю себя голодом со своим семейством на этих святынях и скрою их с заклятием, чтобы никому во веки веков не пришлось прикоснуться к ним.

После этих слов князь с рыданиями простился с воинами и, забрав колыбель и наковальню, направился к пещере Каллу-хая. Забравшись внутрь пещеры, князь поклялся не есть до тех пор, пока не принесут ему весть о победе. Пряча в пещере греческие святыни, князь произнес:

- Заклинаю кровью нашею, чтобы тот, кто решится взглянуть на эти святыни, с умыслом похищения, лишился рассудка и подобно бешеному волку рыскал по горам до тех пор, пока не погибнет.

Князь вернулся, а золотая колыбель и наковальня остались в пещере.

...Много веков прошло с того времени. Легенда эта передавалась из поколения в поколение среди живущих здесь греков. Но никто из них не решался войти в пещеру Каплу-хая. Все были уверены, что хранящиеся там святыни стережет злой дух...

Помимо скотоводства и ремесел, большое значение в хозяйстве греков занимало земледелие. Оно-то и давало грекам основной доход. Греки Крыма выращивали пшеницу, ячмень, бахчевые культуры, табак, лен. Значительные земли, особенно на южном берегу, занимали сады и виноградники. Особо славились виноградники Гурзуфа - одни из лучших на побережье, а также Лимены, Ласпи, где высаживали испанскую лозу, и та хорошо приживалась. Большие доходы получали греки, занимаясь и садоводством, выращивая яблоки, груши, персики, инжир, оливы (последние, правда, не использовались для получения масла).

Во многих греческих селах было развито пчеловодство. Особенно славились своим медом горные деревни Корбеклы, Шумы, Демерджи, располагавшиеся у подножий гор Чатырдага и Демерджи, и, конечно, деревня Мускомия, само название которой означало "душистый мед". Мед здесь был, как писал В.Х. Кондараки, "превосходно ароматический и чистый, как струя воды". (Впрочем, лучшим в Крыму считался мед деревни Османчик. Он доставлялся ко двору султана. Об этом сообщает Ф. Хартахай).

Занимались греки и добычей соли в районе Евпатории (Козлова), рыболовством, а жители деревни Аутка считались непревзойденными мастерами по ловле устриц. (Уже после вывода греков из Крыма сюда в 1788 году из Мариуполя было возвращено около двадцати семей для возрождения этого занятия, пришедшего в упадок с уходом греков. Как здесь не вспомнить об ауткинской легенде, гласившей, что всякий, кто выпьет воду из местного источника, непременно сюда вернется?!).

Наиболее известным местом по части рыболовства было море в районе деревни Ласпи. Здесь ловили рыбу жители многих других деревень, расположенных по побережью - от Балаклавы до Алушты.

Рыбы было так много, что каждое воскресенье по случаю удачной ловли греки устраивали на берегу пышные пиршества с вином, танцами и музыкой.

Греки всегда были связаны с морем, издревле они считались неплохими моряками. Г. Караулов считал и крымских южнобережных греков отважными моряками, поскольку они совершали плавание в Константинополь на маленьких парусных суденышках.

Часть сельского населения уходила на заработки в город, где занималась строительным делом, возводя в Бахчисарае, Карасубазаре, в других татарских центрах дома и хозяйственные постройки для татар. После этого многие греки оставались в городах, в частности в Бахчисарае. Селились они отдельно от татар, преимущественно в верхней части города, где проживали также и армяне. Всего в Бахчисарае насчитывалось 285 христианских дворов. Еще около двухсот семей жили в предместьях ханской столицы.

Городские жители греческого происхождения занимались различными ремеслами, торговлей, принося ощутимый доход ханской казне. (Татары почти не занимались рукоделием, ремеслами и торговлей). Греки также скупали у татар виноград, из которого производили вино. Вино вывозилось на Украину, где оно либо продавалось, либо обменивалось на масло, водку и другие товары.

Были среди греков и врачи, а один из них, по данным С.В. Бахрушина, был личным врачом хана Крым-Гирея. А грек Мавроени занимал пост крупного чиновника в ханстве. (После присоединения Крыма к России он стал обер-директором таможен Таврической губернии. Русское правительство отдало ему на откуп продажу соли, добываемой в Крыму).

Конечно, среди греков были разные люди. Автору меньше всего хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление о греках как самых трудолюбивых, самых справедливых, самых мастеровых людях. П.И. Кеппен, например, характеризуя крымских греков, назвал их гордыми, сварливыми и праздными.

Несмотря на все сложности, выпавшие на долю греков, материальное положение их было не такое уж плохое. Так, перед выходом из Крыма у них, по некоторым данным, насчитывалось около ста тысяч голов скота.

Говоря о сложностях, я имел в виду в первую очередь бесправие, нравственную приниженность, особенно чувствительную у покоренных народов.

Большая часть греков говорила только на татарском языке, который хорошо понимали и те, кто говорил на греческом. Греки, говорившие только на татарском языке (не знавшие греческого языка), именовались мур-татами, т.е. изменниками. Точно так же татары называли и тех мусульман, которые приняли христианскую веру. А.Л. Бертъе-Дела-гард указывает, что греческий язык (алла) в значительной степени близок к анатолийскому наречию. Однако были деревни (например, Сартана), жители которых говорили на столь своеобразном диалекте, что анатолийские греки их понимали с трудом. Объяснялось это тем, что в языке жителей Сартаны, а также сел Большая и Малая Каракуба, Чермалык и др. были и татарские слова, а многие греческие изменились настолько, что в них трудно было угадать их греческое происхождение и первоначальное значение".

Интересно отметить, что жители многих деревень, считавшихся татарскими, имели ярко выраженные греческие черты. Это отмечают многие исследователи Крыма (Бертъе-Делагард, Кондараки, Караулов, Сумароков, Хартахайдр.). Жители таких деревень, исповедовавшие магометанство, носили татарскую одежду, но сохранили при этом многие греческие привычки, придерживались греческих обрядов. Например, ко дню Пасхи они украшали хлеб крестом, танцевали греческий танец сирто. Многие из них помнили, что их предки были христианами.

А вот свидетельство архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. В 60-х годах XIX века, когда проводилась реставрация христианских святынь в Крыму, он писал, что христианская вера оказывает благотворное влияние на татарское население южного берега.

Хорошо знакомый с этнокультурными особенностями омусульманенного населения полуострова, Иннокентий пришел к выводу, что жители южного берега, именующие себя татарами, "почти все были некогда христианами и доселе не утратили совершенно памяти о прежней вере своей, выражая это повременными стечениями к местам, освященным верою христианской".

Б. Куфтин убежден, что южнобережные татары - потомки живших здесь в древности греков." Они, - пишет он, - легки, стройны и свободны во всех своих движениях, лица у них продолговатые, довольно правильные и есть между ними вообще много красивых лиц". Далее он пишет: "Вообще каждая южнобережная деревня с своими жителями много напоминает жизнь греков времен Гомера. И Навзикая, полоскавшая в речке белье вместе с своими подругами (Навзикая - дочь царя Алкиноя. См. Гомер "Одиссея", песнь шестая - И.Д.), точь-в-точь походит на наших татарок. Разница только в том, что Навзикая и вся обстановка слишком опозитизированы певцом Древней Греции".

Выше мы уже говорили об одной причине, по которой греки могли сменить веру-это гонения на христиан. Но, по-видимому, сыграла свою роль и малочисленность греческих священников, нехватка книг и т.д. Справедливости ради надо отметить, что греческие митрополиты и священники делали все возможное, чтобы удержать свою паству от перехода в мусульманство. Они издавали евангелие и другую религиозную литературу на татарском языке или же на татарском с параллельным текстом на греческом. ^

Длительное угнетенное положение греков в Крыму не могло не сказаться и на народном образовании. Слабое и во времена Византии, с приходом татар оно и вовсе пришло в упадок. Не только основная масса населения была неграмотной, но и духовенство, руководившее им, часто было таким же. Распространенным было явление, когда священник только умел лишь по книге отслужить обедню. Даже помощник митрополита Игнатия Гозадина Трифиллий писал по-турецки, но греческими буквами. Турецкие слова у него иногда чередовались с русскими. Изредка у него попадались греческие слова, да и то с грубыми ошибками.

Греческих училищ в Крыму не было, а высшее духовенство получало образование в Константинополе. Правда, в Крыму, пишет С. Серафимов, были учителя, которые обучали грамоте. Во многих духовных семьях воспитанием детей занимались греки-иностранцы. Так, в Ялте воспитывал детей некто Платон.

Единственными национально-культурными центрами у греков Крыма были церкви. Ко второй половине восемнадцатого столетия церкви имелись почти во всех греческих селах; В отдельных же их было по две, даже по 3-4 (Ялта, Карань). Много греческих церквей было в Кафе (девять). Больше всего церквей у крымских греков было выстроено в честь святого Георгия, который считался одним из наиболее почитаемых угодников, признавался прямым заступником и покровителем моряков. В честь Георгия церкви имелись в деревнях Бешев; Лака, Бия-Сала, Ласпи, Аян, Куру-Узень, Сартана, Малый Ламбат и др., а в Мангупском кадылыке (административная единица в Крымском ханстве)

имелся монастырь Святого Георгия, которому, по данным Лашкова, принадлежало свыше 25 тысяч десятин земли. Естественно немало церквей было в честь Богородицы, в том числе и главная церковь - Успенский скит, а также в честь Тирона и Стратилата, Святого Дмитрия, Константина, Козьмы и Демьяна.

Церкви были главным местом, куда по праздникам собирался народ. Основным таким местом являлся Успенский скит, куда ежегодно собирались греки со всего Крыма ко дню Успения 15 августа. Богослужение в такие дни совершал сам митрополит Игнатий. Другим местом была церковь Панагия (т.е. пресвятая), находившаяся в горах в районе между деревнями Стыла, Биюк-Янкой, Кучук-Янкой и населенной караимами крепостью Чуфут-Кале. Каждый год в Троицын день многолюдные толпы направлялись сюда. Церковь располагалась в таком месте, что оттуда открывалась прекрасная панорама на море, в районе Евпатории, хотя до нее было не менее восьмидесяти верст, а море в районе Алушты, располагавшееся в пятнадцати верстах, казалось совсем рядом. Ежегодно, 1 июля, в день святых Козьмы и Демьяна к знаменитому одноименному источнику из всех греческих сел отправлялись длинные вереницы воловьих подвод. К путешествию начинали готовиться за много дней до праздника. Подводы сверху завешивали от дождей, которые почти постоянно шли в это время года. В подводе размещалась вся семья, лишь некоторые шли пешком, рядом. Все подводы за селом собирались, и дальше, до самого источника, они ехали вместе. По пути делали остановки для обеда, при этом женщины всегда варили кофе. Дорога к источнику Козьмы и Демьяна местами была довольно опасной. Шла она вдоль реки Альмы и часто, когда река после дождей выходила из берегов, размывалась. Поэтому ехали с большой предосторожностью. Затем дорога шла через лес. Здесь обычно останавливались на ночлег. Дети и женщины укладывались спать на подводах, а мужчины - на войлоке, расстеленном на траве. Некоторые мужчины отсюда уходили на охоту - в лесах водились лисы, волки, козы. Утром охотники возвращались с дичью. После ночлега к источнику шли пешком, так как проехать дальше было невозможно. Перед этим все переодевались в праздничную одежду.

Подойдя к источнику, люди пили воду, некоторые купались, причем по традиции делали это трижды. У источника устроены были две купальни: мужская и женская. Считалось, что купание приносит исцеление от различных недугов. Тут же у источника совершались жертвоприношения: резали овец, кур, коз, затем жарили их на костре. После этого начинались танцы, играли музыканты. Тут же дети ловили форель. Пышный обед завершался тем, что пили кофе со сливками буйволиц. Отдохнув, отправлялись в обратный путь.

С собой увозили и воду для больных, оставшихся дома, а также для скота, чтобы уберечь его от падежа.

Протоиерей Родионов сообщает: водой из источника исцелились симферопольские греки Попов и Анастас. Первый из них три года ничего не видел, а умывшись, прозрел.

Ежегодное паломничество к источнику Козьмы и Демьяна также имеет легендарное объяснение.

Некий пастух, пораженный проказой, решил как-то отдохнуть у источника. Пастух искупался и уснул. Во сне ему явились двое незнакомцев и посоветовали сделать это трижды. Когда пастух снова уснул, к нему вновь явились Козьма и Демьян (это были, естественно, они) и сказали, чтобы тот каждый год в этот день (а это было 1 июля) приходил сюда.

Кроме праздника Козьмы и Демьяна, у греков Крыма было много других ежегодных праздников. В Ильин день, 2 августа, многие греки собирались в монастыре святого Ильи-пророка близ деревни Би-юк-Ломбат на южном берегу. Здесь также находился источник, вытекавший прямо из-под алтаря. В богослужениях тут нередко принимали участие греческие митрополиты, в том числе и Игнатий.

Вообще, греческий митрополит довольно часто ездил по деревням, в которых проживали христиане. Иногда эти поездки совершались с риском для жизни. Особенно опасными были его путешествия в периоды обострения отношений с татарами. Бывали случаи, когда на Игнатия совершали вооруженное нападение татары. Митрополиту и его помощнику приходилось скрываться, а однажды даже пришлось запереться в шкаф. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Игнатия часто скрывал в своем доме хан. Трифиллий описывает случай, когда в 1772 г. Игнатий возвращался из Кафы в Бахчисарай и в Карасубазаре на него напали татары во главе с Ширин-мурзой. Житель Карасубазара Самуил-мурза спас Игнатия, спрятав его в своем доме. На следующий год едва не убили и самого Трифиллия, когда по дороге в Бешев за ним погнались с оголенными саблями несколько татар.

Завершая "церковную" тему, приведем один любопытный факт, проливающий свет и на некоторые нравы греков Крыма. Его приводит Ф. Хартахай как пример "падения нравов", как подрыв некоторыми греками уважения к церкви. Он говорит, что бывали случаи, когда христиане при жизни своих жен женились на других. Священники при этом "охотно совершали такие незаконные браки". Видимо, подобные случаи встречались нередко, если султану Мустафе - представителю иноверного правительства - пришлось издать закон, которым запрещалось предавать земле по христианскому обряду тела тех священников, которые благословляли такие браки.

Хотя греческое население Крыма было неграмотным, из поколения в поколение оно передавало легенды, песни, в которых нашли отражение различные страницы его истории. Народная поэзия греков, в которой как в зеркале отразилась их жизнь, переполнена описанием насилий и грабежей. "Песни греков несут на себе печать их горькой судьбы", - писал Ф. Хартахай. Исполнение их напоминало скорее плач, чем пение. Вот пример песни крымских греков, в которой рассказывается о том, как отбирали у греков маленьких детей для пополнения ими отрядов янычар.

<p> Ти катиеас архонди пуля, Ти виглизити! Драконтас иртын сту периволи Ки сурев пулыча. Драконтас эн буюк-башис, Агрус ки мусурманус. Эхт ту мега ту фирмани Мин ту сфраи... Простази ки суреви Суреви архонди пуля. Саранда пулыча сорипсын! Туту ту калусин экаминду Экаминду Ассан-мирзас. Тора шериты ки пурпаты – На то сон саранда чала, Та саранда эвгаланда – Пиганда с'ту карави. Йя на тун пагун с'тин Боли Йя нац'туркевун. Саранда маничис-манис Клегун ки мургулизун Ки стекиму ден перун. Клегун ки та пулычатун Ки анда тромаксин ки Давин ту карави Транда мание фурчихтан Ки дека машерьяхтан! </p>	<p> Что вы сидите, дети архонтов, Что вы смотрите! Дракон пришел в округ И собирает мальчиков. Этот дракон - Буюк-Паша, Страшный мусульманин. Имеет большой фирман С печатью. Повелевает и собирает Собирает детей архонтов. Сорок детушек собрал! Это добро сделал нам Ассан-мирза. Теперь он ходит и радуется, Думая собрать еще сорок. Сорок мальчиков отправлено На корабль для отвоза. В Константинополь, Чтобы там их потуречить. Сорок матерей-матушек Плачут и воют Без устали. Плачут и детушки! А как тронулся с места Корабль, Тридцать матерей утопилось, А десять зарезалось! </p>
---	---

Знающие греческий язык могут убедиться, в каком состоянии находился язык греков в Крыму.

Несколько лет назад в беседе с греческим поэтом А. Шапурмой я вспомнил об этой песне. Каково же было мое удивление, когда Антон Амвросиевич включил магнитофон, на котором была записана именно эта песня в исполнении его матери!

И все же, несмотря на тесные переплетения культурно-бытовых процессов в жизни крымских греков и татар, несмотря на многие общие черты в характере их деятельности, греки и татары сохранили нечто такое, что их сильно отличало.

Прежде всего - это вера. Несмотря на отдельные случаи перемены веры, именно религия явилась тем цементом, который и позволил грекам сохраниться в Крыму как нации.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Столкновение интересов

В конце XV - начале XVI вв. Турция уже прочно владела Крымом. Здесь все сильнее шел процесс отуречивания: искусственно насаждался турецкий язык, турецкий стиль в строительстве. В Крыму имели хождение турецкие деньги.

Крымские ханство в это время расширяет торговые отношения и с другими соседними государствами. В Крым ввозятся многие промышленные товары: деготь, мыло, полотно, хлопок, сахар, посуду, стекло, веревки. Важным торговым партнером Крымского ханства становится Русь. Ее интерес к Крыму не ограничивался, впрочем, торговым партнерством. Начиная с XVI в., Московское государство упорно стремилось к Черному морю. Как указывает А.Е. Мачанов, "с самого начала русско-турецких отношений и до 1783 года (года присоединения Крыма к России - И.Д.) ни одна переписка с Турцией не происходила без упоминания Крыма". Будучи отрезанной от южных морей, Россия не имела возможностей вести торговлю со странами Средиземноморья. Активные действия с целью получить выход к Черному морю впервые предпринял Иван Грозный. В 1559 г. он "направил промышлять под Крымом" отряд в восемь тысяч человек. Захватив в устье Днепра два турецких судна, отряд высадился в Крыму и опустошил там несколько селений.

На некоторое время отношения между славянами и ханством нормализовались. В 1648-1653 гг. существовал даже союз между ханом и Богданом Хмельницким для совместной борьбы против Польши. Однако в решающий момент хан изменил своим союзническим обязательствам. В 1672 году Россия подписала договор с Польшей и, когда Польша вступила в войну с Турцией, Россия выступила на стороне своего союзника. Польша и Россия потерпели поражение и, согласно Бахчисарайскому договору, Россия должна была платить долги Крымскому хану. Кроме этого, Россия лишилась части своих южных земель.

К концу XVI столетия могущество Турции стало ослабевать. Она уже не представляла той силы, которая позволяла ей прежде почти беспрепятственно расширять свои границы. Но Россия продолжала видеть в Турции своего крупного торгового партнера. С XVII в. торговля между двумя странами стала принимать все более крупные масштабы. В связи с этим южные морские рубежи становятся жизненно необходимыми России. Как указывает А.Е. Мачанов, - вопрос о великом пути "из варяг в греки" принимал прежнюю остроту и занимал все внимание русской дипломатии в восточной политике.

Е.И. Дружинина и другие историки считают, что-к концу XVII в. с образованием всероссийского рынка и усилением национальной консолидации русского народа открытие выходов к морям сделалось насущной проблемой.

В 1686 г. в Крым совершило поход сотысячное войско под командованием новгородского наместника Голицына. Царевна Софья, снаряжавшая экспедицию, подчеркивала, что поход предпринимается с целью избавления русских земель от "нетерпимых обид и унижений". Войско Голицына, пополнившееся по пути тысячами казаков гетмана Самойловича, из-за степных пожаров и недостатка продовольствия было вынуждено повернуть назад. Задачи Турции были прямо противоположными и состояли в том, чтобы не допустить русских к южным морям. Уступив в 1696 году Петру I Азов, Турция все же надеялась запретить русский флот в Азовском море.

Позднее это стремление Турции было отражено в Константинопольском трактате (1700 г.), согласно которому Россия могла проводить свои суда лишь от Азова до Керчи. Здесь они были вынуждены разгружаться, и товары переносили на турецкие суда.

Петр I возобновил походы на Крым. Турция, разумеется, неохотно шла на территориальные уступки. Но все же по Константинопольскому трактату Россия получила Азов и Таганрог, освобождалась от уплаты Дани Крымскому ханству. Однако так и не был решен главный вопрос - беспрепятственное плавание русских судов по Черному морю.

В 1710 году Турция объявила войну России, которая в то время воевала с Швецией. Несмотря на помощь со стороны Молдавии и Валахии, Россия потерпела поражение в войне против Турции и лишилась всего того, что она получила по Константинопольскому трактату десять лет назад. Южные рубежи России вновь оказались в опасности. Крымские татары регулярно совершали набеги на южные земли, вынуждая Россию укреплять свои границы.

В период царствования Анны Ивановны, в 1736 году, поход в Крым совершило войско под командованием фельдмаршала Миниха. Были взяты Перекопский перешеек, Козлов, сильно разрушен Бахчисарай. Вспышка эпидемий в ходе операции прервала этот поход.

Один из методов достижения целей, касающихся выходов к морям и используемых русской дипломатией, состоял в обострении татаро-турецких отношений. Как-то хан Крым-Гирей неосторожно позволил себе высказывание, что-де он не считает себя вассалом Турции. Русскому послу в Константинополе было предложено тут же доложить обо всем этом султану.

С приходом к власти Екатерины II наступило новое обострение русско-турецких отношений, завершившееся тем, что 25 сентября 1768 года Турция объявила войну России. Непосредственным поводом к этой войне послужил незначительный пограничный инцидент. Однако истинные причины войны состояли в другом. Россия все решительнее стремилась получить выход к южным морям. Турция не менее решительно противилась этому.

Турецкая сторона начала военные действия весной 1769 года, но еще в январе выступили крымские татары, возглавляемые ханом Крым-Гиреем. Они совершили один из самых опустошительных набегов на Украину, пленив тысячи жителей, захватив их имущество и уведя с собой огромное количество скота.

В 1770 году русские войска под командованием графа Румянцева одержали знаменитые победы при Ларге и Кагуле над турецкими войсками. Год спустя был захвачен весь Крым, а недавно вступивший на ханский престол Селим-Гирей вместе с отступившими турецкими войсками бежал в Турцию. Еще через год, в 1772 году, русские заключили мирный договор с татарами, согласно которому часть татарских орд признавала свою независимость от Турции. Был сделан первый важный шаг на пути присоединения Крыма к России.

В ходе русско-турецкой войны 1768- 1774 гг. с новой силой вспыхнули религиозные распри между христианами и мусульманами, участились случаи убийства греческих священников. Так, при занятии русскими войсками Кафы в одной из церквей прямо в алтаре церкви был обнаружен убитый греческий священник. В лесу близ Судака был сожжен на костре служитель Кизил-ташского монастыря, ' Митрополиту Игнатию и его помощнику Трифиллию приходилось скрываться. Выше уже говорилось, что хан прятал их в своем доме. Однажды он держал Игнатия и Трифиллия во дворе капуджиев (полицейская команда хана) два месяца. Когда опасность миновала, хан, взяв с них пятьсот червонцев, отпустил.

Когда же русские войска вошли в Крым, сообщает В.Х. Кондараки, султан снарядил на южный берег целую морскую экспедицию для высадки десанта. Турки высадились в Алуште и совершили ряд нападений на греческие села, расположенные между Алуштой и Ялтой. В окрестностях Гурзуфа было убито около полутора тысяч греков. А в Ялте зверствовали жена последнего Представителя султанской власти в Крыму Ходжава и ее сын, прозванный за жестокость Дели-балта (по-татарски "бешеный топор"). В один из воскресных дней, когда турки вошли в Ялту, по совету Ходжавы взорвали крупнейший христианский храм, в котором в это время совершали богослужение около 500 человек. Чудом спаслась лишь одна женщина.

В это время русский флот подошел к Алуште. Турки направились туда, намереваясь напасть на него со стороны гор.

Однако на подходах к Алуште они были встречены русскими сухопутными войсками. У источника Сушу-Су завязался бой, в котором принял участие и молодой русский

подполковник Михаил Кутузов. В том бою Кутузов был ранен в висок, в результате чего потерял глаз. Впоследствии здесь устроили фонтан и назвали его Кутузовским.

Боясь расправы со стороны турок, многие жители греческих деревень ушли в горы, унося с собой все ценное. Целыми деревнями жили греки в пещерах. В.Х. Кондараки, приводит предание, которое было распространено среди жителей Массандры уже после присоединения Крыма к России. Оно говорило о том, что жители деревни Магарах спрятали все свои драгоценности в пещере Алабаш-кая. Один из жителей Мариуполя, помня об этом по рассказам стариков, возвратился сюда, чтобы достать имущество своего деда. Он спустился по веревке до середины пещеры, но дальше то ли страх, то ли чисто технические сложности не пустили его. Во всяком случае охотник за драгоценностями навел такой страх на жителей Массандры, что после него уже никто не пытался пробраться в пещеру.

Наконец, в 1774 году русско-турецкая война закончилась, и в маленькой болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи между Россией и Турцией был подписан мирный договор. Основным моментом этого договора состоял в том, что Крымское ханство становилось независимым от Турции. Возглавил ханство пятьдесят шестой по счету в истории ханства хан Шагин-Гирей. Возшел на престол он при содействии русских, потому и проводил политику, во многом угодную русскому двору. Этим самым Шагин-Гирей вызвал резкое недовольство крымских татар, переросшее в восстание. Вспыхнувшее возмущение против хана умирляла Россия.

Завершая тему войны, добавим, что в ходе ее, в 1769 году, на сторону русских перешли многие греки. Русские способствовали началу восстания греков в самой Греции против Турции. Г.Л. Арш считает, что война 1768- 1774 годов вызвала самую значительную волну греческой эмиграции в Россию за всю историю русско-греческих связей. Характерной ее особенностью было то, что она имела ярко выраженную политическую окраску. Основную массу эмигрантов составили солдаты и офицеры восьми добровольческих батальонов, которые были сформированы из греков русским командованием. По завершении войны на русских военных кораблях они отправились в Россию. Вместе с ними уехали и многие жители Архипелага, которые, кстати, согласно Кючук-Кайнарджийскому миру, имели право на переселение в Россию в течение года. Однако эмиграция продолжалась и после этого срока. Желая избавиться от турецкого ига, многие жители островов (Архипелага), нанимались матросами на русские корабли и уже не возвращались на родину. При помощи русских дипломатов вывозились целые семьи греков. Так, в 1770 году тайно вывезли семью Стефаниса Мавромихалиса из одиннадцати человек, одного из активных участников греческого национально-освободительного движения.

Греческие переселенцы этого времени поступали на русскую военную службу, составив так называемое Албанское войско.

Поселились греки-переселенцы преимущественно в Керчи и Еникале, перешедших по мирному договору 1774года к России. Позднее Греческий полк, поселившийся здесь, был переведен в Балаклаву, и с 1797 года он стал именоваться Балаклавским греческим батальоном, а сами греки - ' балаклавскими".

В 1775 году специальным указом Екатерины Второй грекам-переселенцам были даны большие льготы. В частности, на тридцать лет они освобождались от всех податей и рекрутского набора.

После окончания войны греки стали селиться и в Таганроге, где они построили жилые дома, церковь, Пакгаузы, морские суда, фабрики, развели сады и виноградники.

В1776 году Екатерина Вторая приказала ежегодно отпускать греческой общине в Керчи, Еникале и Таганроге 72 тысячи рублей.

Примерно в это же время формируется греческая община Херсона.

Сборы в дорогу

Уже говорилось о том, что хотя по численности христианское население Крыма значительно уступало татарскому, тем не менее в его руках находились все промыслы, торговля, садоводство и земледелие. Доходы и подати, выплачиваемые христианами,

составляли основную статью доходов крымского хана. Татары, занимаясь в основном скотоводством и ведя кочевой и полукочевой образ жизни, не приносили постоянных доходов.

Обострившиеся отношения между христианским и мусульманским населением Крыма в 70-х годах XVIII столетия в связи с русско-турецкой войной не остались без внимания русских. Хорошо зная взаимоотношения между греками и татарами, командуя русскими войсками в Крыму князь А.А. Прозоровский высказал мысль о переселении крымских христиан в Россию. Правительство Екатерины Второй положительно откликнулось на эту идею. Всем, и в первую очередь самой императрице, понравилась идея заселить колонистами из Крыма огромные пустынные пространства Новороссии, Территория последней - это земли, на которых сегодня размещаются Одесская, Кировоградская, Николаевская, Херсонская, Днепропетровская и частично Донецкая, Луганская и Запорожская области Украины. Весьма заманчивой выглядела перспектива завести там земледелие и развить торговлю.

Много веков подряд эти огромные степные пространства на юге Украины не только не приносили государству никакого дохода и пользы, но и служили источником постоянных тревог и волнений, являясь объектом регулярных набегов со стороны крымских татар. Здесь проходила граница между Россией и Турцией (территория современной Одесской области, нижнее Приднепровье и все земли к югу от р. Конские Воды до Перекопа принадлежали Турции и Крымскому ханству). Набеги татар в XVI-XVIII вв. наносили не малый ущерб и Запорожскому казачеству, занимавшему эти земли, лишая его оседлости. Особенно усилились татарские набеги в период русско-турецкой войны. Так, осенью 1769 года татары совершили один из самых опустошительных своих набегов на Новую Сербию (район современного Кировограда). Описывая этот набег, барон Тотт сообщает, что татары сожгли около 150 деревень и захватили в плен свыше 20 тысяч жителей, а также их имущество. Часто подвергался нападению город Бахмут и бахмутская провинция (ныне город Артемовск Донецкой области). Район этот, располагавшийся у самой границы, был наиболее уязвим. В 1736 году, например, ущерб от татарского набега был настолько велик, что жители Бахмутской провинции специальным указом правительства были освобождены от уплаты налогов на 1737 год.

Главным путем, по которому совершали набеги татары, была Кальмиусская сакма, соединявшая Крымское ханство с Россией.

Русское правительство прекрасно понимало, что лучшим средством укрепить эти районы было бы их заселение. Еще в XVII в. поднимался вопрос о колонизации южных земель. В конце XVII- второй половине XVIII вв. в этом направлении предпринимались кое-какие шаги, но проблема в целом так и осталась нерешенной. Поселяться здесь предлагали в основном иностранцам, но те не очень охотно принимали приглашения жить на тревожных приграничных землях. Так, попытка привлечь сюда иностранных военных колонистов в 1751 году - в основном из Турции и Австрии - закончилась неудачей.

Все население Новороссии на начало XVIII века составляло всего 3950 душ мужского пола.

Лишь при Екатерине Второй вопрос о колонизации южных территорий принял государственное значение и соответствующий размах. Понимая огромную важность этого мероприятия, Екатерина, еще будучи великой княгиней, писала: "Мы нуждаемся в населении. Заставьте, если возможно, кишмя кишеть народ в наших пространных пустырях. Я не думаю, что для достижения этого было полезно принуждать наших инородцев-нехристиан принимать нашу веру - многоженство еще более полезно для умножения населения".

В 1762 году Екатерина II издает манифест, призывающий иностранцев поселяться в России. Для этих целей при Канцелярии опекунов иноземцев был создан даже специальный аппарат, на который возлагалось непосредственное осуществление этой задачи.

Иван Джуха. «Одиссея мариупольских греков: очерки истории». Вологда 1993.

В интересах скорейшего освоения южных земель правительство Екатерины II поступило одной из главнейших привилегий дворянства

- правом монопольного владения землей. Вербуя колонистов, русское правительство обещало людям "всякого звания" предоставить им такие же права.

(Немалые льготы получали и сами вербовщики. Е.И. Дружинина приводит такой расклад: если вербовщику удавалось склонить к переселению 300 человек, он получал чин майора, 150 - капитана, 80

- поручика и т.д.).

Необходимость скорейшего освоения пустовавших степных пространств осознавали многие государственные и религиозные деятели. Так, в письме своему брату архиепископ Славенской и Херсонской епархии Евгений Булгарис в 1775 году писал, в частности: "Этот округ (епархия - И.Д.) называется Новороссией, и вот здесь-то должна образоваться новая колония из греков, молдаван, сербов, которые захотели бы поселиться здесь - на земле обширной и плодотворной". Мысль Е. Булгариса оказалась пророческой: пройдет не так уж много времени, и многие тысячи переселенцев придут сюда.

А пока, в момент своего вступления в 1774 году на должность наместника Новороссии, Г.А. Потемкин обнаружил здесь лишь десять "военных поселений, в которых проживало около 16 тысяч человек. Конечно, даже с учетом их военной специфики, эти поселения не могли обеспечить надежную защиту южных границ Российского государства.

Несмотря на всю важность укрепления южных рубежей, это не являлось единственным побудительным мотивом в колонизационной политике русского правительства. В стремлении скорейшего заселения переселенцами пустующих земель имела и вторая, чисто политическая сторона. Правительство Екатерины II прекрасно осознавало, что с выводом христиан из Крыма Крымское ханство лишалось своего главного источника доходов и практически становилось зависимым от России. Таким образом, подрыв экономического могущества ханства делал возможным давно желаемое присоединение Крыма к России.

Сразу после завершения войны русское правительство приступает к решительным действиям по осуществлению плана вывода греков и армян из Крыма. Переселение возводится в ранг государственной политики. Об этом свидетельствует хотя бы то, что такие крупные исторические фигуры, как Г.А. Потемкин, П.А. Румянцев, А.В. Суворов, принимали самое непосредственное участие в разрешении этой проблемы. За ходом подготовки к переселению, а затем и за самим переселением внимательно следила императрица Екатерина Вторая.

11 февраля 1778 года в своем указе графу П.А. Румянцеву Екатерина писала: "...предохраняя жительствующих в сим полуострове (Крымском - И.Д.) христиан от угнетения и свирепства, которые они по вере своей и преданности к нам от мятежников и самих турок неминуемо претерпеть могут, надлежит и им дать под защитою войск наших безопасное убежище". Это, пожалуй, самый ранний документ, в котором говорится о предстоящем переселении. Спустя две недели после указа Екатерины, ордером П.А. Румянцева генерал-поручику А.А. Прозоровскому предписывалось склонять христиан на поселение в Азовскую и Новороссийскую губернии. С этого момента все русские командиры, а также резидент русского правительства при хане Константинов (грек по происхождению) начинают вести агитационную работу среди крымских греков и армян, уговаривая их к переходу в российское подданство. Русское правительство верило в успех предпринимаемого мероприятия, особенно после того, как взаимоотношения между представителями двух религий вновь резко ухудшились. Последнее обстоятельство давало Екатерине возможность продемонстрировать миру гуманную миссию России, выставить себя в роли заступницы угнетенных народов.

9 марта императрица издает сразу два документа: указ Потемкину, генерал-губернатору Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, и рескрипт Румянцеву,

командующему русскими войсками. Рескрипт был по существу ответом Румянцеву на его донесение о возможности переселения. "Мы, приемля пункт сей (речь идет о переселении - И.Д.) со всей важностью, не можем добровольно средств предписать, коими... генерал-поручик (Прозоровский И.Д.) долженствует усугубить их, чтоб добровольно согласились перенести свое домоводство в Новороссийскую и Азовскую губернии, где под покровом нашим найдут они спокойнейшую жизнь, возможное благоденствие. А особливо уговаривать тамошнего греческого митрополита, обнадежа его разными выгодами..." Так говорилось в рескрипте императрицы. Потемкину же предписывалось подготовиться к приему колонистов таким образом, чтобы они не испытывали ни в чем

недостатка и были обеспечены достаточным количеством земли. Не затягивая дело, Потемкин на следующий же день направил два ордера в адрес Азовского губернатора Черткова и Новороссийского - Языкова. Губернаторам предписывалось после вывода христиан из Крыма принять их под свое покровительство, снабдить сразу же продовольствием и удобной землей. Губернаторы должны были также посодействовать строительству для переселенцев жилых домов. Все это оплачивалось государственной казной. Кроме того, необходимо было снабдить переселенцев семенами для посева, а "имущих расписать в купцы и мещане, смотря по их капиталам и желанию". В тот же день 19 марта Г.А. Потемкин пишет два письма А.А. Прозоровскому. В них сообщается о рескрипте Екатерины Румянцеву и предлагается сделать митрополиту "достойный подарок". Понимая, что хан воспримет известие о предстоящем выводе христиан без особого восторга, Потемкин предлагает Прозоровскому и резиденту Константинову "вразумить хана", т.е. убедить, что тот ничего не потеряет от предпринимаемого переселения и получит за это достойное вознаграждение.

Буквально на следующий день Прозоровский сообщает Румянцеву, что переселение невозможно. Он уверен, что ни хан, ни ханское правительство не согласятся на переселение. Более того, все может обернуться новой войной с Турцией.

Выполняя, однако, поручение Потемкина, Прозоровский 18 апреля 1778 года совместно с Константиновым устроил встречу с митрополитом Игнатием, во время которой последнего всячески уговаривали согласиться на переход в Россию. Глава греков не дал определенного ответа, заявив, что ответ зависит от тех, кому надлежит покинуть насиженные места. Впрочем, раздумывал митрополит недолго и уже 23 апреля, в первый день Пасхи, объявил своей пастве о переговорах с русскими. Греки по-разному восприняли это известие. Многие были недовольны. Несмотря на тяжелое положение в Крыму, переселение на неизвестные земли другого государства пугало еще больше.

Между тем произошло одно событие, имевшее едва ли не главное значение во всей подготовительной операции. Князя А.А. Прозоровского, действовавшего, по мнению русского правительства, не очень решительно, на посту командующего заменил генерал-поручик Александр Васильевич Суворов. До этого Суворов командовал корпусом на Кубани.

Некоторое время ушло на передачу дел. Подготовка к переселению застопорилась. Уже май близился к концу, а еще не началось никаких практических приготовлений к выводу христиан. Дело осложнялось еще тем, что по-прежнему хан и его правительство держались в неведении относительно готовящегося переселения. А.В. Суворов понимал, что предстоящее объяснение с ханом будет нелегким делом. Особенно, если учесть недавно происшедшую размолвку между ними, когда Суворов отказался вернуть правительству хана молодую татарку, вышедшую замуж за христианина и принявшую христианскую веру. В конце концов это привело к ссоре, дело дошло даже до взаимных угроз. Надо сказать, что отношения между ними в будущем так и не наладились. Для будущего великого полководца было обузой вести дипломатические переговоры, "выставляя лисий хвост, не показывая волчьих зубов", - так характеризует Суворова в этот период его биограф Петрушевский.

Хотя формально всей переселенческой операцией руководил П.А. Румянцев, все дела вели А.В. Суворов - главный исполнитель и организатор, а также его первый помощник полковник Бобарыкин.

Вскоре Суворов организует важную встречу с митрополитом Игнатием, а также архимандритом Петром Маргосом, главой армян-грегориан, и пастором Яковом, представлявшим армян-католиков. Суворов ознакомил духовных лидеров армян с условиями, которые за несколько дней до этого были представлены митрополитом Игнатием. Это были по существу предварительные условия, на которых греки соглашались на переход в Россию. Архимандрит и пастор, ознакомившись с ними, согласились. Суворов обещал сделать все возможное, чтобы условия эти были приняты русским правительством. Он мечтал произвести переселение за месяц, "дабы усердие не охладилось и внутренние препоны не возросли", как он писал Потемкину.

Содержание же пунктов, о которых шла речь на встрече Суворова с лидерами христиан, сводилось к следующему.

1. Христиане вместе со своим имуществом переезжают в Азовскую губернию на земли между Днепром, Самарой и Орелью. При этом все расходы, связанные с переездом, финансируются из государственной казны.
2. Переселенцам выделяются средства на основание города для промышленников и мастеровых людей. Город этот должен стоять на большой реке, состоять из домов, церквей и лавок, принадлежащих исключительно переселенцам.
3. Вблизи города, "в местах, удобных для хлебопашества, скотоводства, пчел, садов", основываются деревни.
4. Всем российским подданным в местах поселения выходцев из Крыма разрешается заниматься торговлей, промыслами, ловить рыбу в реках и брать из лесов дрова.
5. Все духовные лица во главе с митрополитом Игнатием остаются при своей пастве, митрополит подчиняется Святому Синоду.
6. Все переселенцы освобождаются "на вечные времена" от рекрутской повинности, постоев в их домах и крепостной зависимости.
7. На десять лет переселенцы освобождаются от всех податей, поборов и натуральных повинностей.
8. Размеры налогов, которые переселенцы будут платить по истечении десяти льготных лет, должны быть определены заранее, еще до переселения и закрепления в специальной грамоте царицы.
9. Для сбора налогов, суда и управления переселенцы выбирают сами из своей среды начальников, "которые дают отчет во всем губернии, пребывая под защитой оной от всякого оскорбления их достоинства и особ".

Условия эти были доведены до русского правительства. Екатерина обещала их выполнение.

Сразу после встречи с духовными руководителями греков и армян Суворов приступает к практическому осуществлению программы переселения. Все распоряжения его в это время, как отмечает А. Петрушевский, "отличались замечательным благоразумием и расчетливостью". Через Румянцева он просит Азовского губернатора Черткова прислать в Крым шесть тысяч пароволовых повозок для перевозки людей и их имущества. Было решено, что переселенцы будут поселены поблизости от Екатеринославки (недалеко от нынешнего Днепропетровска).

Между тем завершался июль. Суворов торопился. Он просит всех причастных к переселенческой операции снабжать выходящих из Крыма всем необходимым, охранять их до и во время выхода, а в России "с одного на другое место не водить, отчего, разорясь, не роптали бы на судьбу".

Как увидим, случилось именно то, чего опасался Суворов.

К выходу из Крыма готовилось, по предварительным подсчетам Суворова, около двадцати тысяч греков. Несмотря на сообщение митрополита Игнатия о предстоящем выходе из Крыма, а его слово, напомним, являлось законом для всех, еще в июле три греческих села оставались верными хану и не хотели покидать родные земли.

Между тем, хотя приготовления греков и армян к переселению шли полным ходом, хан по-прежнему не высказывал никаких признаков недовольства. Пребывая с ним в ссоре, Суворов 17 июля намекает Потемкину, что было бы лучше, если обо всем хану сообщит сам Потемкин, а заодно и вручит ему подарок. В этот день крымские старшины обратились с прошением к хану Шагин-Гирею, в котором сообщали ему, что некоторые подданные, крымские греки и армяне, войдя в контакт с русскими, начали готовиться к переселению. Из прошения старшин явствовало, что многие христиане не знали даже, от кого исходит сама идея переселения. Многие полагали, что от самого хана, который их уступил русскому двору. Не желавших переселяться под страхом наказания от хана уговаривали дать согласие на переселение.

На это прошение Шагин-Гирей ответил указом, в котором он отказывался от приписываемой ему роли. Хан потребовал немедленно представить ему инициаторов этой выдумки. Похоже, однако, что хан не поверил всерьез в готовящееся переселение. Наверное, это можно объяснить тем, что Екатерина заверила его не вмешиваться в дела Крымского ханства после окончания русско-турецкой войны.

18 июля козловский начальник капиджи-баши Ахмед-ага сообщил хану о нежелании некоторых греков и армян Козлова выезжать в Россию, хотя армянский архимандрит уже давно сообщил, будто все козловские христиане дали согласие на выезд и начали готовиться к этому. Встревоженный хан пересылает это донесение резиденту Константинову, добавив, что, хотя он и прежде слышал об этом, но все же не верит в правдивость этих слухов.

Вскоре хану все становится окончательно ясным. Прозрение было слишком запоздалым, ибо подготовку к переселению уже нельзя было остановить: она приобрела массовый характер. Шагин-Гирей высказывает свое недоумение Суворову и требует разъяснений. Получив довольно резкий ответ Суворова, хан в порыве ярости решился бежать в Персию. Он действительно покинул Бахчисарай и некоторое время никому не было известно его местонахождение. Когда же выяснилось, что лагерь хана располагается неподалеку от Бахчисарая по дороге на Ак-Мечеть (ныне город Симферополь), то Константинов пытался встретиться с ним. Шагин-Гирей отклонил это предложение.

Хан предпринимает последнюю попытку: он просит русское правительство отсрочить переселение на 25 дней, но ему ответили отказом. Это окончательно вывело Шагин-Гирея из себя. Он чувствовал себя абсолютно бессильным, авторитет его власти стремительно падал в глазах его Подданных. В этот период граф П. А. Румянцев принимает все меры, чтобы сохранить за ханом силу его власти, и потребовал от Суворова и Константинова вежливого обращения с ханом. Екатерина приказала подарить Шагин-Гирею сервиз, другие вещи и пятьдесят тысяч деньгами.

Решительные меры русских привели к усилению напряженности между ними и крымскими христианами, с одной стороны, и татарским населением, с другой. В различных местах Крыма вспыхивали столкновения, татары угрожали расправой готовящимся к переселению. Митрополит Игнатий вынужден был выехать из собственного дома в Бахчисарай и искать убежище в военном лагере русских. Едва он уехал, как в дом его явились люди хана.

Суворов в эти дни держал войска наготове, не допуская скопления татар, а перед домами двух ханских министров, которые наиболее сильно противились переселению, приказал поставить караул с пушкой.

В ожидании повозок от Азовского губернатора Черткова, который все еще хранил молчание, Суворов распорядился скупать у переселенцев зерно, фураж и сено, взамен

выдавая квитанции. Квитанции он обещал оплатить в Перекопе и Арабате - пунктах, через которые пройдут греки и армяне.

Азовский губернатор по-прежнему никак не реагировал на просьбы прислать повозки, и Суворов вновь просит его об этом, хотя бы присылать их небольшими партиями. А на первое время намечено было использовать полковые повозки, в том числе и повозки из корпуса генерал-поручика Багратиона, будущего героя Бородина, также находившегося в это время в Крыму.

Тем временем по греческим селам разъезжали священники, посланные митрополитом Игнатием, для того, чтобы сломить сопротивление тех, кто еще противился переселению. Послал своих агитаторов и Суворов, действовавший в основном через богатых греков и армян в городах Кафе, Козлове, Карасубазаре, Ак-Мечети и Бахчисарае. При Суворове постоянно находился племянник митрополита Иван Гозадин, который использовался Суворовым для различных дел, связанных с переселением. Суворов был очень доволен им. Ценную помощь оказывал и Трифиллий, который неоднократно привозил разведывательные данные Суворову, сообщая, например, о настроении татар в разных местах Крыма, скоплениях их войск и т.д. Большую помощь в подготовке к переселению оказал и резидент Константинов, собственным примером показывавший, какого положения могут достичь греки в России.

Прощание с Крымом

В середине июля 1778 года крымские христиане направили на имя Екатерины прошение с просьбой принять их в российское подданство. Греки просили также специальной грамотой подтвердить то, что уже неоднократно было обещано устно.

Хотя ответа и не последовало, в двадцатых числах в Азовскую губернию отправилась делегация крымских христиан для осмотра земель и выбора мест для поселения.

Вскоре, после неоднократных попыток добиться аудиенции с ханом, резидент Константинов встречается с ним. Представитель русского правительства и Шагин-Гирей обсудили ситуацию, полностью раскрыв карты друг перед другом. Константинов обещает хану от имени русского правительства богатое вознаграждение за согласие на вывод христиан из Крыма.

26 июля хан дает согласие на переселение, закрепляя его специальным указом. В нем говорилось, что христиане имеют право покинуть ханство, а нежелающие могут оставаться на месте. Ханский указ вызвал новую волну возмущения среди татарского населения. Несмотря на сложные взаимоотношения между греками и татарами, последние прекрасно понимали, что с уходом греков многие ремесла, садоводство, земледелие придут в упадок. Выгод от расставания с религиозными противниками, еще недавно представлявшегося желанным, предвиделось гораздо меньше, чем потерь. Татары пишут по этому поводу даже жалобу Екатерине II.

Но было поздно. Переселение началось.

Прежде чем проследить развитие дальнейших событий, сделаем одно длинное, но важное, уточняющее отступление.

Имеются сведения (в основном в литературе XIX века), что переселение греков в Россию началось еще раньше. По мере усиления Российского государства и приближения его границ к Крыму желающих перейти в русское подданство становилось все больше. Полагают даже, что еще в XIV в. в Россию перешли основатели знатнейших русских фамилий Баранчевы, Головины, Кафтыревы, Княтовы, Мансуровы, Нарышкины, Сафоновы, Сытины, Третьяковы и др. Об этом говорится, например, в сборнике "Мариуполь и его окрестности". В другом - "Сборнике событий в Новороссийском крае" за 1700-1701 гг. можно найти упоминание о греке Яке Христофорове, переселившемся в Азов из Крыма. Уже в ходе русско-турецкой войны 1768 - 1774 годов, в Самарскую паланку Запорожской Сечи переселилось так много греков, что, когда они взбунтовались по какой-то причине, усмирять их пришлось с помощью гусар. В 1769-1770 гг. греки селились в городах по Азовскому

побережью - Ейске, Таганроге. В основном это были торговцы. Так, среди таганрогских купцов хорошо был известен грек Георгий Трандафиллов. Но наибольший интерес для нас имеет сообщение о якобы имевшем место массовом переселении греков из Крыма в Россию в 1777 году, т.е. за год до того самого переселения, о котором мы и говорим в этой главе, того переселения, которое только и известно как "переселение крымских христиан в Россию". В книге "Мариуполь и его окрестности" находим, что партия выходцев в 1777 году была такая большая, что дала повод думать, что именно в этом, 1777 году, было окончательное выселение. Однако встает вопрос: не спутаны ли здесь просто даты? Не идет ли речь здесь об одном, единственном массовом переселении, а именно переселении 1778 года?

Из прошения священника Бориса Кирьякова на имя благочинного г. Мариуполя узнаем следующее: "В прошлом 77 году при выходе из Крымского полуострова всего (подчеркнуто нами - И.Д.) греческого народа на всемилостивейше пожалованную от Ее императорского величества грекам землю, в числе прочих и я в то самое время вышел со всем своим семейством". Некоторые авторы считают, что и сам митрополит Игнатий вышел из Крыма в 1777 году. Да и на надгробной плите на могиле Игнатия, согласно преданию, содержалась надпись о том, что он вывел греков в 1777 году. В этих сведениях обращают на себя внимание факты, которые имели место на самом деле чуть позже - в 1778 и 1779 годах. Так, выход всех греков произошел все-таки в 1778 году, но не годом раньше, что подтверждается многочисленными документами. Грамота же Екатерины, которая узаконила отведение грекам земель, а также их права и льготы, появилась лишь в 1779 году. И еще одна деталь: говоря о выходе из Крыма митрополита Игнатия, предание утверждает, что греки, боясь мести татар, вывезли его в бочке. Этот случай не может не вызвать ассоциаций с другим. При переселении 1778 года в бочке вывозили греки свою святыню - икону девы Марии, опасаясь гнева татар, многие из которых также почитали эту икону.

На основании всего этого мы делаем вывод, что признание 1777 года годом переселения является досадной оговоркой, не более. Хотя можно предположить, что в 1777 году действительно имело место какое-то незначительное переселение греков, не оставившее о себе, однако, никаких документальных подтверждений.

А теперь вернемся к событиям июля 1778 года. 28 числа из Бахчисарая выезжает первая группа из 89 человек (восемьдесят греков и девять грузин). Под усиленной охраной русских войск они направились к Перекопу. "Слава Богу, что веревка потянется," - сказал по этому поводу Суворов, не подозревавший, однако, как долго она будет тянуться.

Узнав о начавшемся переселении, хан Шагин-Гирей забыл о своем указе, которым он запрещал препятствовать переселению, и, как это бывало с ним прежде, в порыве гнева покинул свою резиденцию. Он переезжает в лагерь в двадцати верстах от Бахчисарая, приказывает никого к себе не допускать. До русских дошли слухи, что Шагин-Гирей собирается выехать в Петербург.

Наступил август. Повозок от Азовского губернатора все еще не было. Чертков объяснял задержку тем, что губерния была создана совсем недавно (в 1775 году) и не располагает таким количеством подвод, какое просил Суворов. Последнему пришлось обратиться за помощью к крымским фурикам, перевозившим казенные и частные грузы в ханстве, а также к русским командирам, которые выделили часть своих полковых повозок.

Переселение началось, но первая партия ушедших в сторону Перекопа пока еще не повлекла за собой основную массу христиан. Приготовившиеся к отъезду из Крыма не получили еще никаких гарантий от русского правительства относительно своего будущего. Ждали грамоты Екатерины, которая подтверждала бы обещанные льготы. Волновались и непосредственные организаторы переселения и прежде всего Игнатий.

Императрица, однако, не торопилась.

2 августа Румянцев пишет митрополиту Игнатию письмо, в котором уверяет его, что причин для беспокойства нет и переселенцев встретят, как неоднократно обещали, хорошо. Похоже, впрочем, что Румянцев и сам не очень верил в это, поскольку буквально на

следующий день обращается с просьбой к Потемкину, чтобы тот походатайствовал перед Екатериной о скорейшем подписании грамоты.

Была в затягивающемся переселении еще одна, может быть, самая серьезная причина. Греки и армяне не хотели, несмотря на все тяготы, выпавшие на их долю, покидать Крым. Ситуация в этом плане мало изменилась с весны, когда греки впервые из уст своего митрополита во

время пасхальной литургии услышали о переходе в российское подданство. Козловские греки говорили: "Хоть саблями нас рубить будут, мы все-таки никуда не уйдем!.." Армяне тоже умоляли хана избавить их от такой напасти. В семье Поповых из села Стыла Донецкой области хранится предание (от прапрабабушки хозяйки), согласно которому, в крымской Стыле никто не знал, что их собираются переселять. Все было неожиданно: приехали какие-то люди на возах и стали торопить жителей: "Давайте уезжать! Собирайтесь!" (Похоже, во все времена насильственное переселение делалось одинаково.) Никто не хотел уезжать, людей приходилось заставлять едва ли не силой. Многие были уверены, что вернутся назад. В том же предании есть и традиционный рассказ о закопанном семейном золоте. Уже с Приазовья, когда поняли, что вернуться не суждено, предприняли несколько попыток добыть его.

И все же агитация свое дело сделала. Да и слово митрополита значило немало. 5 августа в Перекоп отправилась первая большая группа жителей Бахчисарая, Кафы, Козлова общей численностью 1122 человека. На 18 августа число выехавших составило уже 3896 человек, но и они составляли лишь малую долю тех, кто, по расчетам Суворова, должен был перейти в Россию. Переселение набирало темпы, но вновь появились трудности. На этот раз чисто финансовые - не хватало денег для погашения христианских долгов татарам. Общая задолженность составляла около двадцати тысяч рублей. Когда же эти деньги были выплачены, переселение пошло гораздо быстрее, и к 22 числу из Крыма вышло 10239 человек. Из греческих и армянских сел и городов Крыма словно ручейки тянулись к северу длинные вереницы подвод, людей. Многие гнали рядом стада коров, отары овец. Вместе с греками и армянами уходили некоторые татары, тайно принявшие христианство. Так, в Козлове к полковнику Бандуре обратилась группа татар, изъявивших желание уехать в Россию. Узнав об этом, Суворов просит не чинить препятствия на этом пути никому. По некоторым сведениям, в ряде сел целыми семьями татары принимали христианство и вместе с греками, а иногда под их именами, уходили в Россию. Не были ли это омусульманившиеся ранее греки, теперь вновь возвращавшиеся в христианство? Многие греки именовали себя крымскими греками христианского закона. Стало быть, были еще и греки другой религии, иначе зачем надо было подчеркивать свою принадлежность к христианскому закону?

Переселение шло уже полным ходом. Основная масса татарского населения все больше и больше выражала свое недовольство уходом христиан. Одним из самых ярких противников вывода был некий Мехмед-Гирей-бей. Он организовывал мятежи против русских, нападал на покидавших Крым греков и армян. Когда его схватили, Суворов распорядился отправить его в Таганрог, подальше от Крыма.

Среди покидавших Крым, кроме греков и армян, находились также 287 грузин и 161 волох. Большая часть их состояла в рабстве у татар. За них Суворов выплатил вознаграждения их бывшим владельцам. Погасил Суворов и все долги между самими христианами.

К концу августа в Крыму оставалось еще около двадцати тысяч греков и армян. Задержка вновь была вызвана нехваткой подвод. В это время Румянцев продолжает уговаривать хана смириться с происходящим, уверяя его в добровольности переселения.

В конце августа, наконец, небольшими партиями, по 50-100 штук, начали прибывать повозки от Азовского губернатора. (Всего он прислал 2400 повозок).

Переселение вступает в главную фазу. И здесь неожиданно выясняется, что отвести переселенцам намеченные места между реками Днепром, Орелью и Самарой, как то

предусматривалось, невозможно. Земли эти, как оказалось, давно уже заселены. В деревнях Новоселице, Каменке, Протовчанах, где планировалось поселить прибывающих из Крыма, были расквартированы военные части. Деревни же Чаплынской и вовсе не существовало, она еще не была построена.

Лето близилось к концу. Поэтому решено было разместить переселенцев, первые группы которых уже приближались к конечной цели своего путешествия, в других деревнях по реке Орели. При этом предполагалось, что в этих деревнях будет освобождена половина домов (их жители по две семьи сойдутся в одном доме). Затем, однако, губернатор Чертков, нашедший, что это было бы не очень удобно, предложил новый вариант расселения. Суть его состояла в том, что греки и армяне поселятся совместно с местными жителями. Это было, по мнению Черткова, гораздо полезнее, прежде всего, конечно, для переселенцев. Во-первых, переселенцы, оставившие почти весь свой скарб в Крыму, не испытывали бы недостатка в посуде и другой домашней утвари. Во-вторых, совместное проживание позволило бы грекам и армянам ознакомиться с новыми условиями жизни и скорее выучить новый язык.

Греки и армяне выезжали из Крыма, оставив там или продав татарам многие свои вещи и, как уже говорилось, домашнюю утварь. Многие уходили без теплой одежды. Учитывая это, Азовская губернская канцелярия отправила в крепость Александровскую (ныне г.Запорожье), в направлении которой после Перекопа двигались переселенцы, двести шуб и столько же сермяжных кафтанов. В Александровской крепости их должен был принять и распределить между нуждавшимися генерал-майор и обер-комендант Ланов. Конечно же, этого числа шуб и кафтанов было слишком мало, чтобы спасти переселенцев от наступающих холодов. Хотя дни стояли еще теплые, ночью было уже довольно прохладно.

В разгар переселения большую работу проводит граф Румянцев. Перед ним, однако, стояла трудная задача. С одной стороны, он стремился как можно скорее завершить переселение, а с другой, - не испортить отношений с ханом. Он просит Суворова и Константинова быть как можно более вежливыми с Шагин-Гиреем и объяснить ему, что переселение производится с одной единственной целью - защитить христиан от мести турок после ухода русских войск из Крыма.

А.В. Суворов в это время постоянно находится в Перекопе, где тщательно регистрирует всех выходящих из Крыма, записывает в специальную ведомость названия населенных пунктов и число выходящих из них греков, армян, грузин, волохов. Отдельной графой он выделяет священников - 'попов'. Не отсюда ли пошла самая распространенная русская фамилия среди мариупольских греков? Она имеется практически в каждом греческом селе, а также в армянских селах Ростовской области. Помимо ведомости, Суворов ведет и все финансовые дела. В ходе переселения выяснилось, что выделенных денег для успешного завершения переселения не хватит. К концу августа они были истрачены, последние ушли на то, чтобы выкупить ясырей (рабов) и их семьи. Грекам и армянам, покидавшим свои дома, Суворов также выдавал деньги.

В Перекопе выезжающих проверяли татарские таможенники. Делали они это очень старательно, всячески стараясь задержать или даже не выпустить некоторых. Суворову пришлось заплатить им пять тысяч рублей, и задержек в Перекопе больше не стало.

К 8 сентября через Перекоп прошло уже более 17,5 тысяч человек. Последние жители покидали свои деревни, многие из которых полностью опустели. Вот как описывает уход последней партии греков Ф. Хартахай. "В овраге Салачыкском, в Успенском скиту, проходила картина, достойная кисти великого художника. Сюда в последний раз сошлись одетые в рубища сыны Пантикапеи, Феодосии и знаменитого Херсонеса, чтобы навсегда оставить страну печалей и вздыханий. Здесь митрополит Игнатий служит благодарственный молебен многовековой покровительнице христиан в Крыму. После молебна митрополит, священники и все христиане с торжеством подняли лик Божьей Матери и потянулись пестрой толпой, с пением и ликованием через горы и равнины, покинув навсегда негостеприимные, но заветные берега Крыма". Вслед за всеми выехали митрополит Игнатий, архимандрит Маргос и пастор Яков.

С особой предосторожностью и под тщательной охраной русских войск вывозили греки свою святыню - икону Божьей Матери. Согласно преданию, ее вывезли в бочке. Чудотворная икона эта была почитаема и среди татарского населения ханства, поэтому многие, считая ее и татарской святыней, выступали против вывоза иконы из Крыма. Увозили греки и богатую церковную утварь, книги - все это тщательно было уложено на подводы и отправлялось в Россию.

После Перекопа переселенцы шли по историческому Муравскому шляху. Вел он на Гнилые Воды и Черный колодец, затем проходил через Молочные и Конские воды.

В Крыму осталось только несколько сот христиан. Из них 288 человек (60 греков и 228 армян) остались "для торгового промысла, зимующих и по своим расправам", как записал в ведомости Суворов. Не покинули Крым и жители Керчи, которая по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 года, вошла в состав России.

Покидая Крым, жители соседних деревень шли вместе. Так, выходцы из южнобережных деревень Алушты, Куру-Узенья, Улу-Узенья, Кучук-Узенья и Фуны общей численностью 573 человека уходили в одной партии. Весь путь они не расставались, ведомые в новые земли своим священником. Всего же с южного берега вышло 2233 человека из 642 домов в 14 деревнях. По данным митрополита Игнатия, всего в Крыму греки оставили 3736 дворов.

Наибольшие трудности в пути подстерегали переселенцев уже после Перекопа. Отсутствие теплой одежды, нерегулярность в обеспечении их продуктами были лишь частью тех несчастий, которые обрушились на переселенцев. Вспыхнули массовые эпидемии среди людей и скота. Сам А.В. Суворов и его помощники тоже переболели горячкой. Сотни могил оставляли после себя по обочине дорог греки и армяне, прежде чем добрались они до Александровской крепости.

Вполне естественно, что и будущее свое греки, пребывая в таких условиях, видели в самом мрачном свете. Чтобы избавиться от болезней в будущей своей жизни, они еще в пути дали обет по прибытии на место первым делом построить церковь в честь Харлампия – целителя от повальных болезней. (Греки исполнили свое обещание, что, к сожалению, не спасло их от многих тяжелых испытаний). По некоторым данным, в пути умерло более половины переселившихся. Это, конечно, сильно завышенная цифра, ибо известно, что часть переселенцев повернула обратно в Крым, а в последующие две зимовки из-за болезней число колонистов еще сильнее сократилось. Даже не зная точной цифры потерь в пути, можно предположить, что они были меньше называемых. В противном случае некому было бы основывать новые деревни.

Сам Игнатий Гозадин, а также духовные руководители армян ехали в каретах и колясках, купленных специально для них русским правительством. Возможно, этот факт, так резко контрастировавший с тем, что испытывали в пути простые греки, подливал масла в огонь, усиливая недовольство переселенцев. «Что я от переселенцев вытерпел – одному только Богу известно, - писал Игнатий Константинову. – Заткнув уши уклонялся я от слуха речей их, ибо если бы на их требования отвечал бы, то давно уже лишили бы меня жизни».

В пути несколько раз происходили волнения среди переселявшихся. Одной из причин был пущенный слух о том, что выходцы из Успенского скита, якобы поддавшись уговорам татар, отделились от основной массы греков вместе с иконой Божьей Матери и повернули обратно в Крым. Вскоре, впрочем, икону нашли и волнение улеглось.

В середине сентября греки добрались до Екатеринославской губернии. Суворов направил рапорт Румянцеву, в котором сообщал: «Вывод крымских христиан окончен! Обоюбого пола отправлено в Азовскую губернию 31098 душ». Греков из них было 18394. Подробные данные о числе жителей, вышедших из разных городов и сел Крыма, приведены в ведомости А.В. Суворова, помещенной в конце этой книги.

Где расселились греки? На этот счет существует несколько мнений, и истину пока не удалось выяснить до конца. Для поселения греков отвели одну из лучших

запорожских паланок – Самарскую. Она славилась своими реками, богатыми рыбой, а также пастбищами, медом, строевым лесом и дичью. Запорожцы называли реку Самару святой рекой, а земли паланки – землей обетованной, Палестиной. Мы уже говорили выше, что намеченные для расселения места, в том числе и Новоселица (с 1786 года – Новомосковск) оказались занятыми. В сборнике «Мариуполь и его окрестности» указывается тем не менее, что именно Новоселица оказалась центром первоначального поселения.

Касаясь финансовой стороной операции, следует отметить, что расходы оказались гораздо выше, чем планировались заранее. Были сделаны крупные подарки хану, его родственникам, мурзами другим знатым татарам на сумму более ста тысяч рублей. В ходе переселения Суворов писал Турчанинову, секретарю Потемкина, что Кизы – Гирей (один из крымских мурз), детина добрый, весельчак, просил в долг 500 рублей, я обчелся, послал 600, был очень рад... деньги, деньги, деньги!» Суворов надеялся погасить эти расходы тем, что продаст русской армии оставленное греками и армянами сено, зерно и солому. Он справедливо полагал, что это обойдется армии дешевле, нежели ввоз фуража из России. Однако греки и армяне, не утратившие и в той сложной ситуации любви к торговле, подвели Суворова. С самого начала переселения они сами стали продавать татарам хлеб и сено или же отдавали все это в счет своих долгов. И все же Суворов получил от греков 50000 четвертей хлеба. На 2 октября 1778 года расходы на переселение (без учета денег, затраченных на подарки хану) составили 75029 рублей 92 копейки. Из этих денег были сделаны подарки митрополиту Игнатию, архимандриту Маргосу, пастору Якову. Кроме того, Суворов завел еще одну статью расходов, в которую заносил все расходы на покупку и аренду волов и фур для перевозки содержимого греческих церквей. Общая сумма расходов на переселение, как полагает епископ Гермоген, превышала 230 тысяч рублей. Правда, Гермоген считал, что переселение завершилось в 1779 году, подразумевая под переселением не только сам процесс переселения из Крыма в Россию, но и дальнейшие скитания греков с места на место, обустройство на новых местах. После сентября, когда формально вывод христиан был завершен, русское правительство еще не раз обращалось к своей казне, чтобы удовлетворить хотя бы минимальные потребности своих новых граждан.

Итак, вывод христиан завершился. План Екатерины Второй медленно, но верно осуществлялся. Завершающим аккордом его были попытки подкупить хана и принудить его «добровольно» оставить престол. В 1782 году Екатерина послала Шагин – Гирею 12000 рублей серебром, добившись разрешения русскому флоту зимовать в Севастополе. Видя, что хан все больше и больше идет на уступки России (от двенадцати тысяч, правда, Шагин – Гирей отказался), татары подняли против него мятеж. Шагин – Гирей вынужден был долгое время скрываться в горах.

...В апреле 1783 года русские войска заняли Крым, и Шагин – Гирея вызвала к себе в Санкт-Петербург Екатерина Вторая. Хан не желал покидать Крым, и его едва ли не силой заставили проделать это путешествие. В столице ему стало известно, что Екатерина отказалась от высказанной ранее идеи сделать Крым независимым. Г.А. Потемкин предложил хану остаться в России. За это ему обещали вознаграждение в двести тысяч рублей. Но тот решил уехать. По пути, в Воронеже, хана неожиданно задержали, и в этом городе Шагин – Гирей четыре года жил под надзором полиции. Лишь в 1787 году Шагин – Гирею удалось покинуть Воронеж и уехать в Италию. Однако по пути туда он был схвачен в Турции и по приказу султана казнен. По другим сведениям, Шагин – Гирей прожил остаток своих дней в Турции и умер своей смертью.

8 апреля 1783 года Екатерина Вторая опубликовала манифест, по которому Крым присоединился к России.

После этого в Крыму вновь поселились многие греки. Это были переселенцы из Греции, Турции. Были среди них и возвратившиеся с Приазовья – недавние выходцы из Крыма. К началу XX в., по данным Г.Л. Арша, в Крыму проживало уже 16,5 тысячи греков.

Подводя итоги переселению, скажем еще раз о его «добровольности».

Нельзя не согласиться с А. Петрушевским, биографом А.В. Суворова, писавшим: «Конечно, насилием называется не один только вид, когда за человеком гоняется козак с нагайкой; но ведь самое переселение (греков и армян – И.Д.) было в основном насильственное».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ В НОВОМ ОТЕЧЕСТВЕ

Первые годы, годы надежд

Прибыв в Россию, переселенцы сразу же столкнулись с большими трудностями. Местная администрация оказалась неготовой к приему десятков тысяч колонистов. Одна из причин этого, как указывает Н. Дубровин, заключалась в "отсутствии предусмотрительности и распорядительности, халатности, а иногда и прямой недобросовестности низших агентов правительства". Особенно тяжелым положение эмигрантов стало с середины осени, с наступлением холодов.

Часть колонистов разместили в Александровской крепости и нескольких соседних деревнях Екатеринославской губернии, в Самарской паланке. При этом в одну избу селили по 2-3 семьи. Некоторых деревень, в которых предполагалось расселить прибывших из Крыма, как уже говорилось, просто не оказалось. Они не были еще построены. Невольно вспоминаются знаменитые "потемкинские деревни" – не ими ли оказались и деревни, на которые так рассчитывал Суворов?

Всех все равно расселить не удалось, многие оказались без крыши над головой. Оставшиеся без жилья переселенцы вынуждены были целыми семьями жить в повозках, кочуя с места на место. Когда же они окончательно потеряли надежду обрести обещанный кров, то приступили к строительству землянок - примитивных жилищ из дерна.

Осень была ненастной, часто шли дожди. Многие простудились и умерли, другие потеряли весь свой скот. Положение усугублялось плохой организацией выдачи, продуктов и денег на их приобретение. Большие неудобства испытывали греки и из-за того, что они не знали ни русского, ни украинского языков. Все это послужило причиной для многочисленных актов недовольства среди переселившихся. Греки и армяне были близки к отчаянию, считали себя обманутыми. В воспоминаниях жителей греческих сел, передаваемых из поколения в поколение, говорится, что греки открыто выражали свое недовольство митрополиту Игнатию - главному вдохновителю и организатору переселения. Часть греческих семей, отчаявшись получить на новом месте обещанное, отправилась обратно в Крым.

Зима 1778-1779 года прошла тяжело. От болезней и голода многие умерли. Наконец, после многочисленных жалоб от своей паствы митрополит Игнатий в апреле 1779 года пишет письмо Константинову. В нем он рассказывает о всех бедах, выпавших на долю греков. Такую же жалобу А.В. Суворову направили и переселенцы-армяне, поселившиеся в Нахичевани-на-Дону. Письмо Игнатия Константинов переслал Суворову. Последний, хотя и сдал дела, связанные с переселением в архив, все же чувствовал, как писал Петрушевский, "гнет нравственной обязанности по отношению к переселенцам". В Новоселице Суворов встретился с губернатором Чертковым и обсудил с ним создавшееся положение. Об этой встрече Суворов 2 мая сообщил Потемкину, переслав заодно и письмо Игнатия к Константинову. От себя же добавил: "...крымские переселенцы претерпевают в нынешнем их положении многие недостатки, воззрите на них милостивым оком, так много пожертвовавших престолу, усладите их горькое воспоминание". В заключение Суворов просит обо всем донести императрице.

...Прошло уже больше двух столетий с момента переселения. Забылись многие детали этого мероприятия, никто из потомков греческих переселенцев не вспоминает о трудностях и невзгодах, постигших их предков в ходе самого переселения и в первые годы жизни в новом отечестве. Но все жители греческих сел Донецкой области хорошо

знают, что главным организатором всей переселенческой операции был Александр Васильевич Суворов. Греки очень гордятся этим фактом своей истории. Ф. Браун описывает случай, когда он в селе Мангуш встретил старика-грека по фамилии Суворов. Тот рассказал, что отец его, вышедший в 1778 году из Крыма, сменил свою фамилию и взял фамилию Суворов в честь знаменитого полководца...

После донесения Суворова на положение греков и армян обратили внимание, хотя, как замечает Г. Писаревский, "по обыкновению и не торопились с устройством их быта". Но 21 мая 1779 года произошло событие, которое без преувеличения можно было назвать историческим. В этот день грекам была дана долгожданная грамота, подписанная Екатериной II. Полагают, что сам митрополит Игнатий принял из рук императрицы эту грамоту, написанную на русском и греческом языках.

Грамота определяла положение греков в России, подтверждала обещанные права и привилегии, развивая и утверждая, по сути, те пункты, которые от имени всех переселенцев были представлены митрополитом еще накануне выхода, в 1778 году. Согласно этому документу, все греки подразделялись на купцов, цеховых, мещан и уездных поселян. Они освобождались на десять лет от государственных налогов. По истечении же льготного срока устанавливался размер налогов для каждой группы поселенцев. Так, купцы должны были платить 1% с рубля, цеховые и мещане - по 2 рубля с двора, а сельские жители, т.е. уездные поселяне, должны были платить в зависимости от имевшегося земельного надела по 5 копеек в год с десятины. Каждому из них, в соответствии с нормами для иностранных колонистов, устанавливался надел в 30 десятин. Всем неимущим было обещано выдать семена для посева, а также скот, весь необходимый инвентарь, бытовые вещи и построить дома. Самостоятельные же поселяне приобрести все обязаны были за свой счет, дома они тоже должны были строить сами.

Грамотой предусматривалось также освобождение греков от рекрутской повинности сроком на сто лет и от постоев в их домах. Контроль за выполнением всех пунктов возлагался на особых урядников из числа русских, которым, однако, запрещалось вмешиваться в дела колонистов.

Наконец, поселенцам предоставлялись все права коренных жителей России. Они могли свободно торговать внутри государства и за его пределами, строить на свои средства заводы и фабрики, разводить сады и заниматься виноделием. Интересно отметить, что в своих селах грекам разрешалось продавать вино "малыми мерами", а во внутренние города России ввозить "лишь бочками".

Все эти права и льготы жаловались "торжественно всему обществу на вечные времена". Забегая вперед, отметим, что практически все положения грамоты были соблюдены. Лишь льгота, освобождавшая греков от рекрутской повинности, действовала не сто, а 95 лет и была отменена в 1874 году.

Существенное отступление было сделано по пункту, определявшему территорию для расселения греческих колонистов. Согласно грамоте Екатерины, грекам предполагалось отвести земли в Азовской губернии по реке Соленой и другим рекам по берегу Азовского моря. Купцов, мастеровых и промышленников предусматривалось поселить в местах, удобных для торговли, в частности, в городах Екатеринославле (нынешний Новомосковск) и Мариополе. Но все дело было в том, что последнего города еще не существовало. Его только собирались строить специально для греков на берегу реки Волчьей. Но это было бы нарушением пунктов, представленных Игнатием и предусматривавших поселение сельских жителей вблизи города для купцов и мастеровых. Теперь же хотели разделить греков-горожан с греками - сельскими жителями, расселив их на значительном расстоянии друг от друга. Греки воспротивились такому варианту. Впрочем, А.А.Скальковский и некоторые отечественные этнографы (В.И.Наулко) считают, что истинные причины отказа поселиться в отведенных местах были в другом. Во-первых, чисто религиозные - митрополит Игнатий хотел оградить свою паству от русских и украинцев. Во-вторых, предлагавшиеся земли были не очень удобны для земледелия, и греки просились дальше на юг, где имелись более плодородные земли. Похоже, еще в "крымские" времена митрополит Игнатий не питал особых симпатий к запорожцам. Ему были известны случаи, когда прежние греческие переселенцы на запорожские земли сливались с казаками. При этом греки даже церкви свои переносили из Крыма в Сечь. Бывали случаи, когда греки вступали в запорожское войско. Видимо, именно для обсуждения этих вопросов митрополит Игнатий выехал вместе с Трифиллием в Петербург 2 июля.

В конце концов греки добились, что места их поселения были определены новым документом - ордером Потемкина губернатору Азовской губернии Черткову от 29 сентября 1779 года. По всей видимости, Потемкин предварительно не обсуждал этот вопрос с митрополитом Игнатием, так как в ордере ссылался на "обязательное свидетельство митрополита и греческих депутатов, которые признали бы отводимые им земли достаточными и удобными.

В Мариупольском краеведческом музее висит "карта, предоставляющая часть Азовской губернии Мариупольского уезда земли, которые определяются вышедшим из Крыма грекам". В

центре карты надпись "Быть по сему. Екатерина". Чуть ниже: "Конфирмован 2 октября 1779 года". Внизу подпись: "Князь Потемкин".

Ордером Потемкина следующим образом определялись границы отводимой грекам территории.

От устья реки Берды, где располагалась крепость Петровская, по ее левому берегу до устья реки Каратыш; по левому берегу Каратыша граница шла до ее верховья, откуда поворачивала на вершину балки Кобыльной и по правому борту балки до реки Мокрые Ялы. Далее граница шла по правому берегу Мокрых Ялов до впадения ее в реку Волчью, а оттуда вдоль Волчьей до балки Осиновой. По левому берегу последней до ее верховьев, а от верховьев Осиновой балки граница направлялась к верховьям реки Березнеговатой и по ее правому берегу вниз по течению до реки Кальмиус, а далее вниз по правому берегу Кальмиуса до впадения его в Азовское море и по берегу моря до крепости Петровской. Территория эта, говорилось, имела площадь в 1234475 десятин. (На самом деле, после повторного тщательного измерения оказалось, что площадь отведенной территории равна всего 744 384 десятинам). Именно здесь греки сами должны были решить, где им строить город и села. Каждому селу отводилось 12 тысяч десятин (в расчете на двести дворов). Если бы образовался излишек после основания села, то он предназначался для естественного прироста населения и новых переселенцев. Такими переселенцами в течение десяти лет могли быть только греки. В ордере Потемкина предусматривался и тот случай, когда бы отведенной земли не хватило бы всей деревне. Тогда предписывалось "прибавить им по количеству тех выходцев из пустых никому не отведенных земель".

Если бы в течение десятилетнего льготного срока какие-то земли остались бы не занятыми, то они подлежали раздаче желающим (не из числа греков). Это условие должно было побуждать греков привлекать все большее число своих соотечественников в Россию.

Город для купцов греки могли построить в устье Кальмиуса. Но здесь уже был намечен к строительству город Павловск, в честь сына Екатерины II. Место греков устраивало, но не устраивало название, ибо свой город они хотели назвать Мариуполем, в честь Святой Марии, чудотворную икону которой они намечали установить в главном соборе города. Напомним, что в устье реки Волчьей, где греки отказались поселиться, намечался к строительству город именно с таким названием, правда, в честь другой Марии - жены наследника русского престола, невестки Екатерины. Проблема разрешилась чрезвычайно просто. Без бюрократических проволочек Потемкин просто поменял двум городам названия и предполагавшийся Павловск стал Мариуполем, а Мариуполь (Марионополь) - Павловском.

Однако возникли новые проблемы. Отведенные грекам земли кое-где были заселены. Проживавшим здесь государственным поселянам разрешалось остаться на местах лишь зиму 1779-1780 года и лето - до снятия урожая. После этого они должны были покинуть эти места. За все покинутые постройки, доставшиеся после ухода государственных поселян грекам, поселяне получили компенсации от правительства. Исключения составляли мельницы. Они были куплены греками вместе со 120 десятинами земли, примыкавшими к мельницам.

Таким образом, одно насильственное переселение - христиан из Крыма - вызвало новое, такое же насильственное перемещение сотен, а может быть, и тысяч людей из Приазовья.

Но все это будет чуть позже, а тем временем наступали новые холода. Подходил к концу 1779 год, а колонистам все еще не предоставили жилищ. В октябре окончательно стало ясно, что придется провести еще одну трудную зиму в случайных или же наскоро построенных жилищах. Так оно и случилось. Вторую зиму в России часть прибывших колонистов провели в тех же деревнях, где и первую, многие же подались в Бахмутский уезд, где им было приготовлено некоторое количество жилых домов. Те, кто получил зерно, засеяли им небольшие участки земли, чтобы на следующий год хоть частично обеспечить себя хлебом и семенами. Больных и престарелых на обе зимовки определили в Самарский монастырь и рядом расположенную богатую слободу Орлов-щину. Но помощь эта была недостаточной, и с 1780 года в Орловщине разместился штаб и канцелярия премьер-майора князя Шахматова, занимавшегося благотворительностью по отношению к переселенцам. Несмотря на все это, потери среди колонистов были велики. В послании министру внутренних дел Ланскому греки сообщали, что от перемены климата, воды, от тесноты, а большей частью от отсутствия крыши над головой умерли целые семьи. Не осталось ни одной семьи, жаловались греки, которая бы не потеряла кого-нибудь из своих членов. Александрович, преподаватель Мариупольской мужской гимназии, приводит такие данные: из 9 тысяч мужчин, выходцев из Крыма, не осталось и трети. Тут необходимо учесть, что указанная треть - это

количество тех, кто, в конце концов, поселился на отведенных землях. Остальные - не все умерли: некоторые остались в Екатеринославе, другие поселились в Таганроге. Не забудем также, что многие вернулись в Крым. Наконец, весной 1780 года в соответствии с новым документом произошло еще одно, на этот раз последнее, переселение греков. Документом этим стал указ Азовского губернатора за № 1817 от 24 марта 1780 года. Он подтверждал отвод земель грекам на Азовском побережье.

В течение весны и лета этого года греки покинули Самарскую паланку, Бахмутский уезд и направились к морю. Шедшие из Самарской паланки по древнему пути "солоны" или, как его еще называли, "казацкому шляху", проходя через село Матвеевку и слободу Васильеве, по свидетельству священника Феодосия, "чрезвычайно обогатили их жителей золотом". За золото греки покупали у местного населения самые необходимые товары, утраченные в ходе двухлетней кочевой жизни, или же оставленные в Крыму. Кое-что досталось грекам и от государства. В течение 1779-1780 гг. переселенцам (грекам и армянам) выдали: 612 пар волов, 144 лошади, 33 коровы, 483 повозки, 102 плуга и 1570 четвертей хлеба. Для них было построено на средства казны 5294 дома и амбара.

В этот период из 30156 переселенцев 24501 человек находились на иждивении государства.

Освященная земля

В эту же осень началось строительство Мариуполя. Некоторые авторы (Р.И.Саенко), правда, полагают, что город к этому времени уже существовал, и датой его основания следует считать 1778 год. Возможно, это и так. Но аргументировать это лишь тем, что на картах 1778 года Мариуполь (тогда еще Павловск) уже обозначен, нельзя. Дело в том, что в те времена не такими уж редкими были случаи, когда города еще не существовало, а название ему было уже дано. Он мог обозначаться на карте, хотя еще только намечался к строительству. Но какой бы год ни был признан датой основания Мариуполя, следует признать, что городом - с массовым строительством жилых домов, церквей, заводов и фабрик он стал с появлением здесь греков.

Место для строительства Мариуполя выбрали на возвышенном месте, вблизи бывшей Кальмиусской паланки Запорожской Сечи, которая именовалась Домаха (Адомаха).

Согласно преданию, здесь жила одинокая запорожанка. Дом ее отделялся от Кальмиуса широким и глубоким оврагом. Когда женщине надоело ходить по столь неудобному пути к реке, она решила направить воду КальмУуса в овраг. С этой целью запорожанка решила перекопать перемычку, отделявшую реку от оврага. Ей это удалось благодаря упорному и долгому труду. Таким образом, у Кальмиуса появилось два русла при впадении в Азовское море. Женщину звали Домаха, такое же название получила и образованная ею протока, а также казачья паланка.

Возвышение, на котором начали строить Мариуполь, резким уступом отделялось от выровненной прибрежной полосы. Сама же возвышенность неглубоким Куконовым оврагом делилась на две части, на два холма. На одном из них - юго-западном, строились все казенные и общественные учреждения, а также дома состоятельных греков. Тут же разместились первые лавки и магазины. В этой же части Мариуполя начал закладываться городской общественный сад, откуда открывалась прекрасная панорама моря.

Строили Мариуполь выходцы из крымских городов: Бахчисарая, Кафы, Карасубазара, Балаклавы, Бельбека, а также некоторые сельские жители. Рядом с Мариуполем, а точнее, местом, где намечалось разместить главную святыню - икону Божьей Матери, намеревались поселиться и прихожане Успенского скита. Однако на последнем переходе от Александровской крепости до Кальмиуса они разделились. Так, жители деревни Улаклы, также бывшие прихожанами Успенской церкви, возглавляемые священником Федором, направились на реку Мокрые Ялы.

Одновременно со строительством жилых домов (в основном это были мазанки) в Мариуполе строились и церкви. Первыми среди них были Харлампиевский собор, церкви Марии Магдалины, Рождества Богородицы (специально для себя ее возводили выходцы из Карасубазара) и Успенская (или Марианская) - для прихожан бывшего Успенского скита в Крыму.

Выходцы из Кафы, Козлова, Карасубазара, Бахчисарая, Успенского скита селились отдельно друг от друга, образуя соответствующие кварталы Мариуполя. Так, жители Карасубазара образовали

в северной части города квартал, названный позднее Карасевкой, а жители Кафы - Кефайскую улицу, или квартал Кефе. Находился он в южной части Мариуполя.

Строящиеся церкви имели каменные стены и деревянные купола. Убранство их было очень богатым - в них разместили вывезенное из крымских церквей большое количество серебряной утвари, многочисленные иконы. Особенно богатой была Успенская церковь, в которой разместили икону Богоматери. Слух о чудотворной иконе быстро распространился за пределами Мариуполя и Мариупольского уезда. В Мариуполь, как сообщает Драчевский, съезжались ко дню Успения не только греки, но и жители соседних стран Черномории и Земли Войска Донского. А жена генерал-лейтенанта Войска Донского Евдокия Мартынова подарила церкви новую ризу - серебряную, осыпанную драгоценными камнями. Старую крымскую ризу хранили тут же, в соборе.

В строительстве города активное участие принимали митрополит Игнатий и губернатор Чертков.

В это же время митрополит Игнатий много ездит по местам временного проживания греков. Для разрешения наиболее важных вопросов Игнатий, уже традиционно в сопровождении Трифиллия, выезжал в столицу.

Сам митрополит первое время не имел жилища и, как многие бедняки, жил в сырой землянке. Случившийся пожар уничтожил ее вместе со всем имуществом, а также архивными материалами, которые хранились у него. После пожара Игнатию построили новый дом, но прожил в нем митрополит недолго, а переселился в другое место - в шести верстах от Мариуполя вверх по Кальмиусу. Здесь он развел богатый фруктовый сад, выстроил в нем келью и молитвенный дом. Чуть позже он начал возводить еще и каменный собор в честь Георгия Победоносца, однако смерть оборвала его планы. Умер митрополит Игнатий Гозадин 16 февраля 1786 года в возрасте более семидесяти лет. Погребен он был под Харлампиевским собором, по тогдашнему обычаю сидящим в гробу. Незадолго до смерти он объявил почетным представителям паствы свою волю относительно остающегося у него имущества. Игнатию принадлежали рыбные заводы, постоянные дворы, лавки, а также 1512 овец, 820 ягнят, 80 коз. Своему помощнику Трифиллию Игнатий завещал сто рублей, трем церквям Мариуполя по 75, а священникам и приходским бедным всех греческих селений - по двадцать рублей.

Вскоре после смерти Игнатия Гозадина в суд поступила жалоба, что митрополит якобы получил от Суворова в качестве компенсации за оставленные в Крыму дома и сады 78000 рублей, но отдал грекам - бывшим владельцам - всего 1220. По жалобе провели следствие, в ходе которого допросили даже А.В.Суворова. Но ничего не подтвердилось.

Этот случай еще раз показал, что среди греков были и открытые противники Игнатия. Сильное недовольство политикой митрополита вызывало греческое купечество. Греки-купцы считали, что Игнатий больше занимался политическими делами, нежели церковными, и в своей деятельности проводил политику, угодную русскому правительству, но неприемлемую для греков.

Недовольство переходило во вражду, в которую втянут был и греческий суд. Дошло даже до того, что, когда Игнатий посадил фруктовый сад на своей даче, суд, используя какие-то формальные придирки, убедил жителей и те развалили ограду и уничтожили сад.

Большинство греков, однако, относилось к своему митрополиту с прежней почтительностью и уважением. С годами это чувство не исчезало, а скорее, наоборот, - забывались невзгоды и трудности, которым в большей степени подвергались именно простые греки. Поэтому достигнутое позднее благополучие в России они всецело связывали с именем Игнатия Гозадина. В 1886 году, в столетнюю годовщину смерти Игнатия, в Мариупольском училище установили стипендию его имени. На эту стипендию воспитывался то круглый сирота-учащийся училища, то кто-либо из числа самых бедных учащихся. Только нерасторопность отцов города в этот год не позволила поставить в Мариуполе памятник Игнатию.

После смерти митрополита его родственники покинули Мариуполь. Обветшал и зарос бурьяном его загородный дом, зарос фруктовый сад, а келья и молитвенный дом разрушились.

Со смертью Игнатия прекратила свое существование и Готфийская и Кефайская епархия, основателем которой он являлся. С 1786 года все греческие церкви были приписаны к Словенской (затем - Екатеринос-лавской) епархии. Епархию возглавил грек Дорофей, бывший до этого архимандритом Нежинского Благовещенского монастыря, известный еще и тем, что обучал греческому языку Г.А.Потемкина.

Свои первые сельские поселения в Новороссии греки начали строить в 1780 году. Впрочем, некоторые села выросли там, где греки провели предыдущую зиму, на месте их первых землянок. Так что ряд сел были основаны на год раньше, т.е. в 1779 году.

Проведя вторую зимовку в различных местах, переселенцы начали съезжаться на отведенную им территорию и выбирать места для своих деревень. В первую очередь при этом обращалось внимание на наличие вблизи воды, что в степи важнее всего, а также на земли, пригодные для выпаса скота. Их, впрочем, было предостаточно всюду.

Выходцы из 13 крымских деревень направились к Кальмиусу и основали на его правом берегу шесть сел: Бешев, Большую Каракубу, Ласпи, Карань, Чермалык и Сартану. Деревню, как правило, заселяли выходцы из нескольких крымских сел, а вновь образованному селу присваивали название той крымской деревни, переселенцы из которой составляли большинство. Лишь жители наиболее крупных крымских сел при основании новых сел не объединились ни с кем. Так возникли села: Бешев, Большая Каракуба и Сартана. Все они сохранили свои названия. Правда, название Бешев, обозначавшее "пять дворов" по-татарски, уже давно не отражало истинных размеров села. Неизвестно, сколько именно домов построили на новом месте первопоселенцы, но то, что их было гораздо больше пяти, сомнений не вызывает. Во всяком случае, из крымского Бешева греки вышли из 221 дома. В Крыму был еще один Бешев, значительно меньший по размерам, состоявший всего из 13 домов. А вот в ведомости Суворова нет ни одного Бешева, но есть деревня Бишуи, располагавшаяся в Ак-мечетском кадалыке, и Бешутка. Записывая названия деревень со слов переселявшихся, А.В.Суворов вполне мог допустить неточность. Это, кстати, относится, за редким исключением, ко всем деревням. Нет сомнений, что Бишуи и Бешутка и есть два Бешева. Это подтверждается, и количеством вышедших из этих сел: из первого (Бишуи) - 686 человек (греков), из второго - лишь 41 (грузин). Обратим внимание на то, как хорошо численность жителей этих деревень согласуется с количеством дворов.

Некоторая путаница имеется и в истории с названием села Большая Каракуба. Дело в том, что у этого крупнейшего крымского греческого села было еще одно название - Аргин. До сих пор, например, жители греческого села Стылы Старобешевского района Донецкой области именуют каракубцев "аргинотами". Старожилы Большой Каракубы полагают, что в первые несколько лет после основания село их именовалось Аргин, т.е. его название было греческим. На самом деле, сравним: Арголида, Аргивские, Арганусские острова, аргонавты. Каракуба же - слово татарское, состоящее из двух слов, с помощью которых жители села (в Крыму) отразили наиболее характерный ландшафтный признак в его окрестностях. Вблизи находилась пещера в скале черного цвета. Отсюда и "Каракуба" (Каракоба) - черная пещера. (Неподалеку находилось село Кизыл-коба (красная пещера).

Порою, однако, крымская Большая Каракуба именовалась иначе - Каракуба-Аргин, Аргин-Каракуба, Аргын-Коба. Но приставка Аргин, несмотря на свой ярко выраженный греческий корень (аргарос - по-гречески означает "серебро"), также имеет татарское происхождение. Аргины - одна из знатнейших фамилий крымских мурз, наряду с Мансурами, Ширинами, Барынами и др. Один из кадылыков Крыма (кадылык - мелкая административно-территориальная единица, входившая в состав каймака) так и назывался: Аргинский. В нем-то и располагалась Большая Каракуба, получившая по принадлежности к Аргинскому кадылыку приставку Аргин. Еще один Аргин (довольно большое село с почтовой станцией и церковью между Старым Крымом и Керчью) показано на карте, помещенной в "Досуках крымского судьи" П.Сумарокова.

На новом месте, однако, Большая Каракуба никогда Аргином не называлась. Во всех документах конца XVIII в. - начала, середины и конца XIX в. село значится как Большая Каракуба, или Старая, после того как часть жителей села, выйдя из него, основала Новую Каракубу. Между тем грекозвучное имя Аргин не забывалось, и даже один из четырех колхозов, организованных в Каракубе в годы коллективизации, называли "Красным Аргином".

Предположение некоторых жителей села, что-де свое название в России село получило по наличию вблизи обнажений горных пород черного цвета (черная гора) или из-за того, что село расположилось в заметном расширении речных долин рек Мокрая Волноваха и Кальмиус в месте их слияния (черная яма), не имеет оснований.

Нам неизвестно ни одного предания или легенды, объясняющих, почему Сартана получила свое название. Обозначает же оно в переводе с татарского "желтый теленок".

Новую же деревню Ласпи основали выходцы из трех крымских сел: Ласпи, Алсу (в ведомости Суворова она значится как Ялсы) и Качикальен (Качкальян). И хотя самым крупным из них было Алсу, новое село получило название Ласпи. Переводится оно с греческого (жители села, правда, говорили на татарском языке) как "грязь". В Крыму, тем более на южном берегу, по-видимому, это имело какое-то объяснение, но выяснить это пока не удалось. Уже говорилось о красотах природы в окрестностях крымской Ласпи. Там, помимо всего прочего, над селом возвышалась известняковая скала с причудливыми формами выветривания. На берегу Кальмиуса переселенцы также выбрали себе место со скалой. С несколько измененным названием это село и сегодня можно обнаружить на карте Донецкой области. Называется оно Старая Ласпа, располагается в Тельмановском районе.

Жители сел Карань, Черкес-Кермен и Мармара, располагавшихся

в Крыму неподалеку друг от друга, объединившись, основали село Карань. Точное происхождение названия этого села неизвестно. Возможно, оно тоже как-то связано с черным цветом. А может быть, название села происходит от слова "коран"? Село Чермалык (так по-татарски именуется растение ломонос) основали соседи - жители четырех крымских деревень: Чермалыка, Капсихора, Шеленаи Аи-Лан-мы (Асламы у Ф. Лашкова по данным на 1783 год). Этой маленькой деревушки, состоявшей всего из 14 дворов, вообще нет в ведомости Суворова. В суворовской ведомости нет и села Капсихор, но оно встречается у многих авторов (Бертье-Делагард, Караманица), как одно из тех, жители которого основали Чермалык.

На холмистых берегах реки Мокрая Волноваха, правого притока Кальмиуса, возникло село Стыла, основанное выходцами из одноименного крымского села (Стеля, по Суворову). В Байдарской долине (свидетельствует А. И. Маркевич) была деревня Скеля, но греческое население в этой части Крыма исчезло задолго до присоединения Крыма к России. Помимо версии, высказанной в первой главе, относительно происхождения названия этого села, существует и другая. А. Бертье-Делагард считает, что название села происходит от греческого слова "стилос" - столб. Под этим названием село существует и сегодня.

Три села расположились на реке Кальчик: Малый Янисоль, Чердаклы и Старый Крым. Малый Янисоль (Малый Яникуль, по Суворову, а ныне село Куйбышево Володарского района) заселили выходцы из четырех крымских сел: Малый Янисоль (в Крыму оно называлось еще Малая Енисала, что А. Бертье-Делагард не совсем понятно переводит как "новая сала"), Уйшун (Ушуню), Еникой (Янкули) и Джемрек (Жемрек). Все они говорили на греческом языке. Жители сел Чердаклы, Баису и Малой Каракубы объединились для основания села Чердаклы, хотя наиболее многочисленную группу среди них составляли выходцы из Малой Каракубы. Произошло, возможно, это потому, что одна Каракуба - Большая - уже появилась. Чердаклы также разместилось в месте слияния двух рек: Кзльчиха и знаменитой Калки, вблизи того места, где в 1223 году произошла историческая битва между татаро-монгольскими и русскими воинами. Село Чердаклы, обозначающее по-татарски "ступенчатая", в настоящее время именуется Кременевка, что является тайной не меньшей, чем старое историческое название этого села.

Вышедшие из Старого Крыма держались обособленно, что, вероятно, объясняется их изолированным существованием и в Крыму, где по соседству не было других греческих деревень. И на новом месте старокрымские греки поселились рядом с греками-горожанами, примерно в десяти верстах к северу от Мариуполя.

Жители десяти преимущественно южнобережных деревень вновь поселились на берегу моря. Выходцы из восьми этих сел: Ялты, Верхней Аутки, Нижней Аутки (в ведомости они объединены под общим названием Агутки), Массандры, Магарача, Никиты, Большого Ломбата и Малого Ломбата - вблизи Белосарайской косы, в 20 верстах от Мариуполя, основали Ялту. Она вновь оправдала свое название "прибрежной". Крымская Ялта не была среди перечисленных деревень крупнейшей, но велик был авторитет ялтинцев в Крыму. В Ялте для 66 греческих дворов богослужение велось в четырех христианских церквях. Так же, как и в Крыму, рядом возник Урзуф (Гурзуф, а в ведомости Суворова - Гурзы). В нем поселились выходцы из Гурзуфа и деревни Кизилташ (Казылташ), жители которой, кстати, составляли большинство: из Гурзуфа вышло 83 человека, в то время как из Кизилташа - 187.

В десяти верстах к северу от Ялты разместились переселенцы из Мангуша, сохранив и на новом месте название родного села. Имя селу, вероятно, дала фамилия одного из его жителей (еще в Крыму). И сегодня фамилию Мангуш можно встретить в греческих селах.

Еще шесть сел компактно разместились в северо-западном углу отведенной территории, на берегах рек Мокрые Ялы, Сухие Ялы и Волчьей.

Большое село Керменчик населили жившие рядом и в Крыму жители деревень: Керменчик, Албат, Шурю, Биясала. А. Бертье-Делагард добавляет к ним еще и деревню Улусала, не обозначенную в ведомости Суворова. По преданию, в Крыму они составляли одну параксию. Поселившись вместе, они повели спор о церковном престоле. Победу в нем одержали жители Керменчика, и церковь была освящена во имя Святой Троицы. Именно такая церковь была и в крымском Керменчике, обозначающем в переводе с татарского "небольшая крепость".

Жители сел Улаклы ("место канав" по-татарски) и Камара, ни с кем не смешиваясь, поселились в одиночестве. Последнее в настоящее время почему-то именуется Комар, хотя ни известными энтомологами, ни самими этими насекомыми село не знаменито. Метаморфоза, вероятно, объясняется тем, что слово это более понятное, чем "камэрэ" ("комната" по-гречески), откуда и пошло название этого села.

Слово "богатырь" тоже всем известно и понятно. Почему так названо

село, проясняет А. Малиновский, хорошо знавший внутреннюю жизнь Крымского ханства. Он писал, что в начале XVI века имя Богатырь-гирей носил сын крымского хана Менгли-Гирея. Заселен Богатырь был выходцами из одноименного крымского села, а также села Лака. Село Богатырь также отсутствует в ведомости Суворова.

На правом берегу реки Мокрые Ялы (там, где в нее впадают речки Кашлагач и Шайтанка) возник Большой Янисоль. Образовался он при соединении двух крымских сел: Большой Янисоль (или просто Янисоль, согласно ведомости) и Салгир-Енисал. Ф. Браун считает, что основателями этого села были и жители села Аян и Озенбаш. Причем янисольцы говорили по-гречески, а остальные - по-татарски. Хотя деревни Озенбаш также нет в ведомости Суворова, долгое время часть нового Большого Янисоля именовалась Озенбаш. Большой Янисоль - ныне районный центр Великоновоселка Донецкой области.

Греки пяти небольших сел: Демерджи (Фуны), Алушты, Улу-Узень, Кучук-Узень, Куру-Узень, располагавшиеся у подножия горы Демерджи, - поселились вместе. Неизвестно, какое название новому селу хотели присвоить его основатели, но в дело крещения вмешался митрополит Игнатий Гозадин. Присутствуя при освящении церкви в новом селе, он поразили щедрости греков, пожертвовавших в этот день около двухсот коров, а также сотни овец и коз. Даже большие поклонники жертвоприношений - древние греки - редко совершали гекатомбу, т.е. жертву из ста быков. Здесь же митрополит Игнатий стал свидетелем сразу двух гекатомб. Видимо, учитывая это обстоятельство, он дал новому селу пышное название - Константинополь, в честь столицы Византии и родины всех греческих митрополитов. Но вот когда решали, во имя какого святого назвать церковь, "победили" выходцы из села Демерджи. Во-первых, Демерджи было самым крупным из перечисленных сел (в ведомости оно обозначено как Темерчи с населением 190 человек). Во-вторых, только священник села Демерджи дошел до нового места, в то время как остальные умерли в пути и в первые две зимовки. Потому в Константинополе и построили церковь во имя святого Федора Стратилата, как то и было в крымской деревне Демерджи. Интересно, что жители украинского села Андреевки, расположенного рядом с Константинополем, именуют последнее Стамбулом.

218 грузин и 161 волох, бывшие в Крыму рабами у татар и выведенные вместе с греками и армянами, объединившись, основали село Игнатьевку. Название дали в честь митрополита Игнатия в знак благодарности за его усилия по освобождению грузин и волохов. Грузины и волохи вышли из следующих крымских мест: Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Козлова, Какчиоя, Бешутки, Султан-Салы, Чермалыка и Урталака. Говорили они на татарском языке.

Ряд историков среди основанных греками сел называет еще и Бугасу (ныне село Максимовка Волновахского района). Однако на этот счет имеется ряд возражений. Во-первых, это село не значится в ведомости Суворова. Правда, П. Сумароков пишет, что в 18 верстах от Тамани было селение Бугае, военная слободка из 23 домов. Но греки накануне выезда в Россию в этом районе уже не проживали.

Во-вторых, язык бугасыдотов полностью идентичен языку, на котором говорят в селе Большая Каракуба. Это не может быть простым совпадением. Поэтому многие жители села Большая Каракуба убеждены, что основали Бугасу через несколько лет после основания самой Большой Каракубы часть ее жителей. Этим и объясняется полное сходство языка. В этом случае, впрочем, возникает новый не менее сложный вопрос. Речь идет о названии села. Откуда оно? Бугасу по-

татарски - "бык, пьющий воду". Но если слово "бута" - бык и ныне встречается в языке жителей Бугасу и Большой Каракубы, то татарское слово "су" - вода - не встречается. В обоих селах используется греческий вариант татарского "су" - "неро". (Ф. Браун, как и ряд других исследователей, полагает, что Бугасу основали вообще не крымские, а анатолийские греки в 20-х годах XIX столетия).

Не берусь и дальше запутывать читателя предположениями. Пусть это останется тайной. История, лишившаяся всех своих тайн, многое утратит как романтическая наука.

Митрополит Игнатий Гозадин лично объезжал строящиеся села, принимая активное участие в закладке церквей. В 1780 году небольшие церквушки появились во всех греческих поселениях Азовской губернии. Иногда это были совсем крохотные сооружения из лозы и хвороста, как, например, в Старом Крыму, Ласпе, Бешеве, Улаклы, Константинополе, Богатыре, Керменчике. Там, где поблизости имелся строительный камень (села Большая Каракуба, Чермалык, Стыла и др.), церкви сразу строили каменными. По окончании строительства Игнатий еще раз приезжал, освящал церковь и тут же открывал богослужение.

Впоследствии все церкви были отстроены заново. В 1786 году новая церковь была выстроена в Большой Каракубе, в 90-х годах XVIII в. - Керменчике (1795г.), Малом Янисоле, Чермалыке, Караниидр. Церкви назывались во имя тех же святых, в честь которых они существовали и в Крыму.

Основывая свои села, грекоязычные и татароязычные греки селились отдельно.

Таким образом, к 1780 году крымские колонисты основали 19 сел, из которых девять было грекоязычных (Большая Каракуба, Константинополь, Сартана, Стыла, Урзуф, Чердаклы, Чермалык, Малый Янисоль, Ялта). Девять сел основали греки, говорившие на татарском языке. Это села Бешев, Богатырь, Камары, Карань, Керменчик, Старый Крым, Ласпа, Мангуш, Улаклы.

Село Большой Янисоль заселили представители обеих языковых групп.

Двадцатое село - Игнатьевку - населили говорившие по-татарски грузины и волохи.

Итак, ясно, где расселились выходцы из 7 крымских городов и 42 деревень. Остается неясным, где поселились выехавшие из Крыма жители 15 деревень: Утары, Куш, Хайты, Толи, Миляри, Катагор, Дайры, Зуи, Коз, Амареты, Вуртолн, Инкерман, Чуруксу, Бурундук-Отар и Топчак с общей численностью 842 человека.

Здесь можно предложить следующие два объяснения. Во-первых, часть выехавших из Крыма так и не стали колонистами и целыми деревнями повернули обратно либо еще в ходе переселения, либо после первых двух тяжелых зимовок. Во-вторых, жители этих сел, каждое из которых насчитывало от 3-4 до 60-70 человек, могли затеряться среди жителей более многочисленных сел.

Вместе с тем, в ведомости Суворова нет некоторых деревень, бывших и в Крыму, и участвовавших в основании новых сел. Это деревни Богатырь, Капсихор, Озенбаш. И этому есть два возможных объяснения. Первое: ведомость Суворова неточна. Но, зная с каким усердием он относился к делу, не хочется принимать такую версию. Второе предположение состоит в том, что, возможно, "спорные" деревни в ведомости поименованы другими названиями. Не одно ли и то же, например, деревни Катагор и Капсихор?

Ничего не могу сказать об Озенбаше. Но... Почти через два столетия всплывает это название вновь - и снова в связи с переселением. В 1944 году крымским татарам дали полтора часа на сборы. Непосредственные исполнители этой акции, видимо, подчиняясь ритму XX века, сократили время до сорока минут (данные А. Солженицына). Заупрямился Озенбаш. Деревню сожгли. Издевательства истории на этом не закончились. Сегодня в Крыму на месте Озенбаша - село Счастливое.

В литературе, посвященной истории греческих поселений в Приазовье, часто говорится о другом количестве греческих сел - 24. Она верна, но, приводя ее, всякий раз надо указывать, когда появились остальные четыре села. Первоначально же возникло двадцать сел (вместе с Игнатьевкой, жители которой считают себя греками). Приведем лишь краткую историю возникновения четырех новых сел. Постепенно количество греческих сел увеличивалось. Почти каждое село дало выселки. Но данная тема требует специального исследования и здесь мы ее опускаем. Скажем лишь об основных, четырех новых поселениях.

Часть жителей Большой Каракубы перешла на новое место приблизительно в 100 километрах от прежнего и основала новое село. Назвали его Новой Каракубой. На три части разделился Керменчик: Новый Керменчик и Малый Керменчик. Сам Керменчик при этом стал Старым. Почему это произошло?

Эти два примера наводят на мысль, что причиной раскола была нехватка земли. Предположение это вытекает из того, что оба села были довольно большими. Более правдоподобная,

на первый взгляд, версия о причинах разделения, заключающаяся в том, что эти села были основаны выходцами из нескольких крымских деревень и теперь они решили "получить независимость", имеет серьезное возражение. Если бы разделение происходило именно по таким соображениям, то и новые села получили бы названия бывших крымских деревень. Однако названия новых сел показывают, что деление шло "по живому", но не представляло собой разделения Большой Каракубы и Керменчика на первоначальные составные части. Новые села, как мы видим, назывались в честь деревни - "метрополии". Помимо Большой Каракубы и Керменчика, "раскололась" и Игнатьевка, в 10 километрах от которой вышедшие из нее волохи основали свое село - Новую Игнатьевку, а сама Игнатьевка стала Старой Игнатьевкой.

Все эти разделения произошли через 2-3 года после основания первых греческих поселений, то есть "Б 1782-1783 годах. Так что, если верно, что село Бугасу появилось еще позже - уже в 20-х годах XIX века, то оно было двадцать пятым по счету греческим селом в Мариупольском уезде.

Примерно в эти же годы появилось еще одно греческое село - Анадоля. Основали село анатолийские греки (отсюда и название) из Малой Азии (современная Турция). Похоже, что основатели села были преимущественно грекоязычными. Однако, судя по современной лексике языка его жителей, хорошо изученной В. В. Харабетом, среди основателей Анадоля находились и говорившие на татарском языке.

Для оказания грекам помощи при основании Мариуполя и сел с ними отправился представитель губернской канцелярии, посланник губернатора Черткова, секунд-майор Михаил Сафков. Он находился при греках пока они не выстроили себе дома, не обзавелись всем необходимым для ведения хозяйства. Губернатор высоко оценил деятельность М. Сафкова, подчеркнув, что "... побудительным советом, наставлениями и, особенно, ласковым ободрением склонил их (греков - И.Д.) от упорства обратиться к трудолюбию в хлебопашестве".

В выборе мест для сел непосредственное участие принимал и митрополит Игнатий. В книге "Мариуполь и его окрестности" находим сведения о том, что он даже указывал грекам места для строительства, служил посредником между государственной казной и своей паствой в покупке леса. Его было выкуплено на 1831 рубль 74 копейки с рассрочкой выплаты на десять лет.

Земли, заселенные греками, были очень плодородными, реки, протекавшие здесь, изобиловали рыбой, в степях обитали многочисленные звери (зайцы, лисы, волки), птицы. Земли эти считались лучшими в Азовской губернии. Еще в эпоху запорожцев татары использовали здешние пастбища с разрешения казаков. Не правда ли, интересный факт, в несколько ином виде высвечивающий отношения между запорожцами и крымскими татарами?

Нельзя не отметить чрезвычайно удобное географическое расположение Мариупольского уезда в плане торговли и других видов связей с соседними землями. Удобство определялось прежде всего выходом к морю, а, во-вторых, тем, что вдоль Кальмиуса проходила знаменитая Кальмиусская сакма. Начинаясь на юге, в верховьях реки Молочные воды, Кальмиусская сакма шла вдоль Кальмиуса, а затем - вдоль Северного Донца во внутренние районы России. Ур. Большая Сосна она сливалась с Муравским шляхом. Удобным было положение и самого Мариуполя. Дорогами он связывался с Екатеринославом, Таганрогом, Александровской крепостью. Отсюда вели дороги в Крым, Павлоградский и Бахмутский уезды.

Не менее знаменит был и сам Кальмиус. Нередко река эта служила запорожцам спасительным путем. Иногда, после набегов на турецкие суда, казаки возвращались в Сечь по Кальмиусу. Они поднимались вверх по течению, а затем волоком перебирались в Волчью, из Волчьей попадали в Самару, впадающую в Днепр. Этот путь выбирали тогда, когда турки перекрывали устье Днепра, но забывали "перекрыть" Азовское море. Кальмиус - река быстрая, во многих местах порожистая. Вверх груженым судам (надо полагать, не с пустыми руками возвращались запорожцы после набегов) подниматься было нелегко. Кто знает, может, и бывали случаи, когда лодки тонули или переворачивались. Но не раз приходилось слышать о погребенном под песчаными наносами на дне Кальмиуса, корабле. Конечно, с золотом. При этом рассказчики обязательно добавляли: "Американцы (в последнее время -- японцы) просили наших разрешить им расчистить русло Кальмиуса. Но все, что обнаружат на дне, берут себе. Наши не согласились".

Нелегко складывалась жизнь в первые годы на новом месте для колонистов. Нужно было привыкать к новому климату, сильно отличавшемуся от крымского, обработать целину, обзавестись инвентарем. К этим трудностям прибавились и многочисленные природные. Первое же лето оказалось засушливым.

Настоящим бичом степей всегда была саранча. Тем же летом 1780 года она совершила первое нападение на заселенные земли. То, что не выгорело в результате засухи, было уничтожено саранчой. Впоследствии эти нападения повторялись почти каждый год. Обычно тучи саранчи приносились с востока и юго-востока. Размеры их достигали 10 километров в длину и 3-4 километров в ширину. Саранча пожирала на корню хлеба, всю траву на лугах и даже камыши. "Бедствие увеличивалось в 300 раз и более, - писал историк Д.И. Багалей, - когда саранча не пропадала до наступления осени, ибо в октябре месяце она умирает, но прежде смерти каждое насекомое кладет в землю до 300 яиц". Говоря о трудностях жизни в степи в первые годы, Д.И. Багалей продолжает: "Жизнь в степи была сопряжена со страшными лишениями и неудобствами: приходилось вести настойчивую и упорную борьбу с дикой степной природой. Страшна была безлюдная степь зимою, когда вся она представляла из себя бесконечную белоснежную пелену, на которой не видно было уже ни дорог, а бродили только голодные волки и другие звери".

Засуха и нападение саранчи повторились и на следующий, 1781 год. "Саранча истребила весь хлеб, засуха страшная, даже бурьяну не было", - так описывал случившееся священник Феодосий Макарьевский.

К 1782 году практически все переселенцы выстроили себе дома. Это по-прежнему были землянки, лишь самые состоятельные сразу возводили себе дома из камня. В Мариуполе в 1782 году проживало уже 2948 жителей. Среди них было 1506 мужчин, 144 купца, 213

мещан, 1149 ремесленников. В том же году в городе построили еще 53 каменных дома и 20 мазанок, а также две церкви. В устье Кальмиуса действовал морской порт, но так как гавани не было, то большим судам приходилось становиться на якорь в 4-х верстах от берега. В городе был открыт кожевенный завод. Ежегодно в Мариуполе проводилось 4 ярмарки.

Следующий, 1783, год оказался знаменательным годом для России. Крым, ослабленный выводом из него христианского населения, был присоединен к России. П. Сумароков, прибывший вскоре после этого в Крым, так описывает увиденное там: "...сей край, присоединенный к ее (России - И.Д.) пространству, предстал перед нею в пораженном виде,... деревни претворились в развалины, сады в запущенные леса, ремесла, промышленность - в тунеядство...".

Добавим к этому, что свыше 300000 татар покинули свою родину и уехали в Турцию. Оставшиеся татары, особенно южнобережные, долго не признавали новой власти, оставались верными хану и султану. В.Х. Кондараки пишет, что они организовали милицию для борьбы с вновь прибывающими жителями, выставляли вооруженные пикеты в горах. Однако, когда из Керчи и Еникале в Балаклаву были переселены греки, татары постепенно стали признавать новую власть. Есть сведения, что татары продолжали вести тайные переговоры с султаном. Греки рассказывали, что, якобы, султан поручил татарам похитить даже Екатерину II и доставить ее на судне в Стамбул. Если они это сделают, то они (татары) вновь войдут под покровительство Турции.

После ухода греков из Крыма некоторые дома в их деревнях продали татарам, другие были разграблены и разорены. В деревнях Ялта, Керменчик, Стыла, Мангуш была разорена большая часть домов, в которых до выхода проживали греки. В деревнях вблизи Карасубазара - Большой Каракубе, Малой Каракубе, Сартане, Чермалыке, все дома по приказу хана разобрали, а материал был отправлен на починку мечетей и на дрова.

Между тем, греки постепенно осваивались на новых местах. Трудностей по-прежнему хватало. Они, конечно, имели и объективные и субъективные причины. Но, как считает Г. Писаревский, "благосостояние, которого достигли в России эмигранты из Крыма, вполне вознаградило их за те лишения, которым они подверглись в первые два года жизни в новом отечестве".

Подданные России

В апреле 1784 года Азовская и Новороссийская губернии объединились в Екатеринославское наместничество. Город Екатеринослав еще не был построен и центром наместничества стал Кременчуг Г.А. Потемкина назначили генерал-губернатором наместничества. Мариупольский уезд был одним из крупнейших в нем. Ему принадлежали самые большие площади удобной для сельского хозяйства земли - 2 634 760 десятин (при 39 тысячах жителей). В это время уезду принадлежало и

первое место по числу городского населения. (Кроме Мариуполя в уезд входили Таганрог и Нахичевань, основанная армянами-переселенцами). Е.И. Дружинина приводит такие цифры: из 3856 городских жителей было 1790 армян, 1512 греков, 553 русских, четыре грузина и один вол ох (румын). Кроме того, в уезде проживало наибольшее число, по сравнению с другими уездами, мелких сельских производителей (мужчин) - 5804.

После смерти Екатерины Второй в 1796 году, русский престол занял сначала Павел I, а еще через пять лет - Александр I. Оба они подтвердили своими указами права, дарованные грекам грамотой Екатерины. В покровительстве грекам по-прежнему большую роль играли политические мотивы. Правительства многих держав, в том числе и России, стремились к все большему влиянию на Балканах. Помехой тому было господство там турок. Предоставляя грекам разнообразные льготы в своем государстве, Россия тем самым способствовала росту недовольства греков в самой Греции, находившейся под многовековым игом Османской империи. Соперничая с Францией за влияние на Балканах, Александр I всячески подчеркивал свое расположение к грекам. Он восстановил распущенный Павлом I греческий Балаклавский дивизион. На высоких государственных и военных постах при нем работало немало греков.

В жизни мариупольских греков в это время происходят лишь некоторые административные изменения, вызванные сменой российского правительства. Сначала Мариупольский уезд вышел из подчинения Екатеринославскому наместничеству, войдя в состав Новороссийского. Затем, с 1802 по 1807 гг. уезд вновь подчиняется Екатеринославскому губернскому правлению. В 1807 году Мариуполь и греческие села выделяются в отдельный греческий округ. С этого момента округ подчиняется Таганрогскому начальству. В самом Таганроге тоже проживало немало греков: по данным Г.Л. Арша, в 1802 году здесь насчитывалось 850 мужчин-греков. В таком качестве Мариупольский округ пребывал до 1859 года, когда он вновь возвратился в подчинение Екатеринославской губернской управе. Спустя еще 14 лет греческий округ преобразовали в Мариупольский уезд, просуществовавший в своих границах до революции 1917 года. В 1873 году уезд получил свой государственный герб, который выглядел следующим образом. Поле герба разделялось поперечной линией на две части: верхнюю - темно-синюю и нижнюю - черную. На поле помещалось изображение шестиконечного золотого креста, а под ним - серебряной луны. Смысл всего изображения истолковывался так: синий цвет, то есть цвет утреннего неба, - это символ возрождения, золотой крест - победа христианства над мусульманством. Черный цвет - цвет угнетения (луна - символ мусульманства).

Картинка ---- Герб Мариуполя

Административные, полицейские и судебные функции в греческом обществе с самого начала выполнял греческий суд. Это был довольно интересный орган для России. Если в самой империи полными правами пользовались лишь дворяне и, с некоторыми ограничениями - купечество, то в Мариупольском уезде все граждане признавались равноправными с самого начала. (С 1794 года греки тоже могли получать права и привилегии русских дворян - в случаях, если предоставляли доказательства благородного происхождения. По указу от 17 апреля 1816 года, такими доказательствами могли быть документы, полученные от Константинопольского патриарха).

Греческий суд был выборным органом. По штату 1784 года он состоял из председателя, четырех его заместителей и секретаря. Выбирались все они на три года из греков на окружном съезде уполномоченных (по два человека от Мариуполя и каждого села). Однако русское правительство постоянно оказывало влияние на греческий суд, назначая в него стряпчего (секретаря) и столоначальника из русских. Кроме такого способа держать под контролем "греческие дела", правительство в течение двадцати лет имело и других своих посланников в Мариуполе. Ради небольшого числа русских, например, здесь был поставлен городничий. Для них же в Мариуполе существовал и ряд других органов: земский суд, управление благочиния, уездное казначейство. Греки воспринимали это как насаждение русских порядков и всячески сопротивлялись этому, требуя убрать из города все эти органы. Требовали они этого настойчиво в течение многих лет. Для увещевания мариупольцев приезжал даже губернский предводитель дворянства, но и он ничего не добился. Греки по-прежнему требовали упразднить все негреческие органы и передать их функции греческому суду. Борьба эта длилась долго, и 2 февраля 1798 года в Мариуполе закрылись все русские учреждения.

Выражаясь современным языком, дела в греческом суде велись с сильными бюрократическими проволочками. Длительное время бумагам не давали хода. Сначала они подолгу

задерживались у регистратора, а затем застревали у столоначальника и прочих чиновников. Так что, нередко, время, разделявшее подачу, например, жалобы и принятие судом решения, составляло несколько лет. Особый статус греческого суда, заключавшийся в его обособленности (как, впрочем, и всего греческого общества), являлся, по мнению некоторых историков, причиной всех его достоинств и недостатков. К достоинствам суда можно отнести его выборность, к недостаткам - закрытость заседаний, избрание в члены суда людей без образования, а иногда и просто неграмотных. Во всяком случае, в делах суда вплоть до 1859 года отсутствуют подписи членов суда. Дела в греческом суде решались, как правило, по русским законам, однако нередко суд руководствовался традициями и обычаями, унаследованными из Крыма.

Плохая работа греческого суда усугубилась, когда в Мариуполе разрешили селиться и представителям других национальностей. Греки не населяли, начиная с этого периода, какую-то определенную часть города. Между домами греков строили свои жилища русские, евреи, немцы. При этом поселенцы-негреки подчинялись разному начальству: русские - александровскому уездному, немецкие и еврейские колонисты - специальному комитету по делам иностранных поселенцев. Это приводило к тому, что греческий суд не мог принимать к рассмотрению дела, касавшиеся русских или немцев. Доходило до того, что "чиновник одного ведомства не имел права не только преследовать без сношения с соседним ведомством подозрительных людей, но даже взять лошадей в селе другого ведомства. Бывали случаи, когда целые шайки благодаря этому были неуловимы". (Написано это почти сто лет назад, но злободневно звучит и сегодня, когда бед, благодаря ведомственному подходу во всех делах, не убавилось). В таких условиях греческая полиция была бессильна что-либо сделать. Да и отношение к работе ее членов, указывают современники, не отличалось особым усердием (суд подавал пример?). Полиция не имела даже военной команды. (Когда в 1838 году требовалось привести город в порядок по случаю приезда наследника русского престола, власти ничего не смогли сделать). Из всего этого следовало, что Мариуполь требовались единые органы. Но греки всячески противились преобразованию Мариупольского округа, соглашаясь терпеть все, лишь бы сохранить свою обособленность. Когда предпринимались попытки лишить их некоторых привилегий, они яростно сопротивлялись этому. Так, в 1815 году, когда греков обложили дополнительным налогом и хотели отобрать лишние земли, они сразу же пожаловались царю Александру I. В Петербург отправились два депутата из Мариуполя. Министром иностранных дел России в то время был грек Иоаннис Каподистрия. Его усилиями по "греческому делу" создали специальный комитет. Вошел в него и Каподистрия. Он добился, чтобы земли грекам оставили. Налоги, однако, Александр I сохранил.

Мариупольцы решили отблагодарить Каподистрию пожертвованием в его пользу тысячи четвертей пшеницы (четверть равна примерно 210 литрам). И. Каподистрия согласился принять этот щедрый подарок, но с непременным условием: перевести эти деньги в капитал. Деньги же истратить на строительство в Мариуполе училища для греков.

В конце 1817 года И. Каподистрия получил от мариупольских греков 30 тысяч рублей. Этой суммы пока было недостаточно для осуществления намеченного предприятия. Каподистрия попросил петербургского банкира, поверенного мариупольских греков Калерджи, стать хранителем этих денег до того времени, пока не соберется необходимая сумма. Профессор Г.Л. Арш, изучавший этот вопрос, не обнаружил, однако, никаких документальных подтверждений именно такому расходованию Денег. Возможно, деньги пошли на просветительские нужды - Каподистрия некоторое время возглавлял национально-просветительское общество "Филомузос Этерия" (Общество друзей муз). Г.Л. Арш считает, что именно так оно и было. Он приводит немало доказательств того, что Каподистрия заботился не только о распространении просвещения в самой Греции, но и считал своим патриотическим долгом всемерно содействовать развитию национальной культуры греков России.

Несмотря на все эти житейские неурядицы, жизнь греков складывалась без особых потрясений. (Правда, в 1830 году весь Мариуполь был охвачен эпидемией холеры. В этот год в городе умерло очень много людей. Холера повторилась в 1847 и 1848 гг. В 1848 году она усугубилась еще и засухой, длившейся с апреля по сентябрь. По данным Е.И. Дружининой, не уродились хлеб, картофель, фрукты и овощи). Спокойная жизнь города была нарушена в 1855 году, когда в Азовское море и стали обстреливать Мариуполь. Многие жители покинули город, но значительная часть их участвовала в обороне Мариуполя. В срочном порядке были эвакуированы и некоторые учреждения - их вывезли в Сартану и даже в Карань. В ходе боев сгорели на бирже деревянные амбары с солью, хлебные склады, а также некоторые дома. (Например, дом купца Палеолога.)

Вообще жители Мариуполя в это трудное для России время проявили себя как истинные патриоты. В помощь русской армии греки собрали десять тысяч рублей деньгами, а также отправили в Севастополь триста быков и двадцать шесть тысяч четвертей сухарей.

В 1859 году в Мариупольском уезде было введено общее управление и округ подчинился гражданскому управлению Екатеринославской губернии. Девять лет спустя, в 1868 году, в Мариуполе появилось полицейское управление и город разделился на три полицейские части: слободку, собственно город Мариуполь и пригородные села (Марьинка, Карасевка). На три части делился и Мариупольский округ. Части назывались дистанциями. Каждая дистанция подчинялась особому заседателю в суде. В первую дистанцию входили Сартана, Чермалык, Карань, Ласпи, Большая Каракуба, Бешев, Игнатьевка, Стыла, Константинополь, Анадоль. Вторую составляли Старый Крым, Чердаклы, Малый Янисоль, Новая Каракуба, Старый Керменчик, Большой Янисоль, Комар, Богатырь, Улаклы. Третья дистанция состояла всего из трех сел: Мангуша, Ялты и Урзуфа. В каждом селе был урядник (смотритель). Он же исполнял и обязанности писаря.

Несмотря на формальное равноправие членов греческого общества, фактически большими правами пользовались зажиточные греки, прежде всего купцы и крупные скотоводы. С. Яли обращает внимание на такой факт: в греческом суде наибольшее влияние имели мариупольские купцы. Поэтому правильнее рассматривать греческий суд как орган, стоявший на страже интересов греческого купечества. Пользуясь влиянием, именно купечество долгое время препятствовало поселению в уезде лиц другой национальности. В 1818 году, например, в Мариуполе из 1436 жителей русских было лишь двое. В целом Мариупольский уезд до 1821 года был исключительно греческим. Это помогало греческим купцам выдерживать конкуренцию в торговых делах. Но и после того, как русским разрешили селиться в уезде, им не стало намного легче. Сохранилась жалоба купца Поддубного, торговавшего в Мариуполе дегтем, салом и чаем, на греков-купцов: "В городе Мариуполе отдельное греческое управление, каторжные греческие порядки, проклятое греческое царство". Кроме русских, в уезде проживали евреи (их община в Мариуполе существовала с 20-х годов XIX века), немцы и болгары (в 1823 году в Мариупольском уезде существовало 17 немецких колоний, что же касается болгар, то они селились в уезде в течение всего XIX века). В 1869 году жители негреческой национальности составляют почти половину населения Мариуполя. Изменилось к этому времени и соотношение между греками и негреками и в самом уезде. В 1884 году из 161044 человек греков было всего 34 %. Большинство составляли русские и украинцы (50%). Несмотря на это, греки составляли большинство среди купцов, цеховых и мещан.

С 60-х годов XIX века ликвидация льгот и привилегий, данных грекам Екатериной, идет еще быстрее. В 1869 году упраздняется греческий суд, а еще через пять лет специальным законом отменяется действие привилегии, на протяжении 95 лет освобождавшей греков от призыва на воинскую службу. Пяти лет не хватило, чтобы этот пункт царской грамоты 1779 года был выполнен до конца. Тогда же, в 1874 году, в Мариуполе открыто уездное воинское присутствие.

Отмена этой льготы, пишет С. Яли, произвела на греков сильнейшее впечатление. Тяжело расставались они с мыслью о свободе от воинской повинности. В это время в народе родилась даже песня ".....", то есть "пятнадцатое марта", так как именно пятнадцатого марта 1874 года греков впервые стали призывать в армию. Одновременно с уничтожением льгот и привилегий ("привилег", как их называли сами греки) шел процесс русификации греческого населения. Эта политика царского правительства находила поддержку в среде греческого купечества и зарождавшейся буржуазии, так как в какой-то мере они были к этому готовы. Это было вполне естественно, поэтому именно буржуазия подверглась самой значительной ассимиляции. Соприкасаясь в торговых делах с русскими и украинскими купцами, она вынуждена была изучать русский язык. Открывшаяся в 1820 году в Мариуполе первая школа, где преподавался русский язык, давала возможность изучать его в первую очередь детям греческого купечества. Смотритель этой школы активно боролся за введение русского языка в школьную программу, мешая при этом преподаванию греческого. А этому уже не менее яростно сопротивлялась вторая сторона, которая не желала иметь никаких контактов с представителями других наций. На этой почве возникли беспорядки, главным виновником которых считали учителя греческого языка Харамундаки, подстрекаемого со стороны. "Стороной", похоже, выступала греческая городская дума и ее глава Попов. Последний, противясь русификации, не выделял помещений для русских классов. В книге "Мариуполь и его окрестности" находим довольно красноречивое описание позиции Попова: "он мечтал русские классы уничтожить, потому что в русском языке не видит нужды". (Потребовалось

полтора столетия, чтобы мнение учителей изменилось на противоположное. Они теперь не видят нужды в греческом языке. Доходило до того - автор этому свидетель, что школьникам запрещали разговаривать на греческом языке. Родителям "объясняли", что греческий язык мешает изучению русского). А тогда в Мариуполе в споре победила первая сторона.

Странно звучит, но постепенно, по мере отмены льгот и дарованных привилегий греки становились полноправными гражданами России. "Полноправными" в том смысле, что имели те же права, что и большинство граждан. Несмотря на то, что греки все теснее связывали свою жизнь с новым Отечеством, они никогда не забывали родины своих предков. Это вполне естественное чувство безусловно поддерживалось и не прекращавшейся эмиграцией греков из самой Греции. Она усиливалась в периоды очередных русско-турецких войн. Так исторически сложилось, что Россия была той страной, куда в тяжелые моменты в истории своей родины, устремлялись тысячи греков. Начало же XIX века было тем временем, когда национально-освободительное движение в Греции против господства турок, возникшее еще в XVIII веке, стало приобретать все более организованные формы. У жителей Греции стремительно росли патриотические чувства, передававшиеся и грекам

России. В 1814 году в Одессе несколько эмигрантов - Н. Скуфос, Э. Ксантос, А. Цакалов - основали тайную революционную организацию "Филики этерия" ("Дружеское общество"). Общество начало подготовку всеобщего восстания против турецкого ига. Во главе "Филики этерия" в 1820 году встал Александр Ипсиланти, русский генерал, сын греческого эмигранта. В 1821 году движение греков созрело настолько, что Александр Ипсиланти решился с отрядом кавалерии перейти русско-турецкую границу, намереваясь через дунайские княжества проникнуть в Грецию. Тем временем в самой Греции, в центральной ее части, началось восстание клефтов (горных партизан), возглавляемое Т. Колокотронисом. Отряд А. Ипсиланти был разбит турками в Молдавии. Но призыв А. Ипсиланти подняться на борьбу за освобождение родины слышали многие его соотечественники в России, в том числе и мариупольские граш.

Греческое национально-освободительное движение вызвало огромную поддержку и сочувствие в Европе. Во многих странах собирались деньги для борющихся греков, организовывались отряды добровольцев. В одном из них был и великий; Байрон, погибший в Греции.

За ходом восстания внимательно следил А.С. Пушкин. Об этом говорят его письма. В 1821 году он писал своему другу, декабристу М.Ф. Орлову: "Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важнейшие не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свободу". Здесь все интересно. И то, что великий поэт говорит о греческой революции (а вот еще: "Ничего еще не было столь народно, как дело греков"), и то, что письмо адресовано М.Ф. Орлову, сказавшему: "мне кажется, я первый задумал в России план тайного общества". М.Орлов говорит как раз о тайной организации "Филики Этерия". Он был очень близок с А. Ипсиланти - служил с ним в одном кавалергардском полку. А.С. Пушкин встречал А. Ипсиланти в доме М. Орлова, когда последний, так же, как и сам Пушкин, жил в Одессе. Похоже, еще тогда Пушкин догадывался о принадлежности этих людей к какой-то тайной организации. Идеи освобождения Греции захватили Пушкина так сильно, что дали повод думать некоторым его современникам, потерявшим его из виду, что он уехал в Грецию. Вот еще один отрывок из пушкинского письма, в котором он описывает события в Одессе. "...В лавках, на улицах, в трактирах - везде собирались толпы греков, все продавали за ничто имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти...". А герой пушкинской повести "Выстрел" Сильвио "во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов..." (разрядка моя - И Д.)

Таким образом, в разворачивании национально-освободительной борьбы греческого народа против своих угнетателей Россия сыграла важную прогрессивную роль. Подчеркивая эту роль в судьбах греческого народа, известный греческий повествователь Адамантис Кораис в 1803 году писал: "В Греции многие благомыслящие люди смотрели на русских как на народ, предназначенный провидением воскресить свободу Эллады". Не раз еще в будущем Греция и Россия встретятся как союзники, не одно еще поколение греков испытает на себе дружеское расположение русских. Не предавали Россию и греки.

В памяти греческого народа сохранилась благодарность России за ее участие в судьбе Греции. Может быть, наиболее ярко это проявилось в годы второй мировой войны. Неоднократные попытки Германии, имевшей договор с Грецией, привлечь к участию в войне против СССР греков, не

увенчались успехом. Ни один греческий солдат не участвовал в боевых действиях на стороне Германии против Советской Армии...

В завершение этой темы необходимо сказать, что в 1827 году президентом Греции был избран Иоаннис Каподистрия, ушедший в отставку с дипломатической службы в России и после почетной ссылки в Швейцарию вернувшийся в Грецию.

Привыкая к новому, сохраняя старое

Хозяйственный уклад греков в первые годы после переселения определялся преимущественно природными условиями, а также тем, что у колонистов не было нужного количества сельскохозяйственного инвентаря для обработки земли. В условиях степи, которая совершенно меняла свой суровый облик к весне, основным занятием греков было овцеводство. На это, конечно, повлияли и национальные традиции - еще в Крыму это было главным их занятием. Положение это сохранялось довольно долго. Так, в сведениях статистического отделения департамента государственных имуществ за 1845 год сообщалось, что "овцеводство составляет важную отрасль промышленности здешних хозяев, как по причине приволья, предоставляемого для овцеводства степями, так и по удобству сбыта шерсти. Поэтому наиболее распространенной и почитаемой профессией была профессия чабана. Особенно высоким авторитетом пользовались "удаманы" - главные чабаны. Подчеркивая их важную роль в жизни села, Ю.В. Иванова пишет, что удамана все старались заполучить в качестве свата, так как знали, что люди с его мнением считаются.

В одном селе обычно было несколько удаманов. Каждый хозяин поэтому мог выбрать удамана по своему вкусу, ведь у каждого чабана была своя манера пасти овец, принимать окот, лечить овец и т.д. Прапрадед автора во второй половине XIX века был одним из самых опытных и знаменитых удаманов в селе Большая Каракуба. В семье сохранилось предание, гласящее, что к нему за помощью обращались даже другие удаманы, когда не могли справиться с отарой, например, после неожиданно выпавшего снега в степи. В конце зимы - начале весны удаманы ходили по селу, составляя список из тех, кто соглашался доверить им своих овец. Вскоре после этого в определенных местах за селом, в специальных загонах формировались отары. Каждый житель села пригонял к месту сбора по 2-3 десятка своих овец, но было немало и таких, у кого насчитывалось по несколько сот овец. Все овцы, принадлежавшие одному хозяину, имели определенную метку (симас), которая позволяла и хозяину, и удаману безошибочно выделить из отары нужных овец.

Выпасались отары на обширных степных пастбищах. Овец перегоняли с места на место в течение долгого пастбищного сезона, продолжавшегося практически весь бесснежный период. Такое перемещение с места на место имело, помимо всего прочего, и глубокий экологический смысл: овцы не задерживались на одном месте и не выбивали под ногами почву настолько, чтобы после них ничего не росло. Отары порой удалялись на довольно значительные расстояния от сел. Чабаны все это время жили в дурумах - крытых кибитках на двух колесах. Они же служили и местом хранения хлеба, воды, дров, посуды, одежды. Своей амуниции чабаны уделяли особое внимание. Сезон продолжался долго - от холодов до холодов. За все это время чабаны, бывало, ни разу не возвращались домой. Обязательной деталью их гардероба были 'чабанские штаны' - специально сшитые из овчины шерстью вовнутрь. Брли с собой и овчинные тулупы, которые служили в зависимости от обстановки и верхней одеждой, и матрацем, и одеялом. Поверх всего чабан подпоясывался кожаным поясом, украшенным медными бляхами. К поясу прикреплялся чабанский нож в ножнах, а также рог с "квачем" - дегтем, которым чабаны смазывали раны у овец. Возили с собой чабаны и джермела - железные щипцы для вытаскивания червей из ног больных овец. Джермела и другой мелкий инвентарь был сложен в гамане - специальной чабанской сумке. И, конечно, каждый чабан не расставался с иргахом - длинной палкой с крючком на конце, с помощью которой он ловил овцу за ногу. В ненастную погоду и спали, и готовили прямо на колесах. Когда кончался хлеб, вместо него использовали баранью печенку. Хлеб мог кончиться, печенка - никогда. И вновь из семейного предания: до начала сезона чабаны решали между собой и ставили условие хозяевам. Заключалось оно в том, что за одну потерянную овцу чабан ответственности не несет. Иными словами: одну овцу съесть можно, две - тоже можно, но придется объясняться с хозяином. Расплата с чабанами производилась натурой. Им полагалась, по многолетнему правилу, десятая часть

овец от каждого хозяина. Некоторые удаманы после сезона становились обладателями нескольких сот овец. Это был, однако, их единственный доход, так как чабаны больше ничем не занимались.

За таким же заработком подавались многие греки и в соседние земли - область Войска Донского, Северный Кавказ, Кубань. Нанимаясь чабанами, они зарабатывали деньги для обзаведения собственным хозяйством, на строительство дома, а также возвращались домой через несколько лет со своими отарами, насчитывавшими сотни, а то и тысячи овец. Социальный состав греков был неоднороден и в Крыму, и в первые годы жизни в России. Имущественная дифференциация со временем еще больше усилилась. В XIX веке в греческих селах встречались уже весьма зажиточные хозяева, содержавшие по 3-5 тысяч овец, сотни коров, десятки волов. Почти всю усадьбу таких хозяев занимали сараи для скота. В помощь себе они нанимали работников из числа бедняков, которых именовали ялчи. Некоторые из работников постоянно на протяжении многих лет жили у хозяина. Хозяин кормил их, а также оплачивал работу деньгами и натурой (овцами, зерном). Занимались греки также разведением крупного рогатого скота - коров и волов, а также лошадей.

Именно волы оставались главной тягловой силой. На воловьих повозках - максах - перевозили камень для строительства, солому, сено. Их же использовали для "дальних рейсов" в Крым для перевозки соли, фруктов, вина. В конце XIX - начале XX вв. все большее значение начинают приобретать конные упряжки, но волы оставались опорой в хозяйстве греков вплоть до 40-х годов XX века.

Статус колонистов позволял им иметь гораздо больше скота, чем

другим поселенцам. В 1817 году, например, в Большом Янисоле на 211 дворов и 1181 жителя приходилось 15400 овец, 6500 голов крупного рогатого скота и 1500 лошадей. В среднем же по уезду на одно греческое хозяйство приходилось по 4,3 головы крупного рогатого скота и по 10 овец. Однако уже к концу первой четверти XIX века почти все поголовье сосредоточилось у наиболее состоятельных греков. К концу столетия в ряде греческих сел появились первые животноводческие заводы - конные, рогатого скота и овчарные. В Большом Янисоле и Старом Керменчике их было по 3.

Впрочем, как и в прежние, крымские времена, большое значение имело и земледелие. Выращивали пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, лен, коноплю. Но по сравнению с животноводством земледелие опять играло второстепенную роль. Хлеб убирали серпами - в этом плане со времен средневекового Крыма не произошло никаких изменений. Затем снопы свозили на ток для молотбы. Эту операцию производили специальным каменным катком (по сей день такие катки в изобилии разбросаны по улицам многих греческих сел). Производство катков особенно хорошо было налажено в Бешеве. Бешевцы обеспечивали и себя, и продавали катки на ярмарках жителям других сел. Подчиненное значение земледелия по отношению к скотоводству видно из того, что в Мариупольском уезде насчитывалось меньше мельниц, чем в других уездах. Так, если в Екатеринославском, Елисаветградском, Константиноградском и Александрийском уездах в 1793 году насчитывалось от 240 до 286 мельниц в каждом, то в Мариупольском - всего 65 (18 ветряных, 37 водяных, 10 земляных). Позднее число их увеличилось. Только в Большом Янисоле в 1885 году насчитывалось 17 ветряных мельниц ("анему милар" - по-гречески, "джелдермен" - по-татарски). В Карани действовало 6 ветряных мельниц.

Во второй половине XIX века, особенно после отмены крепостного права, в сельском хозяйстве Мариупольского уезда, как и по всей Украине, происходит становление капиталистического способа производства. Реформа 1861 года усилила расслоение среди крестьян. (И до этого, впрочем, еще в результате межевания 1818-1820 гг., когда земли перешли в собственность сельских общин, она была распределена крайне неравномерно между их членами). Так, в 1885 году в Большом Янисоле из 395 хозяйств два были вовсе безземельными, еще 12 оказались без посевных площадей. А в Мангуше 38% всех хозяйств считались бедняцкими. В Бешеве безземельных хозяйств насчитывалось 17, а 64 имели лишь по 1-3 десятины земли. Архиепископ Гавриил писал по этому поводу: "К хлебопашеству и хлебоводству они (греки - И.Д.) не весьма прилежны. Оттого значительные пространства полей и лугов их остаются праздными. Какое различие между хозяйством греков и хозяйством живущих подле них немецких колонистов, к которым и перешла уже часть их земель!"

Огородничеством греки занимались лишь для себя, выращивая для семьи самые необходимые овощи. Довольно долго не занимались греки и ремеслами. Обстановка изменилась существенным образом спустя почти столетие после переселения. Этому способствовали два важных события. Во-первых, это реформа 1861 года, а, во-вторых, разрешение селиться в Мариуполе лицам негреческой

национальности, что произошло двумя годами раньше. (В связи с этим греки подняли вопрос о недопустимости заселять отведенные им земли другими, кроме греков, переселенцами. Но это ничего не дало). Начиная с этого времени, греки устанавливают контакт с немецкими колонистами, перенимают у них более совершенные методы земледелия. Это нашло отражение в том, что многие греки стали отдавать предпочтение озимым хлебам, используя систему севооборота и черных паров. В хозяйствах греков появляются свиньи и птица, до этого не игравшие важной роли в домашнем хозяйстве. С поселением в Мариупольском уезде русских и украинских рабочих греки стали перенимать у них разнообразные ремесленные и строительные навыки. Уже с конца XIX века земледелие было настолько распространенным видом деятельности среди греческого населения, что оно по числу занятых уже конкурировало с животноводством.

Столыпинская реформа 1906 года способствовала заметному расслоению сельского населения. Появляются бедняки, особенно среди овцеводов. В селах все шире начинал использоваться наемный труд, малоземельные и безземельные крестьяне стали наниматься к зажиточным.

Наиболее богатые греки первыми стали использовать в своих хозяйствах железные орудия. И вообще, по мнению В.И. Бабенко, в Екатеринославской губернии впервые в России при обработке земли начали использовать плуг с железным лемехом, борону с железными зубьями. Плуг, как правило, тянули 4 пары волов, борону - одна пара.

Среди прочих занятий греков отметим рыболовство и пчеловодство. В Летописи Екатеринославской учебной Архивной комиссии за 1904 год находим сведения о том, что на морских косах "бывали великие рыбные ловли". Весьма любопытен перечень азовских рыб того времени. Приведем заимствованный из книги священника Гермогена этот длинный перечень полностью. Итак: бычки серые и черные, верховодка,

голавль, камбала, карась, карп, линь, чехонь, кефаль, лещ, окунь, плотва, сазан, сельдь, селява, судак, султанка, сула, тарань, чебак, щука, белуга, севрюга, осетр. (Перечитаем еще раз и еще раз поразимся былому изобилию, а больше тому, что сделалось (сделали) с морем Азовским, еще недавно самым рыбным морем в мире). Ловили рыбу также в реках, прежде всего в Кальмиусе. Однако в начале XX века рыболовство приходит в упадок - верх берут другие занятия: хлебопашество, разведение винограда, садоводство, огородничество. Славилась греки и как искусные шелководы.

В литературных источниках нет сведений о том, занимались ли греки охотой. Но это можно предположить, зная, что в лесах и степях водились медведи, волки, дикие козы, кабаны, зайцы, лисы, барсуки, горностаи. Из птиц особенно много было дроф, стрепетов, куропаток и перепелов.

Степная растительность создавала благоприятные условия для пчеловодства. Вероятно, в первые годы было распространено бортное пчеловодство. Но постепенно, по мере исчезновения лесов, оно уже к концу XVIII века пришло в упадок. (Милораденко - один из героев Данилевского "держал пасеку у грека (разрядка моя - И.Д.)").

Слишком велико было значение степи для первых поселенцев. И, кажется, наступил тот момент, когда о ней надо сказать немного больше. Думаю, что немногие из жителей Донбасса побывали в заповеднике "Хомутовская степь". Здесь сохранился (с каждым годом уменьшающийся) маленький клочок первозданной, девственной степи. Но и этот уникальный уголок Приазовья не дает побывавшему в нем полного представления о степном многообразии в общем-то недавнего прошлого. Восполним частично этот недостаток описанием южноукраинских степей. Лучше классиков литературы сделать это невозможно, потому и обратимся к ним.

"Едешь час - другой... Попадется на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и все то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил, и страстная жажда жизни" (А.П. Чехов, "Степь").

А вот знаменитое описание степи из "Тараса Бульбы": "Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу

вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше". Красивы были степи, если вырвалось у Гоголя: "Черт вас возьми, степи, как вы хороши!"

И словно продолжая гоголевскую мысль, Данилевский пишет о сентябрьской степи (если среди читателей есть экологи, мужайтесь): "В это время поморские новороссийские степи по красоте не имеют себе соперников. Слетаясь с севера, перед отлетом за море, в это время дичь здесь кишмя кишит. Стаями ходят дрофы, гуси темно-серыми отрядами пасутся по пустырям, будто стада овец. Журавли кричат, производя свои воздушные смотры и разводы под облаками, свертываясь в треугольники или развертываясь в длинные, подвижные, необозримые колонны. Иной раз по часу и по два они летят, застилая небо".

А.П. Чехов назвал Приазовье "фантастическим краем". Возможно, кому-то это покажется преувеличением, и он поспешит объяснить это чеховским патриотизмом. Но природа Приазовья на самом деле такова, что, будучи в течение многих столетий свидетельницей знаменательнейших исторических событий, всегда служила основой для рождения чудесных сказок и поэтических вымыслов. Многие здесь уверены, что именно в этих местах - на берегу Азовского моря, издревле именуемых Лукоморьем, родилось бессмертное:

"У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том..."

Мариупольский краевед Л.Д. Яруцкий рассказывает, как ему не раз доводилось слышать от местных жителей, что, проезжая через приазовские степи в южную ссылку, Пушкин остановился в тенистой дубовой роще. В предании говорится, что резкий контраст между бескрайней однообразной степью и неожиданно возникшим на пути лесом и вызвал в Пушкине чувства, из которых выросли знаменитые первые строки "Руслана и Людмилы". (Поэма написана в 1820 году - до ссылки. В первоначальном варианте она не имела любимого всеми вступления. Литературоведы, к нашему сожалению, все же утверждают, что появилось оно под впечатлением от сказок Арины Родионовны!, а не азовского Лукоморья). Легенда же, к счастью, существует, лишняя раз подтверждая правоту Чехова. Да и выросла она не на пустом месте.

О Лукоморье уже сказали. А вот еще: по плану г. Таганрога 1818 года дубовая роща занимала на его территории площадь в 12,5 гектаров (данные Л.Д. Яруцкого). И еще находим в "Географии Российской империи" И. Павловского за 1843 год: "Лесу в этой губернии (Екатеринославской И.Д.) мало. Лучший дубовый лес растет по Самаре и Кальмиусу".

Неисчерпаемая тема. Есть еще также имеющее отношение к Пушкину, на сей раз из "Евгения Онегина", но... Закончим тем, что степи, будучи источником многих несчастий и невзгод, могли и радовать, и кормить, или, другими словами, помогали жить.

Одним из любимых занятий у греков по-прежнему оставалась торговля. Мариупольские купцы вели активную торговую деятельность не только в пределах своего уезда, но и во внутренних частях России. Тесно сотрудничали они с крымскими греками. Из Ялты, например, где строились суда, крымские греки привозили свои товары в Мариуполь, увозя отсюда хлеб.

Много хлеба вывозилось за границу. Вот какое описание Мариуполя конца XIX века находим в книге В. Чалмаева о А.С. Серафимовиче (известном русском писателе, жившем некоторое время в Мариуполе): "Мариуполь - крупнейший порт хлебной торговли. Рядом - угольный порт. Окруженный хлебными амбарами, где денно и ночью ссыпался, перегружался хлеб, он был похож на не закрывающуюся никогда ярмарку. Нестройный гул, гам, пришедшие артели грузчиков на причалах, суесящиеся маклеры - и перетолченная сотнями подвод грязь на улицах. Осенью эта грязь выглядела как в иных хлебных городах, золотой: так плотно она была замешана на зерне".

В 60-х годах Мариуполь уже вошел в число портов с миллионными оборотами. Он встал рядом с такими признанными центрами черноморской торговли, как Таганрог и Ростов. В 1860 году через Мариуполь вывезли товаров на сумму в 3,7 млн. рублей.

Мариупольские купцы часто ездили в Крым - за солью, вином, фруктами. О знаменитых лавках (шинках) в селах Богатырь, Улаклы, Большой Янисоль и Старый Керменчик писал и Данилевский в своём романе. Связи мариупольских греков со своей прежней родиной не ограничивались лишь торговлей. В.Х. Кондараки приводит случай, когда в крымскую деревню Магарац, приехал некий мариупольский грек. В одной из пещер, где, по преданию, во время русско-турецкой войны греки спрятали свои ценные вещи, он пытался отыскать сокровища своего деда, участника переселения.

Уже писалось о ежегодных ярмарках в Мариуполе. На них съезжались жители со всех греческих сел. Приезжали купцы и из других мест России, а также из-за границы. Здесь продавали все: орудия труда, скот, сено, строительные материалы, лес (из Бахмутского уезда привозили сосновый и дубовый лес), шерсть. Цены были доступны всем. Торговали мариупольские купцы и рыбой, которую большей частью привозили из Черноморья. Богатые рыбные обозы приходили в такие дни и с левого берега Кальмиуса - области войска Донского. Казаки привозили красную рыбу, икру, рыбий жир, а также соль и вина.

Если в конце XVIII века в Мариуполе проводилась одна ярмарка в год (1 октября), то сто лет спустя их было уже четыре: 23 апреля (день святого Георгия), 22 июля (день Марии Магдалины), 1 октября (день Покрова Богородицы) и 6 декабря (день святого Николая). Весенняя и осенняя ярмарки были наиболее многолюдными, товаров на них привозилось и продавалось гораздо больше, чем на летней и зимней ярмарках. По торговым делам греки выезжали не только в Мариуполь. Жители некоторых сел имели тесные связи с Юзовкой (ныне г. Донецк). Так, жители села Бугасу хлеб вывозили в Мариуполь, а для продажи в Юзовке выращивали овощи; Похоже, что жители Бугасу были единственными, кто овощеводством занимался в таких масштабах. Ю.В.Иванова сообщает, что они установили тесный контакт с жителями одного из хуторов вблизи Юзовки. Там они покупали рассаду и получали необходимые консультации по выращиванию овощей.

Ярмарки устраивались и в самих греческих селах. В конце XIX - начале XX вв. особой известностью пользовались ярмарки в Карани. Здесь одним из местных состоятельных жителей была организована торговля зерном. Ежегодно в Карани собирались две ярмарки: весенняя и осенняя. Первая проходила на престольный праздник Карани - в день Константина и Елены и продолжалась неделю-полторы.

Имелось несколько причин, способствовавших развитию именно этого греческого села. Карань был центром волости. Сюда собирались ремесленники и сельскохозяйственные рабочие из окрестных сел, чтобы получить сезонную работу. Нанимались обычно к богатым грекам или немцам, основавшим неподалеку несколько своих колоний. Кроме того, в Карани активно торговали евреи, снабжавшие местных жителей разнообразными промышленными товарами. Большую роль в стремительном развитии Карани сыграла и постройка железной дороги к Мариуполу в начале 80-х годов XIX века. Неподалеку от села появилась станция с тем же названием. (Село давно уже переименовано в Гранитное, а станция и по сей день именуется Каранью. Раз уж мы коснулись этой темы, то вот еще: Большая Каракуба сейчас называется Раздольной, но железнодорожная станция города Комсомольское - в 7 километрах от Раздольного, сохранила свое первоначальное название - Каракуба. Консерватизм министерства путей сообщения здесь сыграл явно положительную роль).

Принимали участие греки в ярмарках, проходивших и в негреческих селах. Знаменитыми были ярмарки в украинском селе Алексеевка (три ярмарки в год). Они имели для греков не просто хозяйственно-экономическое значение. Здесь греки, как пишет Ю.В. Иванова, осваивали необходимую для торговых операций лексику русского и украинского языков.

Среди греческих сел были и такие, которые развивались довольно обособленно, связи их с Мариуполем и другими селами носили случайный и непостоянный характер.

Таким образом, постепенно происходило расслоение по темпам социально-экономического развития между селом и городом (прежде всего Мариуполем). В силу этой и ряда других причин некоторые села развивались довольно быстро, в них появлялись элементы предпринимательской деятельности. Ю.В. Иванова приводит пример деятельности зажиточного жителя села Богатырь Федорова С.А., который владел хутором вблизи села, а также землей в Саратовской губернии. В селе Новая Каракуба действовал завод сельскохозяйственных машин, принадлежавший местному жителю Балджи.

Во всех греческих селах появились частные мельницы, сначала ветряные и водяные, а затем и паровые. Сегодня от мельниц уже ничего не осталось, но сохранились названия. На реке Мокрая: Волноваха, например, вблизи села Раздольное ряд урочищ имеют названия типа "Гура ту милар", то есть мельница Гуры (жителя села).

Но все это было занятием мужчин. Гречанки были заняты домашними делами, прежде всего прядением шерсти и изготовлением из шерстяных ниток разнообразных вещей: носков, варежек, фуфаяк. Во многих греческих селах излюбленным делом женщин было ковроткачество. До сегодняшнего дня, к примеру, во многих домах села Раздольного (бывш. Большая Каракуба) ткут прекрасные ковры, сохранив при этом традиции предков даже в характере рисунков, которыми мастерицы украшают свои изделия. Вот что писал еще в начале нынешнего века этнограф В.И.

Бабенко: "Самые знаменитые ковры готовят гречанки в Мариупольском уезде в селении Каракубы. Ткутся гречанками ковры на больших станках различной величины и узоров - преимущественно крупными розами и другими цветами. На обыкновенных же ткацких станках гречанки повсеместно выделывают длинные, узкие, в клеточку ковры в виде дорожек и устилают ими сплошь полы в комнатах".

Не менявшийся долгие годы хозяйственный уклад греков определял и характер застройки их усадеб. "Села греков довольно долго сохраняли характерные черты скотоводческо-земледельческих поселений. Последние были разбросанными, жилые дома в них размещались на обширных усадьбах". Так описывает это Ю.В. Иванова, хорошо знакомая с современным и прошлым укладом греков. Во дворах находились загоны для скота, сараи, конюшни, амбары. В дальней части усадьбы устраивался ток (алон).

Со временем жилище греков менялось, все более приходя в соответствие с природно-климатическими особенностями местности. Изменялась и планировка сел. Вначале, по данным В.И. Наулко, расположение домов носило бессистемный характер (при этом греки, как и украинцы в этих местах, стремились располагать свои дома "по солнцу"). Лишь в конце XIX века застройка греческих сел приобретает относительно упорядоченный вид - дома строились в ряд.

В первые же годы, а некоторые из числа самых бедных, и в течение многих десятилетий после переселения продолжали жить в землянках. Многие из старожилов современных греческих сел хорошо помнят эти строения. Часть из них рылась в земле, но были и наземные землянки. Стены их высотой около двух метров выкладывали из квадратных кусков дерна. Так же сооружалась и наземная часть стен и в углубленных землянках, имевших котлован глубиной 1,5 метра. При этом наземная часть возвышалась всего на 50-60 сантиметров. Эти жилища греков имели прямоугольную форму в плане, длина их составляла около десяти метров. Крыша, как правило, делалась двускатной. Помимо землянок, в течение довольно продолжительного времени греки возводили и различные каркасные постройки с плетневым заполнением каркаса. Широкое распространение с XIX века приняло строительство домов из самана - самодельного кирпича из глины и соломы. Производство его было, пожалуй, самым распространенным, поскольку не требовало сложной технологии. На берегу реки выкапывали яму диаметром около 10-15 метров, заполняли ее глиной. Глину размачивали водой и обильно перемешивали с соломой, пуская по кругу пару волов. Затем с помощью специальных форм готовили саман - кирпич размером обычно 15 x 15 x 30 сантиметров. После просушки на воздухе он превращался в прекрасный стеновой материал. Традиция изготовления самана сохранилась во многих селах и сегодня. Старожилы греческих сел рассказывают, что саманную кладку производили, как правило, приезжие мастера - из центральных губерний России. Они же, по мнению О.Р. Будиной, выполняли практически все строительные работы в греческих селах. Плотницкими работами занимались украинцы из соседних сел.

В последней четверти XIX века в греческих селах начали использовать для строительства стен обожженный кирпич. В это время в Мариуполе и многих греческих селах появляется много кустарных мастерских по производству кирпича и черепицы.

Там, где имелся строевой лес, некоторые возводили дома-срубы. Но в основном деревянные дома в Приазовье были редкостью. Такое строительство получило распространение преимущественно в северо-западной группе греческих сел: Старом Керменчике, Большом Янисоле, Богатыре, Комаре, Константинополе. Здесь еще в середине XIX века произрастали хорошие дубовые леса. О.Р. Будина приводит факт, когда еще в середине 70-х годов нынешнего века в селе Старомлиновка (бывш. Старый Керменчик) на усадьбе жителя этого села Сызмаса сохранились остатки деревянного дома.

Камень в качестве строительного материала широко использовался там, где поблизости имелись удобные для разработки залежи (Старая Ласпа, Большая Каракуба, Стыла, Карань, Бешев, Игнатьевкаидр.). В каменоломнях вблизи этих сел камень дробили и сортировали по размерам и форме. В разных каменоломнях добывали камень разного цвета. До сих пор в селе Раздольном, например, в одной части села заборы выложены преимущественно белым известняком, в другой - серым, в третьей - бурым песчаником. Из каменоломен камень вывозили на подводах (максах). Кроме заборов, из камня возводили дома, амбары, сараи для скота. Из камня выдалбливали корыта (в них наливали воду для домашней птицы), катки для обмолота зерна, жернова для мельниц. Из камня изготавливали плиты для крыльца и стойки для ворот. Хорошо поддающийся обработке песчаник и известняк были оценены жившими в этих местах племенами задолго до запорожцев и греков. В память о них остались в приазовских степях многочисленные памятники - выдолбленные,

вытесанные из породы "каменные бабы". Сегодня их можно увидеть перед краеведческими музеями в Донецке, Мариуполе, перед зданием народного музея в селе Старомлиновка.

Изготавливали из камня памятники и греки, а в некоторых селах и кресты на могилах также сделаны из камня. В ряде мест, отмечает Бабенко, камень использовали даже для покрытия домов. Дома и другие каменные постройки строились без цемента, но потом обмазывались глиной. Покрывались дома соломой или камышом, который в изобилии рос по берегам рек Мокрая Волноваха, Волчья, Мокрые Ялы.

На рубеже XIX и XX столетий наиболее богатые греки в качестве кровельного материала стали использовать керамическую черепицу - "татарку", - известную еще с крымских времен. Ее можно увидеть на крышах многих домов в Мариуполе, во всех греческих селах Донецкой области, а также в Крыму, Турции, Болгарии, Греции.

Типичный греческий дом обычно имел следующие размеры: 4-6 саженей в длину и около трех саженей в ширину. Характерной особенностью многих домов были деревянные крылечки, поддерживаемые четырьмя столбами.

Культура, быт и обычаи мариупольских греков

Любой исследователь, знакомясь с культурно-бытовыми особенностями греческих сел: обычаями, традициями, фольклором, обрядами греков, убеждается, что и в первые, и в последующие годы духовная жизнь греков была тесно связана с Крымом. Несмотря на изменившуюся природную и социальную среду, греки и на новом месте сохранили многие свои национально-культурные особенности. Язык, музыка, одежда, обычаи и обряды, пища - все это несло на себе отпечаток далекой и близкой крымской истории. Нередко во всем виднелись и более глубокие исторические корни, уходящие в средневековую Византию и в ту легендарную эпоху, которая вошла в историю цивилизации как эпоха Древней Греции.

И на новом месте национально-культурными центрами греков оставались церкви. Именно сюда приходили люди в дни праздников, рождения детей, здесь совершались обряды крещения новорожденных, венчания и панихиды по умершим. К церкви обращались за помощью во время стихийных бедствий и по случаю неурожая. Почти все праздники у греков так или иначе были связаны с религиозным календарем.

Все церкви в греческих селах через некоторое время после возведения первых церквушек были отстроены заново. Во многих из них греки выставили иконы, привезенные из Крыма. Среди них встречались и весьма древние и, как писал В.И. Григорович, "высокого достоинства", которые могли "принадлежать к первостепенным памятникам византийского искусства". Выражая сожаление, что многие из старых икон подновлены, он, между тем, пришел к выводу, что, "судя по остаткам византийского искусства. Мариупольский округ можно почесть еще пропиеями древней христианской культуры в Тавриде".

Богослужение во всех церквях в грекоязычных селах велось только на греческом языке. Даже в татароязычных селах нередкими бывали случаи, когда к священникам обращались крестьяне с просьбой прочитав им евангелие по-гречески. Не понимая ни слова, они говорили потом, что "тон им приятен", пишет Ф. Браун. После молитвы все они проявляли большое усердие в работе.

На греческом языке по-прежнему говорили лишь в половине всех сел, зато татарский знали почти все. Со временем, однако, в грекоязычных селах татарский язык потерял свое значение и поколения греков, родившихся уже в России, его не знали. На протяжении XIX века языком межнационального общения, а также общения между жителями грекоязычных и татароязычных греческих сел становится русский язык. Это было вполне естественно, и этот процесс надо рассматривать как следствие постоянно расширявшихся культурных, экономических и других связей между греками и русскими, а также результатом введения воинской повинности для греков. В ряде мест с конца XIX века богослужение уже велось на русском языке. В селах, где говорили на татарском, молодежь даже между собой разговаривала по-русски. Посетив греческие села в начале XX века, Ф. Браун пришел к выводу, что обрусение идет очень быстро, и через два-три поколения русский язык будет господствующим в греческих селах. Русским языком владели преимущественно мужчины. Гораздо больший консерватизм в этом отношении проявили женщины. (Даже в наши дни весьма заметна разница во владении русским языком между мужчинами и женщинами, а иногда

можно встретить женщин преклонного возраста, русского языка которые практически не знают). Такое положение складывалось исторически. С конца 60-х годов XIX века, когда русский язык все больше входил в быт греков и его преподавали почти во всех школах, изучало его преимущественно мужское население. Девочек в школах было немного, да и обучались они лишь по 2-3 года.

Влияние русского, а также украинского языков проявилось во всех сферах духовной жизни греков и в быту. Русское или украинское звучание приобретали даже многие фамилии. Так, фамилии Чентухов, например, есть русифицированное татарское слово "чентух" (петух), а Трандафиллов - греческое слово, обозначающее "роза". Русифицированными являются также распространенные среди греков такие фамилии, как: Цевриев, Темиров (есть и Темир), Костоманов, Акритов, Ангелин и др, Украинизированными - Дьяконенко, Темиренко, Лефтеренко. Немало фамилий, особенно среди греческого духовного сословия, были и чисто русскими: Савельев, Юрьев, Федоров, Михайлов, Иванов. Особенно популярной среди прочих была и остается сегодня фамилия Попов. О возможных причинах ее широкого распространения уже говорилось. (И среди потомков армян-переселенцев, проживающих сегодня в Ростовской области, фамилия Попов очень распространена. Многие жители этих сел носят и фамилию Поповян. Весьма любопытен в этой связи и другой факт. Среди фамилий нынешних греков и армян - потомков крымских переселенцев - есть и много других одинаковых фамилий: Балабанов, Чубаров, Хримлиев (Хримли), Сагиров (Сагир) и пр. Все это свидетельствует об одинаково сильном влиянии татарской культуры и языка на все христианское население Крыма).

Многие исследователи языка мариупольских греков отмечают, что он имеет много общего с новогреческим языком и близок к северо-греческим диалектам современной Греции. Главное отличие состоит в том, что мариупольские говоры имеют порой значительные включения татарских слов, а также русизмов и украинизмов. И все же румейский язык, по мнению составителя первого в стране словаря румейского языка Р.С. Харабадот, не имеет аналогов в современной Греции.

Т.Н. Чернышева оценивает татарские заимствования в количестве 30 %. Тем не менее, несмотря на длительную изоляцию от основного массива греческого языка, румейский язык сохранил главные элементы грамматического строя и словарного состава греческого языка.

В 1934 году М.В. Сергиевский по совокупности лексических особенностей классифицировал этот язык как особый диалект греческого языка. Сами мариупольские греки называют его румейским языком (от слова "ромейос" - римлянин, то есть подданный Римской (Византийской) империи. За давностью лет этот буквальный смысл утрачен, и сегодня слово "ромейос" понимается просто как "грек" - и среди мариупольских греков, и в самой Греции). Специалисты-языковеды сходятся во мнении, что создавался этот диалект на базе северо-греческих говоров. Впоследствии, в Крыму он испытал сильнейшее влияние татарского языка, что придает ему совершенно необычный своеобразный колорит. Эти же особенности румейского языка подметил и В.И. Григорович, за 60 лет до М.В. Сергиевского изучавший язык мариупольских греков. Посетив в 1874 году несколько греческих сел Мариупольского округа, Б.И. Григорович в своей "Записке антиквара" писал что в языке мариупольских греков сохранились остатки древнегреческого языка. Это, кстати, подчеркивали и другие исследователи, указывая, что в таких селах, как Сартана, Чермалык, Малый Янисоль, сохранились остатки языка Гомера и Фукидида.

Как одну из отличительных особенностей румейского языка Григорович назвал замену перед звуками "и" и "е" звуков "х", "с" и "к" соответственно на "ш", "щ", "ч". Вот примеры типичных слов, показывающие эти изменения.

Румейский язык	Русский перевод	Новогреческий язык
Шон (шиони)	снег	хиони
Пши	душа	психи
врош (вруши)	дождь	врохи
щли (щили)	собака	схили
машер	нож	махери
шероме	радуюсь	херомэ

В конце пятидесятых годов нынешнего столетия несколько экспедиций по греческим селам для ознакомления с состоянием греческого языка совершила Т.Н. Чернышева. (Татьяна Николаевна в совершенстве овладела румейским языком, ей принадлежат прекрасные литературные переводы греческих народных песен на русский язык). Т.Н. Чернышева подметила такую интересную деталь в языке мариупольских греков: заимствования из украинского языка характерны прежде всего для

бытовой сферы греков, а из русского - для общественной жизни. Она же пришла к выводу, что румейский язык следует рассматривать как диалект (она именует его новоазовским) современного греческого языка. Диалект этот подразделяется на несколько говоров. Выделенные Т.Н. Чернышевой говоры практически совпадают с теми, которые называли предыдущие исследования (Спиридонов, Соколов, Сергиевский). Т.Н. Чернышева так сгруппировала по говорам грекоязычные села:

1. Ялта, Урзуф.
2. Стыла, Константинополь, Большой Янисоль.
3. Большая Каракуба, Новая Каракуба, Бугасу.
4. Сартана, Чермалык.
5. Малый Янисоль, Новый Янисоль, Чердаклы.

Грекоязычное село Анадол, не попавшее в этот список, основанное позднее, можно отнести к селам пятой группы.

Соглашаясь в целом с приведенной классификацией, автор считает, что жители села Константинополь стоят ближе к грекам третьей группы сел, нежели второй.

Несколько иной взгляд на проблему румейского языка имеет профессор А.А. Белецкий. Он полагает, что современный язык мариупольских греков следует рассматривать как самостоятельный язык, существующий наряду с тем, на котором говорят в Греции. По мнению А.А. Белецкого, с языковедческой точки зрения нет разницы между языком и диалектом, и каждый территориальный диалект правильно рассматривать как отдельный язык.

Среди выделенных групп наиболее близко к димотике - современному языку Греции - стоит первая. Ялтинско-Урзуфский говор отличается значительно меньшими заимствованиями из татарского по сравнению с другими говорами. Однако наиболее типичным и представительным в литературе мариупольских греков является язык двух последних групп.

Обширные заимствования из других языков и утрата "первозданности" произошли, разумеется, не сразу. Довольно долго греческое население в России проявляло завидную этническую стойкость. Автор "Этнографического очерка Екатеринославской губернии" В.А. Бабенко еще в 1905 году писал, что у греков при различного рода празднествах "сохранилось больше обрядностей" по сравнению с другими нациями. Действительно, различные обычаи, традиции и обряды сопровождали греков на протяжении всего их жизненного пути - от рождения и до смерти. Эта отличительная черта была заметна в греческих селах буквально до последнего времени. Лишь в последние годы замечается утрата, например, такой старой греческой традиции, как чествование, причем с особой торжественностью, храмового праздника - панаира¹. Это один из основных греческих праздников, не уступавший по значимости Пасхе и Рождеству. Панаир - это общественный обед по случаю престольного праздника (иногда их было два, как, например, в Большой Каракубе. Первый - на Илью, 2 августа, второй - на Дмитрия, 7 ноября). Обед обставлялся различными ритуалами и молитвами.

Главную заботу по устройству панаира брал на себя кто-то из состоятельных жителей села (ватаирджи). На панаире объявляли имя того, кто берется за организацию этого торжества на будущий год. Иногда выстраивалась очередь на несколько лет вперед. "Взять" панаир считалось очень почетной обязанностью, учредители панаира пользовались большим уважением односельчан. Некоторые из числа самых зажиточных брали на себя эти хлопоты по несколько раз. Священник, обязательно присутствовавший на церемонии передачи права провести панаир, давал будущему распорядителю пять кусочков хлеба (пендарт).

Обычно за день до праздника в доме, где намечалось торжество, собирались женщины из соседних домов и родственники хозяйки, чтобы помочь ей приготовить обед к празднику. Работы у них было чрезвычайно много - ведь завтра предстояло накормить всех желающих - почти все село, а также гостей из других сел. Столы накрывались прямо во дворе, под открытым небом (панаир всегда проходил в теплое время года). Начинался панаир с "наю", которое в свою очередь, открывалось молитвой. Для этого приглашали священника, а в те села, где церкви были закрыты (уже в советское время), священников приглашали из ближайших церквей. После молитвы и некоторых ритуалов приступали к обеду. На столы подавались не только блюда, приготовленные хозяйкой и ее помощницами, но и принесенные гостями. Многие жертвовали к этому дню животных - овец, коз. Хозяин обычно резал бычка, которого растил специально для этого дня. Жертвоприношения имели свое предназначение: они совершались в целях избавления от несчастий в будущем. Помимо

¹ Название "панаир" предположительно возникло из древнегреческого "собираю". Но, возможно, от "Панаи́я" - Божья Матерь. Иван Джуха. «Одиссея мариупольских греков: очерки истории». Вологда 1993.

различных блюд, на столы в этот день непременно подавали бузу - слабохмельной напиток, приготовляемый только к панаиру из просяной и кукурузной муки. В каждом селе были свои мастерицы по приготовлению бузы. После обеда обычно гуляли. Делали это с музыкой, песнями, танцами. Завершался престольный праздник греческой национальной борьбой, которую во всех селах именовали татарским словом "курэш", а также скачками на лошадях - хучи. (В XIX веке в ряде греческих сел существовали мужские и женские панаиры. Женский состоял только из богослужения и угощения).

Курэш - самый почитаемый и по сей день греками обычай. Он и сегодня проводится в большинстве греческих сел Донецкой области (без предварительного общественного обеда). Как и в наши дни, соревнование борцов устраивалось либо на площади в самом селе, либо недалеко за селом. В этом месте веревками оцеплялся большой круг, в котором и состязались силачи. Весовая категория при этом в расчет не принималась, а правила были схожи с правилами современной вольной борьбы. Одолевший троих (для этого необходимо было положить соперника на лопатки) получал главный приз (хурбан) - живую овцу. Овец было обычно три, иногда устанавливались и денежные призы. За пределами круга размещались болельщики, темпераментно реагирующие на любой прием борцов или решение судьи. Стоит ли говорить, что каждый мужчина считал себя крупным специалистом по борьбе, и часто, выражая свое несогласие с действиями судьи, толпы болельщиков выбегали в круг, где криками, а то и кулаками, пытались навести порядок. Поостыв, они возвращались на свои места, а борьба продолжалась.

На борьбу собиралось все село, здесь были и дети, и женщины - основная роль некоторых из них сводилась к тому, чтобы удержать своих мужей от выхода в борцовский круг для "наведения порядка" или для участия в соревнованиях. На курэш приезжали зрители и борцы из других греческих сел и Мариуполя. Кроме чисто спортивного значения в жизни села и его жителей, курэш имел и другое важное значение. Здесь молодые парни (паликары) и девушки приглядывались друг к другу, знакомились. Этой стороне праздника многие уделяли первостепенное значение, ведь случаев познакомиться с кем-то было не так уж много в селе.

До сих пор во многих греческих селах Донецкой области организация курэша осталась такой, какой она была и сто, и двести лет назад. Самые уважаемые жители из числа старожилов-мужчин обходят сельские дворы, собирая деньги на покупку овец и призов. Прежде из этих денег покупали и продукты для общественного обеда (дефицит покрывался за счет организатора панаира).

Вполне естественно, что о любимом обычае в каждом греческом селе существует множество рассказов и легенд. И сейчас можно услышать, что победа на курэше приносила уважение и честь не только победителю, но и всему роду. В этих рассказах повествуется о самых знаменитых силачах. В селе Стыла помнят Н. Хуллу (впоследствии прославился и его сын, побеждавший во многих селах), в Большой Каракубе - И. Цыкуру, который, по рассказам его внуков и правнуков, боролся даже с медведем из цирка.

Массовость национальной борьбы, пусть и не рассматривавшейся греками как спорт, проявилась в том, что наиболее известные спортсмены среди мариупольских греков сегодня - это борцы. Среди них немало мастеров спорта, победителей соревнований разных рангов. Самым титулованным среди них является чемпион Олимпийских игр, мира, Европы и Советского Союза - Илья Мате, уроженец села Староигнатьевки. Свой путь к вершинам спортивного мастерства И. Мате начинал именно с курэша.

Весьма интересными и захватывающими были и скачки на лошадях. Проходили они либо по большому кругу (в Мариуполе состязались по трехкилометровому кругу), либо по заранее намеченному маршруту. Победитель в хучи получал голову и шкуру быка. В скачках на лошадях тоже были свои непревзойденные мастера. До сих пор в селе Чермалык помнят Ивана Спруцку, который, по словам местных жителей, за свою жизнь не проиграл ни одной скачки. В Большой Каракубе бытует рассказ, больше похожий на легенду, о жителе села Лефтеренко. Он имел такого великолепного скакуна, что позволял себе на скачках в Мариуполе стартовать, когда остальные участники проходили первый круг. Несмотря на это, утверждает легенда, он все равно приходил к финишу первым. Он тоже никогда не проигрывал, из чего автор делает вывод, что чермалыкский и каракубский наездники никогда не встречались в очных соревнованиях.

Уже говорилось, что духовная жизнь греков в первые годы на новом месте ничем не отличалась от крымской. Но многие историки и краеведы замечают, что в культуре греков сохранились и остатки культуры Древней Греции. Сегодняшние исследователи отмечают самобытность музыкального фольклора мариупольских греков. А. А. Ашла, составитель двух

пластинок с песнями греков Приазовья, указывает, что песни греков несут "отпечаток их необычной и трудной судьбы: миграции из древней родины и вековые контакты с самыми различными народами - татарами, турками, русскими, украинцами". На самом деле, большинство лирических песен у греков всегда были грустные, жалобные. "Даже песни, поющиеся в мажорном духе, например, плясовые, носят элегический отпечаток. Чувствуется какая-то придавленность духа и в то же время - тихая покорность судьбе" ("Мариуполь и его окрестности"). Наиболее распространены были песни плясовые, любовные и семейные. В музыкальном отношении песни греков, по мнению многих, представляли больший интерес, чем в поэтическом. Возможно, потому нередко греки предпочитали песне просто музыку. Долгие годы любимой была песня о Кьороглу (Гер-оглу) - сыне слепца и его подвигах. Песню эту любили все греки: и те, кто говорил на греческом языке, и те, кто родным считал татарский язык. (Кьороглу - один из самых любимых героев татарских сказок XVII века. Кьороглу - это поэт и искусный наездник, совершавший свои подвиги на быстром и неутомимом коне. Сказку эту татары рассказывали прозой, а отдельные, наиболее патетические моменты, исполняли как песню). Повсеместно исполнялась также популярная песня "Вай, курцыц, курцыц", и песня, посвященная выходу греков из Крыма. Песню "Вай, курцыц, курцыц" ("Ой, доченька-дочка") поют повсеместно и сегодня, как в грекоязычных, так и в татароязычных селах. Слова при этом несколько отличаются, но мелодия всюду одинаковая. Приведем песню в том варианте, в каком она была записана в 1963 году в селе Большая Каракуба Р.С. Харабадот (исполнительница - жительница села А.В. Мокринская).

Вай, курцыц, курцыц, спруцку дирданыц ²,
Сэна иревсын папас, го на дьугу сын!
Вай, татам, татыцам, го тона та пэру:
Тос эш хартыя, вал мин дьавазу!

Вай, курцыц, курцыц, спруцку дирданыц,
Сэна иревсын тутянджис, го на дьугу сын!
Вай, татам, татыцам, го тона ти пэру:
Тош эш капитя пула, вал мин на метру!

Вай, курцыц, курцыц, спруцку дирданыц,
Сэна иревсан 'чубаныс, го на дьугу сын!
Вай, татам, татыцам, го тона ти пэру:
Тос эш мавру яха, вал мин на плину ту!

Вай, курцыц, курцыц, спруцку дирданыц,
Сэна иревсын митьыгмэнус, го ти дьугу сын!
Вай, татам, татыцам, го тона на пэру:
Тос эн лында мэра митьыгмэнус,
ту врадъы ангалыгмэнус!

Вот русский перевод этой песни:

Ой, доченька-дочка, белая борода,
Тебя просит священник, я тебя отдам!
Ой, папочка-папа, я его не возьму:
У него книги, заставит меня читать!

Ой, доченька-дочка, белая борода,
Тебя просит лавочник, я тебя отдам!
Ой, папочка-папа, я его не возьму:
У него много денег, заставит меня их считать!

Ой доченька-дочка, белая борода,

² Дирданыц - подбородочек.

Тебя просит чабан, я тебя отдам!
Ой, папочка-папа, я его не возьму:
У него черный ворот, заставит меня стирать!

Ой, доченька-дочка, белая борода,
Тебя просит пьянчужка, я тебя не отдам!
Ой, папочка-папа, я возьму его:
Целый день он пьян, вечером - в обнимку!

(Сочетание "дъ" соответствует английскому th в слове they, а "ть" - th в слове thin. "Гк" передает русское звонкое "г").

В.И. Григорович писал, что даже через сто лет после переселения греков они исполняли известную еще со времен Крыма песню о взятии турками Константинополя "Пиран тын полин, пиран". Вот начало этой песни, приводимое В.И. Григоровичем:

Симера мавро урано,
Симера маври мера,
Симера пули флегуне
Кэ та вуна липунэ.

Сегодня черное небо,
Сегодня черный день,
Сегодня многие бегут
И горы печалются.

В 1969 году Р.С. Харабадот в селе Красная Поляна (бывш. Новая Каракуба) записала песню о падении Севастополя (?) в исполнении 78-летнего жителя села А.Н. Султанби. Похоже, что записанное Р.С. Харабадот, представляет собой продолжение (или начало) текста В.И. Григоровича. Песня А.Н. Султанби посвящена Севастополю, но, без сомнения, речь в ней идет о столице Византии. Название другого города, более близкого территориально (да и по звучанию), для мариупольских греков, является, вероятно, примером исторического (и географического) "испорченного телефона".

Вот эта песня.

Румэку патышахыс итун лон мэгас
С канына тос дье фувундун.
Эмбин мит д'алгу писын гкился
Тендсын сунгку-т лутрия.
Тыгос махул т'екамин-дун
Пос экамин тос мэга кырма.
Румека ты пидьяа харашан та булатя тун
Жангкозан та спитэя-тун:
- Ос, пос мис, палыкарья,
На имас мис ти на зум?
Тыгос орсын турку тун полк
На эн ти на хирлэв мае.
Ти на пер ту Константинополь!

Приведем и русский текст (перевод Т.Н. Чернышевой).

Румейский царь был самый главный,
Он никого не признавал.
Он на коне ворвался в церковь
Он на колье причастье брал.
Презрел он клятвы и обеты.
Закон и веру преступил.

Господь разгневался за это
И грех великий не простил.
Ромеев полегло без счета
Под саблей вражеской кривой.
И не годятся больше в бой.
- Что ж, братья-палыкары,
До коих будем пор
Мы гибнуть здесь от турок?
Господь послал нам мор! И вот
он час смертельный, Расплаты час настал!
Нет армии ромеев, Константинополь пал!

Об этом трагическом событии в своей истории греки сложили не одну песню. Вот еще одна - она исполнялась в Греции.

Рыбы Константинополя

В Константинополе монах на кухне жарил рыбу. Вдруг тихий голос прозвучал, с небес летевший голос: "Беги монах, беги скорей, сейчас ворвутся турки!" "Воистину, когда взлетят, как птица, эти рыбы, Тогда лишь в город наш святой ворвутся злые турки". И рыбы ожили и вмиг взлетели, словно птицы, И в город ворвался эмир, и пал Константинополь.

На музыкальном творчестве греков сказывались и их занятия и, прежде всего овцеводство. О чабанах слагались песни, распространены были различные чабанские наигрыши.

Традиционными музыкальными инструментами у греков были тулуп-зурна, гимича, лавута, зурна, а также ударные - дайре и даул. Тулуп-зурна, похожая на русскую волынку, изготавливалась из козлиной кожи и имела три дудки. Одна служила для надувания инструмента, вторая была басовой, третья имела лады для игры. Гимича представляла собой обычную небольшую скрипку, а зурна - маленький кларнет, изготавливаемый из орехового дерева и издававший тонкий писклявый звук. Лавута" представляла собой греческий вариант продольной флейты. Дайре и даул - барабаны. Дайре, или бубен, обтягивали кожей и увешивали различными колокольчиками. Даул - большой барабан, изготавливался из дерева, с двух сторон обтягивался кожей. При игре на нем использовали две палочки: одной били в даул сверху, другой -снизу. Мариупольский греческий голова Аким Анторинев расценивал звук, издававшийся этим барабаном, как громкий, дикий и страшный. Часто греческие оркестры включали и турецкую семиструнную балалайку с длинной ручкой. Многое здесь, без сомнения, татарское. Приведем для сравнения описание оркестра крымских татар из работы Ф. Хартахая "Историческая судьба крымских татар". "Татарская музыка состояла из оглушающего барабана (дасул), бубна (дарие) и пронзительной зурны (род кларнета); их было несколько видов... Эта музыка существует и теперь, с прибавлением скрипки (кимане)". (Работа Ф. Хартахая опубликована в 1867 году).

Постепенно в обиход греков проникли и русские песни. Уже в начале XX века некоторые исследователи быта и фольклора греков приходят к выводу, что национальные песни среди греков начинают забываться и, как писал В.А. Бабенко, заменяются городскими или фабричными песнями. (Особенно быстро этот процесс пошел со второй половины 30-х годов нынешнего века, когда были закрыты греческие школы, национальный театр, газета и т.д.).

Распространенным у греков, также как и у других народов, было пение накануне Рождества поздравительных стихов³. В канун этого праздника обычно пели: "Христос родился, радость миру и радость великая". Под Новый год исполняли песню, в которой прославлялся святой Василий - покровитель учения и науки. С. Серафимов приводит вступление этого нехитрого приветствия: "Начало месяца и начало года, святой Василий идет и несет с собой бумагу и весь прибор для писания". Для сравнения приведем одну из колядок, которую молодые парни и девушки пели в Греции еще в XIX веке:

³ Новогодние песни у греков назывались "каланда" (слово однокоренное со словом календарь", так же как русское "коляда").
Иван Джуха. «Одиссея мариупольских греков: очерки истории». Вологда 1993.

Грядет святой Василий к нам, грядет из Кессарии,
На нем из меди башмаки и ряса из железа,
В руках несет бумагу он, бумагу и чернила.
"Откуда и куда идешь, скажи, святой Василий?"
"Я из дому сейчас иду и в школу направляюсь".
"А, если в школу ты идешь, нам азбуку скажи-ка!"
Оперся он на посох свой и азбуку сказал нам.
Его засохший посох вдруг пустил побег зеленый,
И на зеленой веточке запела куропатка.

(Кессария - место рождения святого Василия. Куропатка - символ заботливости и верности домашнему очагу).

Обычно распеванием каланд занимались дети, но нередко и взрослые ходили по домам с теми же приветствиями. Войдя в дом, они обращались к хозяевам со словами: "Радости и блага всякого желаем!" При этом в Сартане, например, перед поздравлением пришедшие ставили на стол хозяину модель плуга, что заключало в себе пожелание изобилия дому в наступающем году.

В предновогодний вечер обязательным во многих селах было посещение крестных родителей, которые очень высоко почитались у греков. (Крестные родители у греков считались очень близкими родственниками. Брак между членами этих двух семей запрещался традицией до пятого-шестого поколения, сообщает О.Н. Ксенофонтова-Петренко.) Крестники в этот вечер приносили с собой еду и угощали ужином калоту (крестного отца) и нуну (крестную мать). В селе Большая Каракуба в качестве угощения приносили шумуш - пирог с протертой тыквой и мясом. В свою очередь, крестный отец дарил крестникам деньги, а нуна - конфеты и другие сладости. В других селах крестники приносили сладкий пирог - Басило-пита, в тесто которого прятали монету. Такой же пирог приносили в этот день и в церковь.

Вообще надо заметить, что угощения, общие трапезы были весьма популярны у греков. К перечисленным примерам можно добавить еще и такой. Во многих греческих селах принято было навещать роженицу. При этом с собой приносили обед, которым угощали все семейство.

Другой обычай, связанный с угощением: хозяйка, испекшая хлеб, посылала свежее испеченный хлеб соседям и близким родственникам в знак уважения к ним.

Богатым и разнообразным было танцевальное искусство греков. Наиболее популярные танцы исполняются и сегодня (преимущественно пожилыми людьми, а также фольклорными ансамблями). Самыми старыми и известными танцами являются хашлама иагырова (агырова). Хашлама - это плавный танец, исполнявшийся с поднятием рук. Агырова - быстрый танец, танцуют его, собравшись в круг. Танцевать в греческих селах любили все: и мужчины, и женщины.

С христианским календарем и различными верованиями были связаны и многие другие обычаи. Так, 6 августа жители почти всех сел направлялись в село Богатырь, в церковь Преображения. Там хранился чудотворный крест, который помогал, как считали паломники, излечиться от многих болезней. 15 августа тысячи греков отправлялись в Мариуполь, чтобы помолиться своей святыне - иконе Богородицы. Многие, несмотря на престарелый возраст, совершали этот путь пешком. Запомнился рассказ жительницы Большой Каракубы о своей соседке.

Было это в двадцатых годах нынешнего столетия. За несколько дней до праздника толпа паломников из села направилась в Мариуполь. Женщина, о которой идет речь, также ежегодно совершала это неблизкое путешествие, но на этот раз еще задолго до торжественного дня у нее сильно разболелись ноги. Несколько недель она не поднималась с постели. За два дня до праздника во сне ей явилась святая дева Мария. Дева Мария спросила больную: "Что же ты лежишь? Встань и иди!" Наутро больная поделилась увиденным во сне с родными. Те ей ответили: "Раз уж Дева Мария велела тебе идти, то надо идти". Женщина встала с постели и, как ни в чем не бывало, направилась в Мариуполь, не чувствуя боли.

Среди греков было немало и таких, кто совершал паломничество (аджилих) в Иерусалим. К этому путешествию готовились не один год. Уходящих в дальний путь провожали с особой торжественностью. Перед дорогой совершался молебен, после него священники и родственники провожали паломников далеко за село. Путешествие в Иерусалим длилось несколько месяцев.

Значительную часть пути некоторые паломники преодолевали пешком. Иных, впрочем, самое сильное испытание ожидало в самом Иерусалиме. Там, как рассказывали автору в селе Большая Каракуба, прибывшие покупали свечи, обладавшие, якобы, одним удивительным свойством: в некий момент они сами зажигались. Чудо это происходило, однако, лишь в руках честных перед богом и людьми паломников. Конфуз случился с одним из паломников, прибывшим в Иерусалим вместе с женой. У нее свеча зажглась, а у него - нет! Вот и получилось, что зря ходил за тридевять земель: заветного имени Аджи (поклонник, по-турецки) он так и не получил. Причину такой фатальной неудачи люди верующие объясняли просто: был грешен. Впрочем, если опять судить по рассказам, случалось подобное крайне редко и подобные исключения лишь подтверждали правило, что за такое ответственное мероприятие, как паломничество в Иерусалим, брались только честные люди.

Из Иерусалима паломники привозили разнообразные сувениры: браслеты, бусы, открытки, крестики. Все это они дарили своим близким и родственникам. Те передавали их из поколения в поколение вместе с почетным именем Аджи. До сих пор, например, в селе Большая Каракуба среди прочих "уличных" фамилий (то есть неофициальных, но известных иногда лучше даже "законной" фамилии) встречаются и Аджи, хотя ее носители и даже их родители никогда в Иерусалиме не бывали. Окончание "аджи" имеют и многие фамилии у греков: Дулумбаджи, Пачаджи, Зурбаджи, Халаджи. По свидетельству епископа Гермогена, приставку "аджи" прибавляли к своим фамилиям и болгары, поселившиеся в Мариупольском уезде, и также, как и греки, совершавшие паломничество в Палестину. (Сегодня в армянском селе Чалтырь Ростовской области особенно распространенной фамилией среди его жителей является фамилия Хатламаджиян).

Побывавшие в Иерусалиме пользовались огромным уважением и авторитетом среди своих земляков. Е.Ф. Хримли из села Старая Ласпа рассказывала, что ее бабушка дважды была в Иерусалиме. В первый раз она провела там полгода. Когда она вернулась домой, то в сельской церкви ей выделили особое место. Ей также было предоставлено право к праздничным дням печь просфоры.

Из прочих популярных обычаев у греков отметим обычай разжигать ночные костры (гаргаратэндя). Делали это несколько раз в году по знаменательным религиозным датам (например, на крещение). Молодые и старые прыгали через огонь, прогоняя тем самым, как считали, духов от своих домов. Епископ Гермоген в своем описании Таврической епархии упоминает этот обычай у русских жителей Мариупольского уезда.

В самые первые годы жизни греков в России ни в Мариуполе, ни тем более в греческих селах, не было ни школ, ни училищ. Несмотря на это, греки не утратили любви к знаниям. Они стремились получить хотя самое начальное образование, памятуя, видимо, изречение своих древних предков, что человек, который не умеет читать и плавать, ничего не умеет. С плаванием, кажется, все обстояло нормально, а вот с образованием не все ладилось. Да и местные греческие власти не всегда поддерживали это стремление своих земляков. Митрополит Игнатий хотел открыть училище при своем доме, но почему-то его желание так и не исполнилось. Грамоте тем не менее греки обучались - делали это в основном в духовных семьях.

А первое приходское училище для греков в Мариуполе открылось лишь через сорок лет после переселения - в 1820 году. Решение о его учреждении было принято Мариупольским греческим обществом еще в 1817 году. В течение 1817 - 1820 гг. оно собрало 12-тысяч рублей для строительства училища. При открытии училища совершались пожертвования жителями греческих сел. Федор Шамжинов из Малого Янисоля пожертвовал сто рублей, житель села Чердаклы Христофор Хартахай - пятьдесят. Сто рублей внес Мариупольский городской голова Аким Золотарев.

Хотя содержание училища Мариупольское греческое общество взяло на себя, и в последующие годы финансовая поддержка училища жителями греческих сел была постоянной и довольно существенной. В такие моменты обращались за помощью к Дирекции Таганрогских училищ, в ведении которой находилось и Мариупольское приходское училище. В ситуации особенно тяжелой в финансовом отношении Мариупольская городская дума для поддержки училища отдала на три года в аренду небольшой остров в устье Кальмиуса (не тот ли самый, который образовался, когда легендарная Домаха прорыла второе русло для Кальмиуса?). Таким образом дума заработала шестьсот рублей.

В первый год училище имело лишь один класс - греческого языка. В 1821 году появился класс русского языка. Затем открыли еще по одному классу (в 1823 году греческий, в 1829 году - русский). Обучение в училище было бесплатным. Лишь с 1832 года с детей зажиточных греков брали по 2 рубля 50 копеек в год. Бедные же от платы освобождались. Платное обучение длилось недолго, через несколько лет образование вновь стало бесплатным. Первыми учителями в училище были

приглашенный из Греции М. Мазараки и отставной поручик С. Календа. И впоследствии продолжалась практика приглашения учителей греческого языка из Греции или Малой Азии. В разные годы в училище преподавали греки Яжиджи, Парией, Йорданов, Марио.

Со временем к греческому и русскому языку добавили Закон Божий, грамматику, арифметику и историю. Количество учеников в училище год от года менялось, колеблясь от 30 до 109 человек. До 1834 года число учащихся росло, затем началось уменьшение.

Родители детей, обучавшихся в приходском училище, высоко оценивали деятельность училища и его учителей. В благодарственном письме, подписанном 71 человеком, говорилось, что до открытия училища многие дети были абсолютно неграмотны, разговаривали лишь на татарском языке. После окончания училища дети читали и писали по-гречески и по-русски.

Так или иначе сбывалась мечта митрополита Игнатия, хорошо понимавшего, что в национальном плане у греков Крыма было мрачное будущее. Возможно, в те годы он один осознавал, что несмотря на все невзгоды, которые придется испытать, вывод из Крыма спасет их не только как христиан, но и как греков. В складывавшейся в те годы политической ситуации вывод греков из Крыма был единственным спасительным шагом. В полной мере это можно оценить лишь сегодня и согласиться с Ф. Хартахаем, назвавшим митрополита Игнатия Моисеем мариупольских греков. В возрождение Игнатий верил и это, похоже, была основная идея его жизни. Во всяком случае, со временем греки освобождались от чувства угнетения и униженности, что позволило архиепископу Екатеринославской епархии Гавриилу сравнить вывод греков из Крыма с выводом евреев из Египта.

Через пять лет после открытия училища в Мариуполе открылось духовное училище в Саргане. Располагалось оно в доме протоиерея Константина Мурафа и имело четыре класса. Со временем и в других местах появились общественные школы грамотности. Главными предметами в них были греческий букварь, молитвы, псалтырь, катехизис и чистописание. Основной литературой в греческих школах были церковные книги конца XVIII - начала XIX вв. Многим они заменяли буквари. (В начальной школе села Мангуш из 168 школьных книг в 1888 году было лишь 5 букварей и 17 задачников. Большую часть составляли религиозные книги). В этих школах, как правило, преподавали греки-иностранцы и священники. В некоторых селах греки так и звали священника - учитель.

И все же школ в уезде не хватало. Желающим учиться приходилось уезжать в Мариуполь. В 1868-1869 учебном году в Мариупольском уезде насчитывалось всего 14 школ, в них обучалось 743 ученика (694 мальчика и 49 девочек). К 1875 году школ насчитывалось уже 58 (здесь надо учесть, правда, что увеличение числа школ объясняется расширением границ уезда). Число учащихся к этому

времени тоже возросло и составило 3294 (2923 мальчика и 371 девочка). В большинстве этих школ работало по одному учителю.

Со временем в греческих селах греческий язык из-за нехватки учителей перестали преподавать. После того как практически были ликвидированы все привилегии греков, закрылось училище в Мариуполе и многие сельские школы. Последние два учителя греческого языка уехали из Мариуполя в 70-х годах.

Не такая уж это редкость, когда развитие направлено в противоположную от исторической необходимости сторону. А в 70-х годах дело обстояло именно так. Все острее среди жителей Мариупольского округа (как греческой, так и негреческой национальности) ощущалась необходимость в средних учебных заведениях. Но не только они не появлялись, а, как видим, продолжали закрываться даже начальные школы. Причины уже назывались: нехватка денег, учителей. Тем не менее об открытии среднего учебного заведения продолжали мечтать многие жители и городская дума. Неизвестно, как долго бы все это продолжалось и осуществились ли бы мечты мариупольцев, если бы в трудный для греков момент в Мариуполе не появился Ф.А. Хартахай. Роль его в становлении системы народного просвещения в Мариуполе и во всем уезде трудно переоценить.

Уроженец села Чердаклы, Ф.А. Хартахай учился в Санкт-Петербургском университете, где тесно сблизился с демократической молодежью, сотрудничал в журнале "Современник". В 1861 году он участвовал в похоронах Т.Г. Шевченко, был одним из тех, кто нес гроб с телом великого демократа. Около десяти лет после окончания университета Ф.А. Хартахай преподавал русский язык и историю в Петровской гимназии, гимназиях Праги и Варшавы. Желая наиболее полно реализовать свои педагогические и просветительские возможности на ниве возрождения культуры и просвещения собственного народа, Ф.А. Хартахай возвращается на родину. Здесь он активно включается в работу

по созданию в Мариуполе гимназии. Помимо сугубо организационных дел, отнимавших много сил и времени, Ф. А. Хартахай издает букварь и книгу для чтения в народных школах. Ему принадлежит и ряд замечательных трудов по истории Крыма. Среди них - "Христианство в Крыму" и "Исторические судьбы крымских татар". Много ценных сведений из этих работ почерпнуты и автором этой книги.

Появление в Мариуполе первой гимназии - событие неординарное для города и потому заслуживает, чтобы о нем было сказано подробнее.

2 августа 1874 года Ф. А. Хартахай заключил договор с Мариупольской городской думой об открытии в городе мужской прогимназии. Намечалось, что это будет учебное заведение с программой, соответствующей программе Министерства народного просвещения. Действительно, через год, в начале 1875-1876 учебного года прогимназия открылась. В ней было всего два класса: подготовительный и первый. Сразу после этого события городская дума обратилась в правительство с просьбой о преобразовании прогимназии в полную гимназию. Со своей стороны дума обещала ежегодно на ее содержание выделять из городской казны двенадцать тысяч рублей. Дело решилось без каких-либо задержек, и вот 1 июля 1876 года постановлением Государственного совета при департаменте государственной экономики в Мариуполе открылась мужская гимназия. Первым ее директором стал Ф.А. Хартахай.

15 сентября устроили торжественное открытие гимназии. Она имела, кроме подготовительного, четыре класса. Первыми учащимися гимназии стали преимущественно выпускники прогимназии в количестве 158 человек. Кроме Ф.А. Хартахая, преподавательский коллектив гимназии составили А.И. Чабаненко, Ф.В. Гампер, Е.К. Калери, С.С. Гофф, А.Д. Хараджаев, И.Э. Александрович.

В 1880-1881 учебном году гимназия имела уже полный набор классов - восемь. Максимальное число учащихся в XIX в. составляло 201 человек (1885 год). До 1881 года плата за учебу в гимназии составляла 25 рублей в год с учащихся основных классов и 15 рублей - для подготовительных. В 1887 году она выросла до 40 рублей в год (во всех классах). Для учащихся гимназии установили несколько именных стипендий. Одна из них - имени Великого Князя Константина Николаевича - составляла триста рублей в год. Стипендия сохранялась за получавшим ее, если тот поступал в университет. Другая стипендия была учреждена купцом второй гильдии К.С. Тамановым.

Ф.А. Хартахай по праву считается и основателем Мариупольской женской гимназии. Она открылась даже раньше мужской - в апреле 1876 года. (Открытию женской гимназии предшествовало существование частного женского училища). Некоторое время после открытия обе гимназии располагались в домах греческих купцов. Мужская - в домах Н.П. Хазанджи и А.Д. Хараджаева, женская - в доме купца Палеолога. Позднее обе гимназии получили по специальному зданию.

Гимназии давали неплохое по тем временам образование, и немало выпускников сумели поступить и закончить Московский, Харьковский, Новороссийский университеты. Один из самых способных учеников гимназии, грек Георгий Челпанов, работал приват - доцентом Московского университета.

На рубеже веков в Мариуполе и греческих селах число школ вновь несколько возрастает. Основная масса учеников, однако, обучалась в них лишь по 2-3 года. В Мангуше (чуть раньше - с 1879 по 1889 г.) из 1228 учеников лишь 66 окончили начальную школу. Получившие такое образование считались, естественно, грамотными. Грамотными считались и те, кто умел лишь расписываться по-русски. Не такого ли рода статистикой объясняется первенство Мариупольского уезда по Екатеринославской губернии по проценту грамотных, как показала перепись 1897 года?

Образованию и расширению кругозора греческого населения способствовали контакты с русскими и украинцами. В греческих селах нередко скрывались беглые, нанимавшиеся к зажиточным грекам батраками. Многие из них были политическими. Это в какой-то мере способствовало политизации сознания у греков, хотя в целом они продолжали жить довольно замкнуто. Браки в течение XIX - начале XX вв. между представителями разных национальностей были большой редкостью. Исследователи, в частности Ю.В. Иванова, отмечают, что греческие девушки, даже из бедных семей, не шли в услужение в русские и украинские семьи. Приток же прислуги в противоположную сторону - русских и украинок в греческие семьи - был делом распространенным.

Мы уже говорили, что трапезы в жизни греков занимали особое место. (Серьезное отношение к пище сохранилось и поныне.) Надо сказать, что на характере пищи отчетливо проявились занятия греков - животноводство и земледелие. В пище преобладали мясные, мучные и молочные продукты. Почти ежедневно к столу подавали суп с бараниной, пшеничную кашу с арьяном (кислым молоком).

Хлеб пекли сами, причем тесто замешивалось без дрожжей. Мариупольский городской голова середины XIX века определял его вкус как солоноватый, но приятный. Кроме того, хозяйки часто пекли калачи, а на праздники и особенно в заговенье, истосковавшиеся по мясу во время великого поста греки жарили чебуреки (чирчирья). Готовили их непременно и на крестины и по другим знаменательным дням, а также чабаны во время своего длительного пастбищного сезона. Это татарское блюдо греки внесли в свой рацион еще в Крыму и с тех пор считают его своим национальным блюдом.

Мясо заготавливали впрок. Преимущественно это была хаурма - мелко нарубленная баранина, обжаренная в чугунном котле. Из соленой и вяленой на солнце баранины готовили хахач, колбасу. Баранину и говядину также солили в специальных бочках. Впрок заготавливали и соленый сыр.

В течение всего года в греческих домах готовили айран. Летом, в жару, его разбавляли водой, и напитком, получившим название "айязмо", утоляли жажду.

Кроме мясных блюд, запасались греки на зиму и разнообразными соленьями: перцем, огурцами, арбузами, дынями, а также горохом, фасолью, чечевицей и тыквами. Из арбузов варили также бекмез, а из тыквы - варенье на меду. Бекмез ели как сладость и добавляли в лапшу в постные дни.

Помимо чебуреков, и некоторые другие блюда, которые греки считали своими, национальными, были татарскими. Среди истинно греческих национальных блюд епископ Гермоген называет такие: тарахана - суп из гречневой крупы, срава - разваренная фасоль с уксусом и маслом. Из мяса готовили стуфата - баранину, вареную с головками лука и чеснока, а также кавурму - мелко нарезанные куски баранины, обжаренные в собственном соку.

Часто готовили греки и ризогалу - рисовую кашу на молоке. Кашу перед употреблением остужали и посыпали сверху мелко истолченной корицей. Из пирогов предпочитали уже упоминавшийся шумуш, а также кубите - круглый пирог с сырой бараниной и луком. Пекли гречанки также шулики - коржи с маком и медом.

По-прежнему в рацион греков входило вино. Привозили его из Крыма. Использовали его для приготовления напитка тримон, при этом в вино добавляли красный перец и мед. Использовался тримон при простудных заболеваниях. На свадьбах и крестинах обычно пили водку, которую варили в специальном чайнике из красной меди. В водку нередко добавляли мед. Из других напитков особенно любили кофе, но довольно долго греки не употребляли ни пива, ни кваса.

Упомянув о чайнике из красной меди, добавим, что и вся остальная столовая посуда у греков изготавливалась из меди. Большая сковорода для пирогов, ведра (с узкой шейкой и широкие книзу), которыми гречанки носили на голове воду, малая сковорода с ручкой для приготовления яичницы и разогревания хаурмы, котел для приготовления шурпы и кутьи (колыва) - все это делалось из красной меди. Медным был и большой таз для стирки белья, чашки, рукомойник, кувшины. Любовь к меди - давняя любовь греков. Еще в Древней Греции медь почиталась особо и стояла особняком в ряду известных в то время металлов.

Многие авторы (Арш, Бабенко, Браунидр.) обращают внимание на то, что наряду с истинно греческими особенностями во многих сферах жизни греков сохранились и турецко-татарские черты, унаследованные со времен Крыма. До 20-30-х годов XIX века греки одевались почти исключительно по-татарски. Гречанки, например, носили под халатом вышитые шаровары - "щели", такие же, какие обычно носили турчанки. А в чем же сохранились греческие черты? Вот некоторые весьма любопытные детали мужской и женской одежды. Платье у женщин (фистан) и нательная рубаша у мужчин (камсу, пукамс) имели характерный тунико-образный покрой. Вероятно, эта "мода" сохранилась с византийских времен. (В.И.Наулко отмечает эту же особенность и у болгар Приазовья, также в течение почти двух веков испытывавших прямое влияние Византии). Широкое распространение до конца XIX века имел перифтар - полотнячатый головной убор. Девушки его получали в качестве приданого, (Обычай ношения перифтара отмечен и у славянских народов. Бытовал он и в Греции). Перифтар делался с шелковой или золотой вышивкой и бахромой. Поверх всего этого надевался еще и серебряный хинар (ханяр) - что-то похожее на уздечку. Надевался хинар вокруг подбородка и крепился на лбу к перифтару, который в этом месте сплошь обшивался жемчугом с золотыми и серебряными блестками. К концу XIX века перифтар, правда, носили уже только старые женщины. Но в некоторых греческих селах (например, Карани) перифтар носили еще в 60-е годы нынешнего века. Делали это, впрочем, лишь пожилые гречанки. Как и все женщины мира, любили гречанки разнообразные украшения: бусы, браслеты, пояса. Популярным было ношение

"цамблис" - медной или костяной пластинки с прикрепленными к ней пучками из гарусных нитей красного цвета. Цамблис прикреплялся сзади к волосам длинной лентой и свешивался вдоль спины ниже пояса. В течение многих десятилетий, вплоть до 30-40 годов нынешнего столетия, неизменной оставалась обувь у большинства греков. Это были греческие "чарухи" - сандалии из свиной кожи, что-то напоминающее русские лапти (постолы).

В семьях у греков царил патриархат. Полным хозяином в семье считался муж. Гермоген писал, что и по самолюбию и живости характера муж часто бывает крут и горяч, но редко злоупотребляет правами мужа и отца. Несмотря на особое положение в семье, мужчины, однако, не избегали и чисто женской работы и в свободное время даже пряли пряжу и ткали. (Многое сохранилось в обычаях и нравах у потомков переселенцев и поныне, но это качество - выполнять традиционную женскую работу - сегодняшние мужья утратили безвозвратно). Совсем иное мнение сложилось у Ф. Брауна, писавшего: "В быту и обычаях греки и татары (жители сел, где говорили на греческом и жители татароязычных сел - И.Д.) одинаковы: ленивы, работают только мужчины (бедные). Женщины все сидят дома и курят трубки, в чем сказалось татарское влияние. Но вообще народ трезвый и честный, пьянство пока не очень сильно распространено".

А вот характеристика, данная грекам (и армянам) штабс-капитаном Драчевским, собиравшим данные по Екатеринославской губернии (опубликованы в 1850 году): "...Народы эти (греки и армяне - И.Д.), несмотря на столь давнее переселение их из Крыма, нисколько не оставили еще азиатских нравов, заимствованных ими вместе с языком от татар и потому до сих пор остаются в грубом невежественном состоянии, любят семейную жизнь, проводят время в праздности, неохотно принимаются за всякое нововведение, склонны к воровству. но гостеприимны, лень и отсутствие всякой любознательности доходят в них до высшей степени, нередко встречаются между ними достигшие уже столетнего возраста, но не бывшие не только в отдаленных местах, но даже в окружающих селениях". Патриархальные мотивы улавливаются и в охранявшейся буквально до последнего времени, например, такой традиции. В случае смерти главы семьи или ухода его на войну почитание и уважение как к старшему в семье переносилось на мальчика, если тот был в семье. Дети в греческих семьях уважали и несколько побаивались своих родителей. Без их согласия сын не мог жениться, дочь - выйти замуж. Мнением молодых нередко просто пренебрегали. О.Н. Ксенофонт-ва-Петренко пишет, что девушка не имела права сказать "не хочу, не пойду", если родители ей уже подобрали жениха. И когда она высказывала строптивость, то отец мог избить ее и бросить в амбар, а замуж выдавал за того, за кого хотел. Этот же автор указывает, что в Сартане, например, бывали случаи, когда родители сватали несовершеннолетних детей. Два старых приятеля могли договориться поженить своих детей. Такое соглашение-клятва редко нарушалось. Если же такое случалось, то воспринималось как страшное оскорбление и нарушение обычаев, освященных веками. И по данному вопросу у Ф. Брауна имелась своя точка зрения. Побывав в начале XX века в Старом Крыму, он пришел к выводу, что женятся здесь не по расчету, а всегда по любви, "был бы жених красавец", - приводит он фразу одной из жительниц. Сватовство малолетних практиковалось вплоть до начала XX века. Венчание, разумеется, проводилось в церкви. Перед отправлением в церковь жених на руках выносил из дома невесту, сажая ее в приготовленную и украшенную арбу, запряженную волами. Невесту покрывали особой накидкой и в таком виде в сопровождении родных и близких отправлялись в церковь. Несколько молодых людей - паликаров, друзей жениха - верхом на лошадях сопровождали праздничную процессию. При этом один из них ехал впереди с обнаженной саблей. Весь путь сопровождался музыкой и песнями. После обряда венчания все возвращались в дом жениха, где начинались поздравления, свадебное застолье с музыкой, танцами и песнями, продолжавшимися нередко до рассвета.

В каждом селе свадебный обряд имел свои отличительные черты. Хотя он менялся со временем, но всегда и везде свадьба у греков, как, впрочем, и всех других народов земли, была особым событием: многолюдным, красочным и музыкальным.

С замужеством многое менялось у гречанок. Менялась, например, прическа. Если до замужества девушки заплетали волосы в косы, то после замужества косы срезали, а волосы прятали под платок. Со временем менялся и способ ношения самого платка: пожилые гречанки повязывали платок узлом над лбом (в то время как молодые - под подбородком).

О занятиях мужчин говорилось уже достаточно. Женщины в греческих селах работали в основном дома. Главным занятием девушек было разнообразное рукоделие: вышивание, вязание, ковроткачество. С детских лет девочек готовили к замужеству. Задолго до этого важного события в своей жизни они начинали готовить для себя одежду, а также подарки, которые по старой традиции

должны были преподнести родителям мужа. Девушки вязали скатерти, полотенца, изготавливали кружева. Часто для этих занятий девушки собирались вместе на посиделки в чьем-либо доме. О.Н. Ксенофонтова-Петренко пишет, что при этом окна в комнатах, где сидели девушки, оставались незавешенными. Это делали специально для молодых людей, которые собирались на улице под окнами дома. Таким образом они нередко выбирали себе будущих жен. Мы уже говорили о знакомствах на курэше. Кроме этих случаев, молодым представлялись и другие случаи для знакомства. В Сартане и других греческих селах в долгие зимние вечера устраивали посиделки в доме какого-либо сказителя, знатока песен, сказок и удрамаидов (небылиц, до которых греки были большие охотники). В таких домах собирались не только молодые, но и люди довольно почтенного возраста.

Внутреннее устройство греческого дома было довольно простым. В доме устраивались сени, довольно просторные, с очагом, а нередко и с кладовой, где хранилась домашняя посуда и продукты, и горница. Горница представляла собой большую комнату с тремя окнами, причем в двух из них устраивались решетки. Непременно устраивалась в горнице софа. Она служила местом для сна, а также завтрака, обеда и ужина семьи. При этом на софе устанавливался низкий стол - трапез, после обеда его убирали в сени. Под софой обычно устраивался склад вещей. "Так же, как и в Крыму, в домах под потолком устраивались резные полки, на которых размещались чашки, миски, другая кухонная утварь. В углу возле двери устраивали шкаф для хлеба. Передний угол в горнице был местом, где размещалась икона и висела лампадка," - так описывает греческое жилище Антон Анторин, мариупольский греческий голова середины XIX века. Автор может добавить, что именно такую обстановку он запомнил со времен детства в родном доме.

Комнаты свои греки непременно украшали домотканными коврами. Ими устилали полы и сиденья для гостей. Однако этот обычай появился несколько позже. Самой старой является традиция украшать горницу рушниками, также домотканными. Рушники имели разный рисунок - "чичак" (цветок), "лухтор" (петух), "гумуш" (рубль с орлом) и др.

Отголосок древности сохранился и в последнем обряде - обряде погребения. Он интересен тем, что в нем, может быть, как ни в каком другом, связь с родиной предков у мариупольских греков проявилась с особой символичностью. Умершему клали в руку монету (в самой Греции монету клали в рот). Деньги предназначались Харону, перевозчику душ умерших. Это была последняя земная трата, но использовать деньги намечалось уже в другом мире. За эти деньги Харон на своей ладье довозил умерших до врат Аида, где души мариупольских греков встречались с душами своих далеких предков.

Да, именно так, - в мрачном царстве мертвых завершается всякая отдельно взятая человеческая одиссея. Но в этой невеселой метафоре для греков заключен не только традиционный трагический финал, но и мощное жизнеутверждающее начало.

Народы, как и человек, всегда стремятся к своим истокам. Мариупольские греки, пройдя по многотрудным дорогам судьбы, никогда не забывали тот родник, из которого черпали силу, любовь, знания, мудрость многие поколения их предков.

Если принять продолжительность одного поколения за 25 лет, то потребовалось ровно сто поколений, чтобы исторические пути греков вновь привели их к той точке, из которой две с половиной тысячи лет назад и началась их одиссея. Греция - Малая Азия - Крым - Приазовье. Сама история подсказывает, что на этом пути еще будут новые вехи. Уже сегодня многие из греков получили возможность вернуться в Грецию. Греция позади, Греция впереди. Взгляд в прошлое - это еще и взгляд в будущее. А это значит, что жизнь продолжается.

Продолжается и одиссея мариупольских греков

1977 - 1992 гг.

Приложение 1

ВЕДОМОСТЬ *

учиненная коликое число по выводу христиан в .расход денежной казны по артикулам употреблено

Выдано на подарки:

Преосвященному митрополиту Игнатию	6.550 руб.
Армянскому архимандриту Маргосу	2.820 руб.
Католицкому патеру Якову	1.250 руб.
Всем им трем на покупку двух карет, двух колясок, фурмана, лошадей, седел, упряжки и прочего	2.799 руб.
Духовным и другим уважительным особам на подарки и угощение	3.140 руб.
На зарплату христианам, за оставшиеся их сады	4.511 руб.
Роздано разным из них на одежду, пропитание и прочие нужности	1.217 руб.
На зарплату же татарам за недостаточных христиан долгов	204 руб.
На путевое продовольствие	23.345 руб.
Христианам за их в следовании дорогой упалых волов	65 руб
Под своз греческих церквей на покупку фур и волов	254 руб.
Греку Игнатию заплачено долг его, состоящий на еникольском жителе Спиро, в котором взята ко взысканию с должника расписка	60 руб.

* Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. В 4-х тт. - СПб., 1885-1889.

Всего в расход 75.029 руб. 92 коп.

Приложение 2

Высочайшая грамота об устройстве христиан, выведенных из Крыма 21 мая 1779 г.

Божиею поспешествующею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская, московская, киевская (далее следует перечень всех российских земель). Вернолюбезному нам преосвященному Игнатию, митрополиту-готфейскому и кафайскому, и всему обществу крымских христиан греческого закона, всякого звания всем вообще, и каждому особо наше императорское милостивое слово.

Благонамеренное всеобщее предприятие ваше да благословит десница вышняго, мы рассмотрев посланное к нам от вас из Бахчисарая от 16 июля сего года общее и на доброй воле основанное прошение о избавлении всех вас от угрожаемого ига и бедствия принятием в вечное подданство Всероссийской Империи, соизволяем мы не токмо принять всех вас под всемилостевейший наш покров и яко любезнейших чад, успокоив под оным, доставить жизнь толико благоденственную, колико желание смертных и беспрестанное наше о том попечение простираться

Иван Джуха. «Одиссея мариупольских греков: очерки истории». Вологда 1993.

могут. Следуя сему и соизволяем пользоваться вам в государстве не токмо всеми теми правами и преимуществами, каковыми все подданные наши от нас и предков наших издревле наслаждаются; но сверх того указали мы: 1). При настоящем переселении вашем в Азовскую губернию перевести из Крыма на иждивении нашем все то имущество ваше, которое только перевезено быть может, а особливо бедных и состоящих в долгах хану и тамошнего правительства искупить из казны нашей. Что из определенной от нас суммы уже и исполнено.

2). Для удобнейшего поселения вашего отвести в Азовской губернии особенную от прочих селений достаточную часть земли по Солоной и другим рекам, и по берегам Азовского моря с тем, что тамошнее изобильное рыболовство в дачах селения вашего всемилостивейше жалует вечно в пользу и выгоды всего общества без всяких в казну нашу податей; для купечества же, мастеровых и промышленников назначаем к обитанию их той губернии города: Екатеринославль и Марионполь, как выгоднейшие для торговли места. 3). По разделении на классы государственных жителей, всемилостивейше увольняем всех от государственных служб и податей, какого бы звания оные ни были на десять лет, а по прошествии оного времени имеют платить в казну нашу ежегодно купечество с капиталов с рубля по одному проценту, цеховые также и мещанство со двора по два рубля, а уездные поселяне, именно земледельцы, не с душ, а с земли, полагаемой для каждого по тридцати десятинам, будут вносить с каждой десятины в год по пяти копеек; неимущие же поселяне снабжены будут из казны нашей не токмо продовольствием на первый год на посев земли всякого звания хлебными семенами, но скотом и всем к заведению домоводством принадлежащим, с возвратом за все оное в казну через десять лет. Равным образом и дома их построены будут казенным иждивением; имущественные же на отведенных им землях имеют строить дома, лавки, анбары, фабрики, и все, что сами пожелают из собственного своего иждивения, пользуясь все вообще навсегда всяких постоев свободою, кроме тех случаев, когда воинские команды мимо селений ваших проходить должны; от отдачи же на войско рекрут, увольняетесь вечно, разве, кто сам в службу нам пожелает. 4). Преосвященному митрополиту Игнатию по смерти его всемилостивейше препоручаем паству всех сих с ним вышедших и впредь выходящих из Крыма поселян, которому и состоять непосредственно под нашим Святейшим Синодом; священникам, вышедшим ныне, оставаясь всякому при своей епархии, зависеть от него, которому и впредь по рассмотрению своему и по мере надобности рукополагать в пастве своей священников и других церковников.

5). Суд и расправу и всю внутреннюю полицию иметь на основании генеральных в государстве нашем узаконений, выбираемыми из вас же вольным голосом начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованьем по штату Азовской губернии под апелляциею наместнического правления. В селах же и деревнях для защиты во всех нужных случаях определяются особые из российских урядники, коим в судопроизводстве сих поселян и ни во что не мешаясь быть токмо охранителями и их заступать.

Впрочем до вступления каждого в избираемый им род государственных жителей пользуется как-то: свободою торговлею вне и внутри государства, и для вящей выгоды оные позволяется строить из собственного вашего капитала купеческие мореходные суда, разводить нужные и полезные фабрики, заводы и фруктовые сады, по разведении которых всякие виноградные вина в селениях ваших малыми мерами, вывозимые же во внутренние России города бочками продавать можете. Словом, всякого звания промыслы распространять по собственной воле и достатку каждого и всем тем под самодержавным нашим скипетром и защитою законов наслаждаться.

Все сии преимущества, жалую мы торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена для вящей силы, своеручно подписали, и государственною нашею печатью укрепить повелели. Дана в престольном нашем граде Санкт-Петербурге лета от Рождества Христова 1779 г. мая 21-го дня государствования нашего седмаго на десять года.

Екатерина

Приложение 3

ВЕДОМОСТЬ

(лист первый)

Учиненная с показанием, сколько разного рода из Крымской земли, каких городов и деревень отправлено в Россию христиан обоего пола мужского и женского, из оных коликое число оставшихся для торговли, зимующих тож за своими расправами по домам значится ниже сего.

Сентября 18 дня 1778 г.

..	Какого рода и	Обоего пола		Итог
		Мужского	Женского	
Из Кафы	Греков	837	806	1643
	Грузин	13	11	24
	Армян	2781	2730	5511
Из Бахчисарая	Попов	2	-	2
	Греков	667	652	1319
	Грузин	13	14	27
	Армян	702	673	1375
	Их ясырей: Грузин	8	1	9
Из Карасубазара	Валахов	1	3	4
	Греков	518	486	1004
	Грузин	5	3	8
	Валахов	5	2	7
	Армян	1419	1390	2809
Из Козлова	Греков	92	80	172
	Попов	1	1	2
	Армян	667	637	1304
	Их ясырей: Грузин	53	17	70
	Валахов	1	-	1
Из Акмечети	Армян	145	114	259
Из Старого Крыма	Греков	60	49	109
	Армян	87	73	160
Из Белбека	Греков	30	40	70
Из Балаклавы	Греков	43	39	82
Албаты	Греков	62	51	113
Черкес- Кермана	Греков	155	152	307
Мармары Комары	Греков Греков	46 238	57 237	103
Утары	Греков	18	20	38
Стели	Греков	603	625	1228
Куш	Греков	24	25	49
	Итого:	9296	8988	18284
Из каких мест	Какого рода и закона	Обоего пола числа душ		Итого
		Мужского	Женского	
Ласпи	Греков	63	65	128
Хаиты	Греков	11	10	21
Улаклы	Греков	102	113	215

Толи	Греков	14	18	32
Качкальян	Греков	38	39	77
Шуры	Греков	80	71	151
Бишуи	Греков	371	315	686
Янисоль	Греков	437	394	831
Темерчи	Греков	100	90	190
Слободы Миляри	Греков	32	25	57
Янкули	Греков	183	171	354
Жемрек	Греков	206	166	372
Ушуню	Греков	60	64	124
Ялсы	Греков	150	139	289
Баисы	Греков	51	56	107
Шалень	Греков	27	24	51
Катагор	Греков	52	45	97
Малой Каракубы	Греков	131	113	244
Куроузенъ	Греков	56	47	103
Улоузенъ	Греков	67	57	124
Кучукузенъ	Греков	67	59	126
Сартаны	Греков	374	369	743
Чердаклы	Греков	75	79	154
Малого Янкули	Греков	30	38	68
Даиры	Греков	1	3	4
Зуи	Греков	2	3	5
Коз	Греков	38	36	74
Амареты	Греков	37	39	76
Вуртолл	Греков	21	12	33
Карань	Греков	172	159	331
Никитина	Греков	50	52	102
Гурзы	Попов	1		1
	Греков	41	41	82
Казылташ	Попов	1		1
	Греков	90	96	186
Ялты	Попов	1		1
	Греков	120	120	240
Массандры	Попов	1		1
	Греков	120	110	230
Магарача	Попов	1		1
	Греков	92	82	174
Агутки	Попов	2		2
	Греков	81	86	167
	Итого:	3649	3406	7055
		Обоего пола ишла душ		

Из каких мест	Какого рода и закона	Мужского	Женского	Итого
Инкермана	Греков	20	21	41
Малого Ломбата	Греков	37	38	75
Яна	Греков	117	105	222
Абдал	Валахов	82	67	149
Какчийой	Грузин	14	5	19
Бешутки	Грузин	27	14	41
Татлы	Армян	112	100	212
Мелик	Армян	39	33	72
Камышлак	Армян	62	59	121
Сале	Армян	115	109	224
Большого Ломбата	Попов	7	8	15
	Греков	195	162	357
Чуруксу	Греков	24	22	46
	Армян	20	20	40
Бурундук - Отар	Греков	61	35	96
	Армян	17	21	38
Топчак	Греков	62	41	103
	Армян	7	3	10
Султан-Салы	Грузин	8	7	15
	Армян	34	23	57
Керменчик	Попов	7	5	12
	Греков	249	216	465
Биясало	Попов	2	3	5
	Греков	118	107	225
Мангуши	Попов	5	5	10
	Греков	415	348	763
Лаки	Попов	3	3	6
	Греков	214	192	406
Большой Каракубы	Попов	16	12	28
	Греков	713	682	1395
Чермалык	Попов	6	2	8
	Греков	190	156	346
	Грузин	1	3	4
	Итого:	2999	2627	5626
Урталак	Попов	5	8	13
	Грузин	1	-	1
	Армян	214	192	406
	Итого:	220	200	420
Всего обоого пола душ		16164	15221	31385

Из одного же числа оставшихся в Крыму и в других местах			Обоего пола числа душ		Итого
			Мужского	Женского	
Для торго- вого про- мысла	В Козловке	Греков	2		2
	Перекопе	Из Козлова армян	10	-	10
		Кафы Армян	1	-	1
	Царьграде	Козлова армян	1	-	1
	Анадоле	Козлова армян	1	—	1
Зимующих	г.Черкесске	Кафы греков	30	27	57
	Ениколе	Кафы армян	90	94	184
По своим расправам	Козлове	Армян	12	—	12
	Карасубазаре	Армян	19	—	19
	дер. Куш	Греков	1	-	1
Итого:			167	121	288

Приложение 4

Старые и новые названия первых греческих сел

Старое название	Новое название	Район
Бешев	Старобешеве	Старобешевский
Богатырь	Богатырь	Великоновоселковский
Большая Каракуба	Раздольное	Старобешевский
Большой Янисоль	Великоновоселовка	Великоновоселковский
Игнатъевка	Староигнатъевка	Тельмановский
Камар	Комар	Великоновоселковский
Карань	Гранитное	Тельмановский
Керменчик	Старомлиновка	Великоновоселковский
Константинополь	Константинополь	Великоновоселковский
Ласпи	Старая Ласпа	Тельмановский
Малый Янисоль	Куйбышево	Володарский
Мангуш	Першотравневое	Першотравневый
Сартана	Сартана	часть г.Мариуполя
Старый Крым	Старый Крым	часть г.Мариуполя
Стыла	Стыла	Старобешевский
Чердаклы	Кременевка	Володарский
Чермалык	Заможное	Тельмановский
Улаклы	Улаклы	Великоновоселковский

Урзуф	Приморское	Першотравневый
Ялта	Ялта	Першотравневый